

Тарас Прохасько

НЕПРОСТЫЕ

(Перевод с украинского Э. Зельцман и Р. Левчина)

А кто не читает это эссе, тому или той
будет непросто в жизни, поскольку их Непростые
обойдут своими явными сюжетами, а может, даже
отключат звук и свет.

Ярослав Довган

Шестьдесят восемь случайных первых фраз

1. Осенью 1951 года было бы неувидительно двинуться на запад – тогда даже восток начал постепенно перемещаться в этом направлении. Однако Себастьян с Анной в ноябре пятьдесят первого пошли из Мокрой на восток, которого все же тогда было больше. Точнее – на восточный юг или же юго-восточно.

2. Это путешествие откладывалось столько лет не из-за войны – война мало что могла изменить в их жизни. Себастьян сам решил нарушить традицию семьи, согласно которой детям показывались места, связанные с историей рода, в пятнадцатилетнем возрасте. Потому что тогда, когда Анне исполнилось пятнадцать, Себастьян понял, что все повторяется, и Анна стала для него единственно возможной женщиной во всем мире. Что он не только может быть лишь около нее, но и не может уже быть без нее. Тем временем в Яливце¹ – том родовом гнезде, куда следовало повести Анну, – ее ожидали Непростые. И Себастьян знал, что они очень легко убедят дочку остаться с ними.

В конце концов, то, что Анна тоже станет Непростой, было предусмотрено ими еще тогда, когда она рождалась.

3. В апреле пятьдесят первого Анна почувствовала, что папа Себастьян – ее единственный возможный муж, и они сблизилась.

Той весной многие бродили неслыханными маршрутами и разносили невероятные слухи. Так Себастьян узнал, что Непростые исчезли из Яливца. С тех пор про них никто ничего не слышал.

Целое лето Себастьян и Анна беспробудно любились, и мимо них прошло несколько разных армий. Ничто не мешало идти ни на восток, ни на юг, ни на юго-запад. Когда стало по-настоящему холодно, и дороги плотнее втиснулись в свои колеи, они, наконец, вышли из Мокрой и через несколько дней могли бы быть в Яливце.

Путешествие откладывалось три года. Но Себастьян ничего не боялся – у него снова была настоящая жена. Той же породы, что всегда.

4. Он не мог себе представить, как сможет показать дочери все места в горах от Мокрой до Яливца по-настоящему. Вместо четырех дней надобно, чтобы путешествие длилось четыре сезона. Только так, а еще днем, ночью, утром и вечером Анна могла бы увидеть, как одновременно по-разному выглядит эта дорога. Он смотрел на карту, читал названия вслух и становился счастлив уже от этого.

Его даже не расстраивало, что карта ничего не говорила Анне .

По правде говоря, немного беспокоили деревья, которых он не видел столько лет. Их рост – самая частая причина того, что места неожиданно становятся неузнаваемыми. И самое важное доказательство необходимости никогда не оставлять близкие деревья без надзора.

¹ Яливец – *Yuniperus*, можжевельник, вечнозеленое растение семейства кипарисовых, давшее название городу и кинотеатру в нем (примечание переводчиков).

Что до самого перехода, то ни одно путешествие и так не знает, что с ним может случиться, не может знать своих истинных причин и последствий.

5. Когда-то Франц сказал Себастьяну, что на свете есть вещи, гораздо более важные, чем то, что называется судьбой. Франц имел в виду прежде всего место. Есть оно – будет история (если же существует история, значит, должно быть соответствующее место). Найти место – начать историю. Придумать место – найти сюжет. А сюжеты, в конце концов, тоже важнее, чем судьбы. Есть места, где невозможно уже ничего рассказывать, а иногда стоит заговорить одними названиями в правильной последовательности, чтобы навсегда овладеть интереснейшей историей, которая будет держать сильнее, чем биография. Топонимика способна ввести в соблазн, однако ею можно вполне обойтись.

6. И с Себастьяном случилось нечто подобное. Он нашел Яливец, выдуманный Францем. Его увлекла лингвистика. Топонимика захватила его, а не просто он увлекся завораживающей красотой имен.

Плэска, Опрэса, Тэмпа, Апэска, Пидпула, Себастьян. Шэса, Шэшул, Мэнчул, Билын, Думэнь, Пэтрос, Себастьян.

Когда еще не существовало никаких гор, названия были уже заготовлены. Так же, как и с его женами – их еще не было на свете, когда его кровь начала смешиваться с той, которая должна была стать их кровью.

С той поры ему только и оставалось, что придерживаться этой ограниченной топонимики и этой укороченной генетики.

7. Франциск встретил Себастьяна на скале за Яливцом. Себастьян возвращался из Африки и постреливал в птиц. Снайперская винтовка не давала ощутить убийство. Через оптику все видится, словно в кино. Выстрел не то чтобы обрывает фильм, а вносит в сценарий какую-то новую сцену. Таким образом он настрелял довольно много разных мелких пташек, летевших над Яливцом как раз в Африку.

Скоро должна была начаться зима. Она должна что-то изменить. Зима дает цель – это ее основное качество. Она закрывает открытость лета, и уже это должно во что-то вылиться.

Франциск искал нечто, из чего можно было бы сделать следующий мультипликационный фильм. И вдруг – перед зимой, скала над городом, в середине города, стая птиц над горою, которые летят в Африку, Малую Азию, туда, где поля с шафраном, алоэ и гибискусом меж гигантскими кустами шиповника почти перед длинным Нилом, множество убитых в глаз разноцветных птиц, сложенных одна на одну, из-за чего разные цвета еще более разнятся, в каждом правом глазу отблеск межконтинентального маршрута, в каждом левом – багровое пятно, и ни одно перышко не повреждено, и легонький ветерок набрасывает пух одного невесомого тельца на прозрачный пух другого, и глаз стрелка в обратном преломлении оптики. И стрелок. Красный белый африканец.

8. У Себастьяна замерзли руки. Он отморозил их в ночной Сахаре. С тех пор руки не терпели рукавиц. Себастьян сказал Францу – а что ж должны делать пианисты, когда так холодает?

Они смотрели во все стороны, и везде было хорошо. Потому что была осень, и осень перетекала в зиму. Франц называл разные горы, даже не показывая – где какая. Потом он пригласил Себастьяна к себе. У него давно не было гостей – давно не встречал на скалах кого-нибудь незнакомого. Наверное, тогда они впервые пили кофе с грейпфрутовым соком. Когда Анна принесла им кувшин на застекленную галерею, где медная печка топилась обрезками виноградных лоз, Себастьян попросил, чтобы она немного задержалась и показала – что видно через это окно. Анна перечислила – Плэску, Опрэсу, Тэмпу, Пидпулу, Шэсу, Шэшул, Мэнчул, Билын, Думэнь, Пэтрос.

Была поздняя осень 1913 года. Франц сказал, что есть вещи, значительно более важные, чем то, что зовется судьбой. И предложил Себастьяну попробовать пожить в Яливце. Темнело, и Анна перед тем, как принести другой кувшин – почти что один сок, кофе лишь несколько капель, – пошла постелить ему постель, так как еще не сумела бы сделать это наощупь.

Хронологически

1. Себастьян остался в Яливце осенью 1913 года. Тогда ему было двадцать лет. Он родился с другой стороны Карпат – на Боржаве – в 1893 году. В 1909 целый месяц жил с родителями в Триесте, а через год поехал воевать в Африку. Домой возвращался через Черное море и Констанцу, дальше Роднянские горы, Грынява и Поп Иван. Прошел Черногору, прошел под Говэрлой и Пэтрсом. Была поздняя осень 1913.

2. Яливец появился за двадцать пять лет перед этим.

Этот город выдумал Франциск, которого чаще называли Францем. Двадцать лет Франциск жил в городах – Львове, Станиславе, Выжнице, Мукачево. Он учился рисовать только у одного графика (тот работал когда-то с Брэмом, а потом делал и подделывал печати) и должен был, и хотел, и мог переезжать с ним с места на место. Как-то ему показали фотоаппарат, и он перестал рисовать. Однако немного позже сразу за Моршином умер иллюстратор, который сопровождал краковского профессора ботаники – они ехали в Черногору описывать растения Гуцульщины. В Станиславе профессор заметил Франца, и через несколько дней тот увидел место, где почувствовал себя на своем месте – родственно и счастливо. Через год Франциск вернулся туда и начал строить городок.

А еще через пять лет Яливец был самым фантастическим и достаточно модным курортом Центральной Европы.

3. Анна, из-за которой Себастьян остался в Яливце, сначала звалась Стефанией. Настоящей Анной была ее мама – жена Франциска. Она лечилась от страха высоты, потому что была альпинисткой. Приехала на курорт вместе со своим приятелем – спелеологом. Они делали одно и то же лучше всех в мире. Только она лезла вверх, а он – вниз, но обоим больше всего не хватало пространства. Когда Анна забеременела от Франциска, то решила родить ребенка тут, в Яливце. А когда родилась Стефания, то Анна уже никуда не хотела возвращаться.

Она погибла на дуэли, на которую была вызвана своим мужем. Франциск сразу переименовал Стефанию в Анну. Он сам воспитывал дочь до того самого дня, когда пригласил в их дом Себастьяна, который возвращался из Африки на Боржаву. Тогда Франциск увидел, что теперь она либо подчинится другому мужчине, либо никому.

Письма к Бэде и от него

1. Единственным человеком, который знал их всех на протяжении нескольких десятилетий, был старый Бэда. Поговаривали, что он из Непростых. Во всяком случае, Бэда знался и с ними. Когда Франц научил Анну читать и писать – долгое время он не хотел, чтобы она умела, так как понимал, что Анна будет не писать, а записывать, и не читать, а перечитывать, а это казалось Францу ненужным – она захотела узнать побольше про начало Яливца, про маму. Такое мог знать только старый Бэда, и она писала ему письма с вопросами. Ответы приходили либо очень скоро, либо шли так долго, что казалось, будто в этот раз был указан неправильный адрес (где не было вообще никого, кто мог бы ответить, что Бэды там не может быть никогда).

Как раз тогда Бэда начал жить в броневике, переежая с места на место, однако не пересекая границу определенного круга, центром которого был Яливец. Когда-то Бэда рассказал одну историю.

2. Когда он первый год прожил в своем броневике, то думал, что не сможет забыть ни одной его мельчайшей детали до конца жизни. Потом броневик наехал на мину, забытую итальянцами, которые строили туннель на Яблунецком перевале. Бэда едва не умер. Его подобрали какие-то гуцулы. Все его тело было изранено, и не так, как ножом, саблей или топором, а так, словно пооткрывались щели в земле. Его запихнули в бочку с медом и поили козьим молоком, сброженным в перегретом вине. А броневик взялись ремонтировать цыгане-скрипачи. Через девять месяцев Бэда вылез из меда. Броневик стоял в саду, и дети, забравшись на него, стряхивали с дерева осенние яблоки. Кажется, снежный кальвин.

Так вот, Бэда думал, что запомнил свой воз навсегда. Он вскарабкался, быстро слабея, по лесенке к люку и понял, что не помнит, как лазил по этой лесенке девять месяцев тому. Зажмурил глаза и не мог себе представить, где что есть там, где все было таким знакомым. Успокаивал себя тем, что стала другой кожа. Или тем, что во время ремонта скрипачи отбросили какие-то детали. И не смог себя успокоить. Так писал старый Бэда.

Анна слала ему письма с вопросами про свою семью. Он писал ей, отвечая на вопросы, и всегда дописывал еще что-нибудь о себе. Хотя она этого не просила – но читала с интересом.

3. Некоторые письма Анны выглядели примерно так:

...я не прошу, чтобы ты рассказывал все...

...я тебе тоже хочу много всего рассказать про Яливец, Франциска, маму, Непростых. Ты же единственный на весь мир, кто знал их всех...

...я сама не знаю – за что мне это, но я чувствую их без голосов. Я ощущаю свое тело, я начинаю думать, как оно. Вдруг понимаю, что я не сама по себе. Я завишу от них всех, потому что ими тоже думает мое тело...

...мне не плохо от такой зависимости, но хочу знать, что во мне чье: что Францево, что мамино, что Непростых, что от Яливца, а что мое...

...сомнение – это что-то большее, чем ошибка...

...скажи еще что-нибудь...

...рассказывай дальше...
...как раньше выглядел Яливец...
...я так говорю: я так тебя очень люблю, есть и есть...
...я знаю, что мама появилась уже тогда, когда Яливец стал модным. Таких курортов больше в мире не было...
...про всех наших предыдущих папа всегда говорил, начиная со слов «может быть»...

4. Старый Бэда писал в ответ (Если бы я помнил все, что они говорили, что мы говорили. Даже без того, что рассказывал я. И если бы они рассказывали тогда мне, что они говорили без меня. Но ведь они тоже мало что помнили, кроме нескольких фраз. Если же ты не помнишь, как говорил, как тебе говорили, то никого и нет. Ты не услышишь голосов. Надо слышать голос. Голос живой, и голос оживляет. Голос сильнее, чем образ. Франц говорил мне, что есть вещи, значительно более важные, чем судьба. Скажем, интонации, синтаксис. Если хочешь остаться самим собой – никогда не отбрасывай собственных интонаций. Он всю войну говорил тем самым голосом, что и всегда. Я не могу говорить с тобой второй раз только про это. Я не могу рассказать тебе все то, что ты хочешь услышать. Я могу говорить. И тогда ты можешь услышать то, что хочешь. А наоборот – нет. Но и ты всего не запомнишь. Сказанное уходит. Нам хорошо сейчас потому, что нам хорошо говорится. Мне нравится слышать себя к тебе. У вас в роду никто не признавал общепризнанного синтаксиса. Знаешь, эти ваши семейные фразы – есть и есть, надо и надо, безответственная последовательность плотная, я так тебя очень люблю... Сомнение – это больше, чем ошибка, или меньше. Но дольше. Говорят, что у твоего деда – маминого отца, он нездешний, откуда-то из Шариша – был маленький сад. Он мечтал там пожить на старости лет. Лежать на своих лежанках из ракушек улиток, курить опиум и толкать босой ногою стеклянные шары. Он огородил небольшой клочок земли, засеял его отборной мелкой однородной травой. Посредине вкопал страшенно высокий столб и пустил по нему плющ, фасоль и дикий виноград. Рядом выкопал яму и засыпал ее всю ракушками. Говорили, что что-то такое он когда-то увидел за высокой оградой на Градчанах, когда заблудился там и залез на черешню посмотреть, куда дальше идти. На таком лежаке он лежал, когда курил. Голову клал на большой плоский камень, обросший лишайниками. Он ходил в Белые Татры, собирал какие-то споры и заражал – или лучше сказать, оплодотворял – ими камень. Еще он сам выдувал стеклянные шары, внутри которых были живые цикламены. Шары можно было толкать, они катились, цикламены переворачивались и через какое-то время начинали выкручиваться, стремясь корнями к земле, а верхом – к солнцу. Сад уничтожили, когда твоя мама была маленькой, и дед бежал с нею и всеми детьми в горы. Франц тоже не местный. Никто не скажет тебе, откуда он пришел, откуда вы родом. Он захотел жить в Яливце, потому что надеялся, что там не будет никаких тяжелых впечатлений, не случится никаких историй. Он хотел, чтобы вокруг не происходило ничего, за чем не поспеваешь. Ничего, что нужно было бы запоминать. Он был еще очень молод. Не знал, что так не бывает – это первое – жизнь бурлит везде, пусть по-мелкому, однообразно, но неудержимо, неповторимо и бесконечно. А второе – ничего и так не надо запоминать, удерживать насильно.

То, что может остаться, приходит навстречу и прорастает. Такая себе ботаническая география – полнота радости прорастания. Я знаю, что первая Анна появилась уже тогда, когда Яливец стал модным. Отовсюду съезжались пациенты, чтобы пить джин. Городок выглядел уже так, как сейчас, только не было твоих придумок. Были построены маленькие отели, пансионаты с барами. Там можно было пить одному в номере, на пару, в компании, три раза в день, натошак и на ночь, или всю ночь, а то могли разбудить в какое-то время ночью и подать порцию в постель. Можно было остаться спать, где пил, или выпивать с врачом либо психотерапевтом. Я любил напиваться на качелях. Анна очень хорошо лазила по скалам. Она чувствовала вес каждого фрагмента собственной поверхности и умела расположить ее на вертикальной стене. Там ничего не надо видеть масштабно. И главное – ты всегда со шнурком. Она думала, что ей все равно, а на самом деле начала бояться. Начала приезжать в Яливец после того, как сильно разбилась. Ибо снова могла хорошо лазить, но уже боялась. Не могла как следует это пояснить, потому что почти не умела говорить, хоть и думала каждым миллиметром тела. Франц тогда был вдвое больше, чем сейчас – можешь себе представить, что они чувствовали. Франц никогда никому этого не рассказывал. Но я знаю, что лучше всего им было тогда, когда Анна забеременела. И это – без «может быть». Почему-то принято считать, что сюжет кончается смертью. На самом же деле сюжеты заканчиваются как раз тогда, когда кто-то рождается. Не обижайся, но, когда ты родилась, закончилась история Франца и твоей мамы...).

Анне очень нравилось, что писал Бэда на обертках, которые еще пахли разными фруктовыми чаями.

Генетически

1. Франциск считал себя человеком поверхностным. Любил поверхности. Чувствовал себя на них уверенно. Не знал, есть ли смысл влезать глубже, чем видит глаз. Хотя всегда прислушивался к тому, что звучало за любыми спорами. И принимался к испарениям, исходящим из пор. Присматривался к каждому движению, но, глядя на кого-нибудь, не пытался представить себе – что кто думает. Не мог проанализировать сущность, потому что переполненность внешними деталями давала достаточно ответов. Он не раз замечал, что полностью удовлетворяется теми объяснениями разных явлений, которые позволяют себя увидеть, не требуя доступа к знанию о глубинных связях между вещами. Чаще всего он пользовался простейшей фигурой мышления – аналогией. Преимущественно думал про то, что на что похоже. Точнее – что напоминает что. Тут он перемешивал формы со вкусами, звуки с запахами, черты с прикосновениями, ощущения внутренних органов с теплом и холодом.

2. Но один философский вопрос интересовал его по-настоящему.

Франц раздумывал про редукцию. Его завораживало, как огромная человечья жизнь, бесконечность наполненных бесконечностью секунд, постепенно может редуцироваться до нескольких слов, которыми, например, сказано все про этого человека в энциклопедии (из всех книг Франц признавал только энциклопедический словарь Лярусса, и его библиотека состояла из нескольких десятков доступных ляруссовских переизданий).

Одним из его развлечений было постоянное придумывание статей из нескольких слов или изречений в стиле Лярусса – про всех, кого он знал или встречал. Статьи о себе он даже записывал. За эти годы их набралось несколько сотен. И хотя в каждой находилось что-то, отличающее ее от других, все же его – пусть еще не законченная – жизнь вмещалась в сколько-то десятков хорошо организованных слов. Это воодушевляло Франца и, не переставая удивлять, давало надежду на то, что жить так, как он – вполне хорошо.

3. Еще одним доказательством его личной поверхностности было то, что Франциск ничего не знал про свой род. Даже про отца и маму знал только виденное в детстве. Они почему-то ни разу не говорили с ним о прошлом, а он не додумался хоть о чем-то спросить. Все детство знай себе рисовал в одиночестве все, на что смотрел. Родители умерли без него, у него тогда уже был свой учитель в другом городе. В конце концов как-то Франциск понял, что ни разу, даже в первые годы жизни, не нарисовал ни маму, ни отца. Редукция их была почти абсолютной.

Может, именно страх продолжения такой пустоты заставил его рассказывать дочке как можно больше всякого-разного о себе. Даже про сотворение мира он старался поведать так, чтобы Анна всегда помнила: про то или другое ей впервые рассказал папа.

Хотя про ее маму – его Анну – он тоже знал только то, что пережил вместе с ней – чуть больше, чем два года. Но этого было достаточно, чтобы девочка знала про маму все, что следует.

А за всю свою жизнь – кроме последних нескольких месяцев – Анна и одного дня не прожила без отца. Даже после того, как стала женой Себастьяна.

4. В сентябре 1914 года она добровольно пошла в армию и после нескольких недель обучения попала на фронт в Восточной Галичине. Себастьян с Франциском остались одни в доме недалеко от главной улочки Яливца. С фронта не было никаких вестей. Лишь весной 1915 в город пришел курьер и передал Себастьяну (Францу отрубили голову за день до этого, и завтра должны были состояться похороны) младенца – дочку героической вольнонаемной Анны Яливцовской. Себастьян так и не узнал, когда точно родилось дитя и что делала беременная Анна в самых страшных битвах мировой войны. Но точно знал – это его ребенок. Назвал ее Анной, точнее – второй Анной (и уже после ее смерти он часто говорил про нее просто – вторая).

5. Вторая Анна все больше становилась похожа на первую. Действительно ли они обе были похожи на самую первую – это мог знать только старый Бэда. Что до Себастьяна, то он приучился ежедневно сравнивать себя с Франциском.

Он сам воспитывал свою Анну, не допуская к ней никаких женщин. В конце концов случилось так, что восемнадцатилетняя Анна самостоятельно выбрала себе мужа. Им был, конечно, Себастьян.

6. На сей раз не было такого, чего бы он не знал про беременность своей жены. В конце концов, только он и присутствовал при рождении их дочки и – одновременно – родной внучки. И Себастьян видел, как рождение стало концом истории. Потому что в начале следующей его самая родная вторая Анна умерла за минуту перед тем, как третья оказалась у него на руках.

Где-то в своих горьких глубинах Себастьян ощутил безумное скручивание и расправление подземных вод, замалевывание и стирание миров, превращение двадцати предыдущих лет в семя. Он подумал, что не нужно никаких Непростых, чтобы понять, что такое уже когда-то с ним было, а с новорожденной женщиной он доживет до подобного завершения. Что дело не в удивительной крови женщин этой семьи, а в его неудержимом стремлении влиться в нее. Что не они должны умирать молодыми, а он не имеет права видеть их больше, чем по одной.

7. Себастьян вышел на веранду. Непростые, наверное, пришли уже давно, но тихо сидели на лавках, дожидаясь, пока закончатся роды.

На ужин Себастьян настрелял чуть не сотню дроздов, которые только что объели все ягоды на молодой черной шелковице. Он испек их целыми – лишь ощипал перья и натер шафраном.

Две женщины – вижлунка² и гадерница³ – обмыли Анну и завернули ее в цветные покрывала.

Мужчины тем временем как-то покормили дитя и сказали, что им ничего не надо ей говорить – ибо сама Непростая. А еще сказали то же, что говорил Франц –

² Вижлунка – вешунья, провидица.

³ Гадерница – повелительница рептилий.

что есть вещи гораздо более важные, чем судьба. Кажется, он имел в виду случайность.

После ужина Себастьян никак не мог уснуть. Он вспоминал – не говорила ли когда-нибудь Анна про место, где хотела бы быть похоронена, и как накормить завтра ребенка. Потом начал думать про опыты пастора Менделя с горохом и решил, что дитя будет счастливым. Попробовал представить себя через семнадцать лет – в 1951 году – и сразу заснул.

Первая старая фотография – единственная недатированная

1. Невысокая ограда, сложенная из плоских каменных плит неправильной формы. Кроме того, плиты очень различаются размерами – есть тонкие и маленькие, как ладонь с подогнутыми пальцами, а встречаются такие длинные, что на них можно удобно лежать. Они же – самые большие, но именно среди них нет ни одной, отколотой ровно по всей длине. Однако больше всего все-таки средних. Если держать такую плиту перед собой, упершись подбородком в один край, то другой едва касался бы пояса. Ограда имеет удивительную особенность: хотя выглядит очень цельной, и кажется, что никогда не заканчивается – именно так могли бы выглядеть все обозначенные межи – незаделанные стыки между сложенными плашмя камнями вызывают желание или поменять все плиты местами, или сделать с каждой отдельно что-то другое.

2. Важно, что все плиты абсолютно чистые. На всей стене нигде не растет мох, нет ни одного маленького деревца или хоть стебелька. Если даже какая-нибудь листва и напала на нее с нескольких буков (ограда достаточно широкая, а листва уже желтеет и кое-где обрывается сухим ветром, как это бывает в конце августа – это понятно даже по черно-белой фотографии), то ее кто-то старательно смел с нагретого послеобеденным солнцем камня.

Меж деревьями за оградой – тоже каменная, кубическая постройка. Камни безукоризненно отшлифованы; кажется, что весь дом – монолит без единого окна. Рельеф на фронте имитирует четыре ящика, так что весь куб выглядит как огромный комод. Дом сделан так, словно верхний ящик немного выдвинут. На сравнительно маленькой металлической эмалированной табличке примитивным и низким шрифтом крупно написано YUNIPERUS⁴.

3. А перед оградой – фрагмент выложенной уже речными кругляшами дороги. Дорога начинается снизу посередине карточки, ведет в левый верхний угол, огибая высокую покосившуюся кедровую сосну, и исчезает снова ближе к середине – естественно, вверх. В конце дорога поднимается под таким углом, что служит одновременно и задником снимка. Все время ограда справа, а слева – узкий канал с пустыми бетонными берегами. Еще левее, уже за каналом, поместился лишь кусочек высокого дощатого настила, на котором стоят несколько пляжных лежаков и кадок со стройными яливами.

4. Франциск в белом полотняном плаще с большими пуговицами стоит у самого канала, на берегу, что ближе к дороге. Через руку у него переброшена одежда. Она того же цвета, что и плащ, но можно разобрать, что там только рубашка и штаны. В другой руке – черные туфли. По его позе видно, что он только что отвернулся от воды. А там – голова человека, который плывет по течению канала.

⁴ См. прим.1.

5. Лицо различить невозможно, но Себастьян знает, что это он. Так бывало не раз: они прогуливались по городу – Себастьян спокойно плыл каналами, а Франц шел рядом вдоль берегов.

Каналы шли параллельно каждой улочке Яливца. Таким образом, вода из многих потоков, которые стекали по склонам над городом, собиралась в бассейн на его нижней границе. Себастьян мог часами плавать в горной воде, и они непрерывно разговаривали. Судя по всему, фотография могла быть сделана в конце лета 1914 года. Ведь только один раз с ними ходил молодой инструктор по искусству выживания, которого пригласили в один пансионат – начиная с сентября, преподавать на платных курсах. Кроме него, тогда приехали еще учитель эсперанто и собственник гектографа. Но на прогулку по городу попросился только инструктор.

6. Сразу после купания и фотографирования инструктор предложил зайти куда-нибудь на джин, но Себастьяну с Францем хотелось легкого свежего вина из волосатого крыжовника, и они повели инструктора к Бэде, к броневику, что стоял меж двумя пятнами – островками жерепа⁵. Бэда все лето собирал разные ягоды, и теперь внутри броневика стояло несколько десятилитровых бутылей, в которых ферментировались разноцветные ягоды, нагретые металлическими стенами воза.

Они сперва попробовали понемногу каждого вина, а потом выпили все крыжовниковое. Инструктор страшно разболтался и начал проверять, как Себастьян умеет решать простенькие задачки по теории выживания. Оказалось, что тот почти ничего не знает и может очень легко погибнуть в наивиннейшей ситуации. Хотя Себастьян представлял себе, что же такое выживание. Представлял так хорошо, что вовсе перестал о нем заботиться. И все же выживал.

7. В Африке у него было много возможностей погибнуть, но выжить было важнее, потому что интересно, что же такое Африка. В конце концов, он, глядя на любой клочок земли – даже писая поутру, – видел, что пребывает на другом континенте, на непознаной тверди. Так он убедился, что Африка существует. Ибо перед тем пересчет местностей, длинный ряд отличий в архитектуре, размещении звезд, строении черепов и обычаях стирались принципиальной неизменностью квадратиков грунта и травы на нем.

8. А о выживании он впервые узнал тогда, когда эта трава начала гореть вокруг него. Ветер, который преимущественно приносил лишь психические расстройства, теперь разгонял огонь в четыре стороны от того места, где он упал на высушенную землю. А потом, опередив огонь (может, он забежал как раз туда, откуда его разгонял на четыре стороны ветер), Себастьян попал в середину дождя, что собирался целый год и потом тек по затвердевшему красному грунту многими параллельными потоками, для которых человек значит так мало, как самая маленькая песчаная черепашка, и так много, как миллионы, мириады жаждущих потока семян, сброшенных отмершими ветвями за долгие месяцы без единой капли.

⁵ Жереп – горная сосна.

Инструктор был поражен необразованностью Себастьяна. Он не верил, что кто-то позволяет себе спокойно жить, совершенно не зная, как избежать ежедневной опасности. Тогда Себастьян решил, что больше не скажет про выживание ни единого слова.

9. Итак, единственный недатированный снимок был сделан 28 августа 1914 года. Надо будет надписать эту дату на обороте хотя бы твердым карандашом.

Если надпись даже и сотрется, – а написанное карандашом обязательно стирается, особенно тогда, когда уточнить хоть что-то уже некому, – то от твердого карандаша должен остаться рельефный след, вытисненный в распоротом острым графитом самом верхнем слое бумаги.

Физиологически

1. Каждому мужчине нужен учитель.

Мужчинам вообще необходимо учиться.

Некоторые мужчины отличаются не только способностью учиться и обучаться, но и тем, что всегда знают и помнят – чему от кого они научились, даже случайно. И если у женщин память про учителей – это проявление доброжелательности, то у мужчин – самая необходимая составляющая всего выученного.

Самые талантливые мужчины не просто учатся всю жизнь (учиться – осознавать то, что происходит), но и очень скоро сами становятся чьими-то учителями, настаивая на осознании прожитого. Собственно, так творится непрерывность обучения, которое наряду с генеалогическим деревом обеспечивает максимальную вероятность того, что в продолжение твоей жизни мир не мог бы измениться настолько, чтобы лишь из-за этого совершенно утратить охоту жить.

(Со временем и Франциск, и Себастьян увидели, как много некоторые женщины знают без учителей, как мудрые женщины становятся самыми мудрыми, когда научатся учиться, а когда самые мудрые помнят тех, от кого получали опыт, непроизвольно делая его своим, то превращаются во что-то такое, чего никогда не сможет постичь ни один мужчина. Хотя бы потому, что у таких женщин ничему, кроме того, что нечто такое может существовать, ни одному мужчине научиться не удастся).

2. График, который учил Франца, учился у Брэма. Брэм учился у зверей.

Годами график пересказывал Францу разные истории про учителей Брэма. Годами Франц смотрел на зверей и рисовал их привычки. Позже именно эта адаптированная зоология стала основой воспитания его дочери. Понятно, что тому же он научил и Себастьяна, когда тот навсегда остался в Яливце и начал жить в его доме. Поэтому и Себастьяновы дети знали эти истории точно так же хорошо.

3. Второй Анной Непростые заинтересовались, собственно, потому, что

она так умела понимать животных, что могла становиться такой же, как они, и жить с тем или иным зверем, не вызывая у него беспокойного ощущения инаковости. Что до Себастьяна, то ему нравилось, как каждое утро, для тонуса, Анна на несколько минут превращалась в кошку или лемура. А в их совместные ночи он вроде переспал и с такими мелкими существами, как пауки и короеды.

4. Франциск достаточно быстро заметил, что у него в каком-то смысле

расширенная физиология. Ясно, что физиология каждого существа зависит от среды, но в случае Франца эта зависимость проявлялась чрезмерно. Он без сомнений чувствовал, как часть того, что должно было бы происходить в его теле, выносится далеко за пределы оболочки. И наоборот – чтобы состояться, иные внешние вещи должны были частично пользоваться его физиологическими механизмами.

Франц думал, что чем-то напоминает грибы, перепутанные с деревом, или пауков, чье питание происходит в теле убитой жертвы, или моллюсков с внешним

костяком – раковиной, или рыб, выпущенная сперма которых свободно плавает в воде, пока не оплодотворит что-то.

Он видел, как тем или иным мыслям не хватает места в голове, и они размещаются на фрагментах пейзажа. Ибо достаточно было поглядеть на какую-нибудь полянку, чтобы прочитать осевшую там мысль. А для того, чтобы что-то вспомнить, должен был в воображении пройти по знакомым местам, пересматривая и отбирая нужные воспоминания.

А занимаясь любовью с Анной, точно знал, как она выглядит внутри, потому что был уверен: он весь проходил ее внутренней дорогой.

5. Беспокоить собственная физиология перестала его сразу после того, как учитель рассказал ему, что Брэм говорил, будто у псов нюх в миллион раз лучше, чем у людей. Это поражало, воображение не могло даже приблизиться к этому. Но Франц, уменьшив порядок как минимум до десяти, проникся тем, как все, что происходит вовне, преувеличенно отображается в песьих головах, как сквозняки носятся по коридорам их мозга (это он тоже рассказал Себастьяну, и тот старался считаться с резкими запахами, чтобы псов не дразнило то, от чего невозможно убежать. Себастьян едва не плакал, когда – идя на снайперские позиции – должен был смазывать ботинки табачным раствором, чтобы псы, раз затянувшись тем запахом, утратили охоту и способность идти по его следу). (Франц так заужал псов, что, поселившись в Яливце, завел себе нескольких очень разных. Из уважения же никогда не дрессировал их. Псы жили, рождались и умирали свободными. Кажется, глядя на жизнь прочих псов в окраинах Яливца, они были за это благодарны Францу. В конце концов, именно они были настоящей интеллигенцией Яливца).

6. Правда, одного, может быть, самого интеллигентного, названного Лукачем в честь серба – лесоведа, который научил Непростых выращивать деревья чуть посвободнее, как дикий виноград, а во время войны обсадил Яливец непроходимыми для войска зарослями, – Франц вынужден был убить собственными руками.

7. Лукача покусал бешеный горностап.

Ему было очень плохо, и вскоре должна была начаться агония. Как это и бывает при бешенстве, корчи могли усилиться от вида воды, от порыва ветра в лицо, от света, громкого разговора, от прикосновения к коже и поворота шеи.

Лукач лежал в оранжерее, в тени молодого бергамота. Как раз расцвели цветы пассифлоры со всеми своими крестами, молоточками, гвоздями и копиями, и Францу пришлось накрыть весь куст мокрым полотняным чехлом для пианино, чтобы терпкий запах страстей не дразнил Лукача (когда-то он так любил эту пахучесть, что во время цветения целыми днями спал под пассифлорой, не выходя из оранжереи).

Бергамот рос в самом конце длинного прохода. Франциск шел к нему с тесаком в руке через всю оранжерею, минуя экзоты один за другим. Пес едва повел глазами на лицо, руку, меч и с трудом поднял голову, подставляя горло. Но Франц

сделал иначе – обнял Лукача и прижал его голову вниз, чтобы выступили позвонки, и удар начинался от спинного мозга, а не заканчивался им.

Несмотря на быстроту операции, Лукач мог успеть почуять запах собственной крови, а Франц ясно ощутил, как скрипят ткани, через которые прорывалось лезвие. Было впечатление, будто звуки доносятся во внутреннее ухо из собственной шеи (как чувствуешь иногда свой голос, когда кричишь под водопадом).

8. Убийство Лукача так впечатлило Франца, что потом ему не раз казалось, будто это Лукач смотрит на него очами своих детей, что жесты, позы и мимика Лукача иногда возникают из-под шерсти песьих внуков и правнуков. Будто Лукач оказался бессмертным.

Франц просто слишком мало прожил, чтобы увидеть, что это не совсем так. Ибо уже Себастьяну выпало бесчисленное количество раз убеждаться, как можно входить в одну и ту же реку, живя и с женой, и с дочерью, и с внучкой.

Не находил Себастьян ничего странного и в том, что сам Франц умер, как Лукач (может, только крови он не почуял, но звуки разорванных тканей наверняка слышал внутри себя), хотя убивали его не так старательно.

9. Так же точно никаких аллюзий не появилось у Себастьяна, когда лет через двадцать после смерти Франца на него прямо на середине моста через Тиссу бросился выдрессированный войсковой пес. Себастьян лишь слегка присел, чтобы выдержать ускоренный вес, и подставил летящей пасти спрятанный в кожных локоть. Пасть сомкнулась на левой руке крепче, чем клещи, а Себастьян вынул правой большую бритву из кармана кожаной сумки и одним усилием отрезал песью голову так, что она осталась вцепившейся в локоть, а тело упало на доски моста.

10. С такой расширенной физиологией Франциску не могло быть хорошо где угодно. Ему больше всего мечталось о месте, в котором – как в случае плаценты и зародыша – его физиологии было бы наиболее комфортно прорасти.

Бэда верно писал Анне – такая себе ботаническая география. Франц нашел место, которое делало путешествия необязательными.

Перед премьерой одного из своих фильмов в синематографе «Yuniperus» он даже сказал публике со всей Европы – живу, как трава или яливец, так, чтобы не быть больше нигде после того, как семя ожило; дожидаясь света, который обернется мною; увидеть его не просто снизу вверх, а спроецированным на небо, то есть увеличенным и достаточно искаженным, чтобы быть еще интересней; в конце концов, мое место всегда будет оказываться в центре европейской истории, ибо в этих местах история в разных формах сама приходит на наши подворья.

11. В Яливце, а точнее, в месте, где еще не было Яливца, Франц начал жить по-настоящему. Даже несколько стыдясь своего ежеминутного счастья.

12. В тот день, когда они с профессором остановились между Пэтрсом и Шэшшлом, Франц думал, что путешествует по небесным островам. Лишь несколько самых высоких вершин выглядывали над тучами. Заходящее солнце

светило только им. Красная верхняя сторона туч разливалась затоками, лагунами, протоками, поймами, дельтами и лиманами. О том, что в глубине, умалчивалось.

На мягком склоне Франц нашел ягоды. Из-за укорачивания летнего дня в этой высокогорной тундре они созрели одновременно – земляника, черника, малина, ежевика и смородина. Франц уже не принадлежал себе, включился в какие-то космические движения, потому что не мог остановиться, съел столько ягод, что вынужден был лечь, тогда почувствовал, что опускается до дна небывалого лона, не выдержал и излился.

Немного выше была еще весна и цвели пушистые первоцветы.

Еще выше медленно таял снег.

Франц бросился вниз и забежал между буками, среди которых царилась осень. Во время этого бега сквозь год он излился вторично. Профессор тем временем разложил шатер. Они съели по несколько гуцульских коньков, вылепленных из сыра, и сварили чай из листьев всех ягод. Тогда началась ночь. От месяца все выглядело заснеженным, румынские горы казались далекой полоской берега, а землю неудержимо покидало тепло с запахом вермута.

Ходить, стоять, сидеть, лежать

1. Если города действительно лучшие сюжеты, то кульминацией Яливца как города было, безусловно, время, когда городским архитектором стала Анна – дочь Франциска.

Детям мультипликаторов, ни на шаг не отходящим от отца, стать архитекторами нетрудно. Особенно в городе, который придумал папа. По ее первому эскизу в 1900 году (Анне было тогда семь) построили новый синематограф «Yuniregus» в виде комода с ящиками – специально для показа Францевых анимационных фильмов.

Еще ребенком Анна спроектировала бассейн в виде гнезда чомги, который плавал в озере, подземные туннели с выходами, как у кротов, на разных улочках города, бар, в котором выход был устроен так, что, переступая порог зала, оказывался не снаружи, как мог рассчитывать, а в точно таком же зале, четырехэтажный дом-шишку и большую двухэтажную виллу-подсолнух.

2. Ибо Анна мыслила телом. Каждое движение она могла ощущать не только целостно, но и как последовательность напряжений и расслаблений мышечных волокон, повороты суставов, замирания и взрывы кровотока, проникновение и выдавливание потоков воздуха. Поэтому выражениями ее мышления были пространственные конструкции. И любое строение она видела, минуя покрытие. И, опять-таки, как пространство, в котором происходят перемещения других движущихся и полудвижущихся конструкций – пальцев, хребтов, черепов, колен, челюстей.

3. Однако Франц заметил, что вначале фантазия Анны не могла выйти за пределы симметрии. Он уяснил для себя, что зачарованность чудом природной симметрии и есть первый детский шаг к сознательному воспроизведению красоты мировой гармонии.

4. Анна воспитывалась достаточно ограниченно.

Еще когда она называлась Стефанией, а Анной была только ее мама, Франц понял, что главное в воспитании детей – как можно больше быть с ними. Возможно, пожалуй, он проникся этим слишком буквально, потому что после смерти жены почти двадцать лет не было ни одной минуты, когда бы они с Анной были порознь. Всегда вместе. Или в одной комнате, или вместе выходили из дома, или делали что-нибудь в саду, видя друг друга. Даже купаясь, Анна никогда не запирала двери ванной. Им было важно иметь возможность постоянно слышать, что говорит другой. Это стало единственным принципом Францисковой педагогики. Удивительно, но ей такая жизнь нравилась. Когда Анна начала всерьез заниматься архитектурой, то просто дрожала от радости, когда они работали за разными столами большого кабинета – она делала наброски и чертежи, а папа рисовал свои мультфильмы.

5. Всю жизнь Франциск говорил не столько ей, сколько просто вслух. Все то, что слышала Анна, слышали и их псы. Анна редко что-нибудь спрашивала,

вместо этого приучилась постоянно рассказывать про все свои ощущения, стараясь находить наиточнейшие словосочетания.

Часто она перебивала Франца – расскажи то же самое еще раз, но не так коротко.

Анна не умела читать и писать, зато ежедневно пересматривала картинки в Ляруссе. Музыка она слышала только в исполнении курортной капеллы и еще гуцульских флюяров⁶, цимбалистов, гусяров, трембитаров⁷. Сама играла только на дрымбе⁸. Круг рисовала безукоризненно, но складывала его из двух симметричных половин. Точно так же умела сделать любой эллипс, а прямую могла продолжать бесконечно, время от времени прерываясь на несколько секунд или месяцев. Про маму знала все, что надлежит знать девочке. Играла с псами и таким образом была в кругу ровесников.

6. Она жила вдвое больше, ежедневно проживая свою и Францискову жизнь.

7. Неожиданно для самой себя Анна начала рисовать фасолины. Движение, которым это делалось, давало ей наивысшее физическое наслаждение. Тысячные повторения не делали наслаждение меньшим. Анна начала об этом думать.

Она всюду видела фасолины – в речных камешках и в месяце, в свернувшихся псах и в позе, в которой чаще всего засыпала, в овечьих почках, легких, сердцах и полушариях мозга, в горках овечьего сыра и шапочках грибов, в тельцах пташек и в зародышах, в своих грудях и в особенно любимых двух тазовых костях, которые торчали внизу живота, и в берегах озер и концентрических линиях, которыми показывалось увеличение высоты горы на географических картах. В конце концов решила, что не что иное, как фасолина, есть наиболее продуманная форма извлечения малого пространства из большого.

8. Про это Анна рассказала старому Бэде, когда принесла целый мешок большой синей фасоли к его броневику. Они втащили мешок на крышу броневика и высыпали все в верхний люк. Анна заглянула вниз и замерла – внутри броневик был полон фасоли разных размеров и цветов, вершина кучи свободно двигалась, словно потоки лавы в вулкане. Бэда собирал по всему Яливцу фасоль, чтобы отвезти ее на базар в Косове.

Видно, потом он что-то сказал Непростым, потому что они пришли и сделали так, чтобы совсем юную Анну назначили городским архитектором.

9. Когда Франц выбирал место, он хотел, чтобы там было хорошо во всех четырех состояниях – ходить, стоять, сидеть и лежать, в каких может пребывать человек.

С Анной было иначе. Она с самого начала жила в таком месте. Став архитектором, Анна начала выдумывать что-то еще. Она очень хорошо помнила то,

⁶ Флюяр – музыкант, играющий на флюяре (многотрубной пастушьей свирели).

⁷ Трембитар – музыкант, играющий на трембите (деревянной трубе до трех метров длиной).

⁸ Дрымба – щипковый музыкальный инструмент, аналог варгана.

чему научил ее Франц, и еще лучше – что учил именно Франц. Но впервые не поверила, что он сказал ей все.

10. Можно падать – и под некоторыми домами установили батуты, на которые соскакивалось прямо с балконов.

Можно висеть – и с двух гор натянули тросы, по которым, взявшись за специальные держки (их Анна нашла среди маминых альпинистских причиндалов), съезжалось аж на центральную площадь, провисев несколько минут над крышами и не очень высокими деревьями.

Можно качаться – и на домах разместили трапеции, на которых перелеталось на противоположную сторону улицы.

А еще можно катиться, подскакивать, ползти, возиться – это тоже было по-разному учтено в обновленном Яливце. Пациентов на джиновом курорте стало еще больше. Себастьян тогда уже воевал в Африке, а из станиславской тюрьмы сбежал террорист Сичинский.

11. Франц ясно видел, что ничего нового Анна придумать не смогла, потому что даже во время падения (или, скажем, полета – если бы ей даже такое удалось) человек либо стоит, либо лежит, либо сидит в воздухе.

Но ему понравились новации, и он предложил заливать на зиму все улицы водой. Яливец на несколько месяцев становился сплошным катком. Только держась за поручни вдоль улиц, можно было как-то выкарабкаться в верхнюю часть города. Но Франц умел ходить по скользкому.

12. Путешествуя с Франциском по ближайшим горам, Анна видела много разных гуцульских поселений. Присматриваясь внимательно, она поняла, что значит иметь свой дом. Забота о доме делает ежедневный поиск еды осмысленным. Иметь дом – словно откладывать остатки пищи или делиться с кем-то едой. Или временем, предназначенным для нахождения еды.

Если тело – врата души, то дом – то крылечко, куда душе дозволено выходить.

Она видела, как для большинства людей дом – основа биографии и выразительный результат существования. А еще там отдыхает память, потому что с предметами ей легче всего дать себе совет.

Ее очаровывала эта гуцульская особенность – самому выстроить свою хату далеко от других. На чистом месте. Когда дом построен, он становится мудрее всех пророков и вещунов – он всегда скажет, что тебе делать дальше.

13. Еще такое качество красоты. Чтобы быть доступной, красота должна формулироваться словами. А поэтому – быть измельченной. Дом дает это мелкое пространство, в котором можно успеть создать красоту собственными силами.

Начальными условиями красоты жилья Анна считала пространство, свет, протяженности, переходы между разделенностью пространства. Поэтому спроектировала несколько домов как гуцульские хаты-гражды⁹. Отдельные

⁹ Гражда – строение по периметру открытого двора.

комнаты и жилые помещения выходили непосредственно на квадратное подворье, замкнутое со всех сторон именно этими комнатами.

14. Исток всей красоты, которая может быть сотворена людьми, всей эстетики, – безусловно, растения (в конце концов – еды тоже; тут идеальное и материальное едины, как никогда). С другой стороны – мало что иное такое точное воплощение этики, как уход за растениями. Не говоря уж про то, что наблюдение сезонных смен – наипростейший выход в личную философию. Поэтому сербский лесовод Лукач засадил подворья гражд привезенными из Македонии цветущими кустами: барбарисом, камелиями, вересом, кизилом, волчьими ягодами, форзициями, гортензиями, жасмином, магнолиями, рододендронами, клематисами.

15. Сам же город Анна велела огородить прозрачными, идущими зигзагом гуцульскими оградами из длинных смерековых¹⁰ лат¹¹ – ворыньем¹². Входить в город надо было настоящими воротами-розлогами, раздвигая заворотницы¹³.

Особой надобности в этом не было, но Анна хотела оживить как можно больше слов, необходимых тогда, когда такие ограды есть – гары, заворынье, гужва, быльця, кечка, спыж.

¹⁰ Смерека – канадская ель.

¹¹ Латы – столбы.

¹² Ворынье – ограда из длинных жердей, прибитых к столбам.

¹³ Заворотницы – жерди в ограде, которые раздвигаются.

Ситуации в колорите

1. Главным обитателем Яливца был, конечно, сам яливец. Франц распланировал строительство города так, чтобы не уничтожить ни одного куста на всех трех сторонах склона. Поскольку деревьев было маловато, большинство домов строили из серых плит каменных выступов, которые в некоторых местах называются горганы. Основными цветами города поэтому были зеленый и серый – еще меньше, чем на гуцульской керамике. Но если серый был всюду одинаковым, то зелень имела много оттенков. Даже немного иначе – нехорошо было бы сказать: зеленый. Лучше – зеленые. Зеленых на самом деле было так много, что все казалось неправдоподобно цветным. Даже не считая тысяч действительно радикально иных пятнышек бордовых, красных, розовых, фиолетовых, синих, голубых, желтых, апельсиновых, белых, еще раз зеленых, коричневых и почти черных цветущих кустов. По их цветкам маленькая Анна изучала цвета (Франц часто думал о том времени как о чем-то наилучшем. Называть цвета стало для него очевидным воплощением идеи творения мира и понимания). Если жить внимательно, то цветоводство в таком городе не нужно. Так и было.

Еще нужно представить себе сплошные полосы ближних, дальних и самых далеких гор, которые были видны из любой точки Яливца.

Еще небеса, ветры, солнца, луны, снега и дожди.

2. Вокруг этого каменного поселения росло так много яливца, что запах его нагретых, размоченных, надломленных, раздавленных ягод, веточек и корней просто перерастал во вкус.

3. Трудно понять, когда Себастьян успел так много поговорить с Францем, что помнил столько отдельных Францисковых фраз. Ведь у них был только год и девять месяцев. Но большая часть сказанного Франциском сохранилась именно благодаря Себастьяну. Как раз от него Непростые записали те всем известные теперь высказывания, которые потом были запечатлены на разных предметах огромного обеденного сервиза фарфоровой фабрики в Пацыкове. Вторая Анна как-то даже пошутила, что все эти высказывания выдумал сам Себастьян, а присловье «Франц сказал» – это Себастьяновы слова-паразиты. Точно так же, как и «курва, может быть, по правде говоря, да, просто».

4. В каждом случае сам Себастьян говорил, что Франц говорил, что жизнь зависит от того, против чего движешься. Но то, против чего движешься, всегда зависит от того, куда идешь. То есть сменить его довольно просто. Труднее с другими определяющими стихиями – что пьешь и чем дышишь.

В Яливце все дышали эфирными смолами яливца и пили яливцовку, в которую яливец попадал трижды. Потому что вода, в которой бродили сладкие ягоды, сама сначала годами переливалась с неба в землю, обмывая яливец, напитываясь им и запоминая его, а потом еще и нагревалась на огне из яливцовых поленьев.

5. Яливцовку варили на каждом подворье. Свежие побеги вываривались в казанах со спиртом, выгнанным из ягод яливца. На камнях собирались испарения, которые охлаждались и накрапывали густым джином. Бывало такое, что над крышами зависали тяжелые джиновые тучи. Так что, когда подмораживало, алкоголь прорывался с неба. На земле, уже предварительно охлажденной, он замерзал, и улицы покрывались тонким льдом. Если полизать этот лед, то можно было опьянеть. В такие дни по улицам нужно было ходить, скользя. Хотя на самом деле нога не успевает поскользнуться, если идти достаточно быстро – чтобы подошва как можно меньше терлась о лед.

6. Самая первая Анна появилась в Яливце уже тогда, когда город становился модным курортом. Незадолго до того она сильно ударилась, упав со скалы, хотя была привязана шнурком, и долгое время ничего не ела. Все-таки ужасно испугалась. На другой день она тем не менее пошла в горы и попыталась подняться. Но ничего не вышло. Впервые тело отказывалось быть продолжением камня. Что-то там оказалось сильнее. Она приехала в Яливец, пила джин, собиралась тренироваться, но вместо этого пила джин. Не решалась даже подойти к скалам. И вскоре познакомилась с Франциском. Он делал анимационные фильмы, ради которых в Яливец приезжало уже не меньше туристов, чем ради джина.

7. Анна ощущала себя как лишайник, оторванный от голого берега холодного моря. Должна была просто продержаться, чтобы удержаться. Потому что иначе было бы никак. Ей очень хотелось не быть злой. Боже! Не дай мне кого-нибудь обидеть! – молилась она ежеминутно.

Впервые они с Францем заночевали в баре, где, случайно забредя под вечер, не могли не остаться до рассвета. Бармен был до того не похож на бармена, что они довольно долго ждали кого-нибудь, к кому можно обратиться. Там они делали друг другу джиновый массаж, сотворили три джиновые ингаляции, поджигая джин-первак на ладонях и животе, пили разлитый по столу и изо рта в рот. Анна еще не представляла себе Франца в каком-нибудь другом месте.

8. Ночью лежали рядом на сдвинутых стульях и понимали, что по совпадению костей и мякоти они брат и сестра. Или муж и жена. Даже если больше такого не будет, думал Франциск, все равно приятно дотрагиваться. А она думала о разных мелочах и чудесах, которые случаются или могут случиться когда-нибудь.

Пока они спали, прижимая кости к мякоти и кости к костям, и мякоть к мякоти, их черепа непрерывно соприкасались какими-то неровностями. Они поворачивались, прижимались, крутились и отодвигались, а черепа не разъединялись ни на секунду. Иногда черепа громыхали, зацепляясь особенно выразительными горбами и впадинами, и они часто пробуждались, пугаясь непомерной близости, созданной именно головами. Никогда больше Франциск и Анна не переживали такого общего прояснения и прозрения.

Снаружи начало светать. Главная улица городка обходила закрытые бары, темные подворья, заросшие виноградом, который никогда не созревал, низенькие каменные ограды, высокие ворота и шла к подножию тысячи-шестисот-девяносто-

пятиметровой горы, постепенно переходя в еле заметную тропиночку, которая в эту пору дня светилясь белым.

9. Беременность Анны была периодом полнейшего счастья. Тем, что можно по-настоящему назвать со-жительство, семьей.

Вечера они начинали заранее. Ходили в теплых осенних плащах далекими закоулками среди еще не заселенных вилл. Притворялись, что это не их город. Ее руку он держал в своем кармане. Они шли, одновременно делая шаг той ногой, к которой так крепко была прижата нога другого, что ощущались волны мускульных сокращений, а бедренные суставы смешно терлись. Ей очень нравилось, что все так просто. Что ее любит тот, кого любит она. Она впервые переживала радость того, что утром не надо уходить прочь. Она рассказывала ему что-то из того, что было, когда его еще не было, и очень любила, как он рассказывал о том, какой он ее знает. Утром они долго завтракали на балконе медом, кислым молоком, размоченными в вине сухими грушами, намоченными в молоке поджаренными сухарями, разными орехами.

10. На столике возле ванны стояла старая пишущая машинка с незыблемой чугунной подставкой, и то, что они не решались сказать друг другу, они печатали на длинном листе самой лучшей бумаги, вложенной в «Ремингтон». Плохо мне с людьми, про которых не знаешь, – писала Анна, – хорошо ли им теперь, хорошо ли им со мною, хорошо ли ему тут. Плохо и тяжело с теми, кто не говорит, что им нравится, а что – нет. Франциск печатал что-то совсем иное: еще не делая никакого зла, плохие люди нам делают плохо – мы вынуждены учитывать их существование. Хорошие люди перестают быть хорошими, когда начинают жалеть то, что жалко отдавать, – зачем-то написала Анна. А Франц – смысл и наслаждение существуют лишь в деталях, нужно знать эти детали, чтобы смочь их повторять.

Уже после смерти Франца Себастьян нашел эту машинку. Бумага была еще в ней. Потом он часто представлял себе настоящие диалоги живых людей, выстроенные из подобных изречений.

11. Франц пытался отучить Анну от страха. Заводил ее на скалы с той стороны, куда можно было выйти через заросли горной сосны, сзади. А там брал на руки и держал над пропастью. Судьба не самое главное, – говорил Франц. Главное – ничего не бойся. Но что-то в его методе было неправильным.

Он изучил ее тело лучше, чем она. Мог взять ее руку и прикоснуться ею к Анне так, как она сама никогда не делала и не сумела бы. Он поступал с нею так, что было щекотно в жилах, сосудах, венах. Очень долго показывал ей ее же красоту. От этого всего Анна начала понимать, какая она красивая. Красивая не для кого-то, а для себя. И ей еще больше становилось страшно, что все это может сокрушиться, ударяясь о камни.

Я люблю свою жизнь, – просила она Франца. Это хорошо, настаивал он, потому что, кроме этого, нет ничего иного, не любить – значит отречься от всего.

12. Все же она еще раз попробовала. Когда Франц заткнул ей уши. Ибо вдруг заподозрил, что Анна боится не высоты, а звучания тишины, которая высоту сопровождает.

Подстрахованная всеми возможными способами, с заложенными ушами, беременная Анна лезла по каменной стене, теряясь от того, что не знала, как прижиматься животом.

Франц решил ползти рядом. Он обрисовывал по скале все контуры прижатого живота. Вниз они так поспешно съехали по канату, что обожгли себе ладони. Почему-то часто из-за таких незначительных ожогов невозможно заснуть. Следующим утром движущиеся дагерротипы силуэтов перемещения зародыша по скале были уже готовы. Фильм получился хороший. Даром что короткий.

13. Франциск не обращал внимания на время. Все его фильмы длились несколько минут. Он придумал анимацию, которой еще не могло быть. Получал наслаждение от создания заполненных минут, которых могло бы не быть. Если бы не. Если бы не заметил чего-то, если бы не придумал прием, если бы не приспособился, если бы не отличил – если бы много чего не.

Жизнь настолько коротка, – говорил Франциск, – что время не имеет никакого значения. Так или иначе она происходит полностью.

Франц мечтал о чем-то радикальном. И додумался до того, что самое радикальное – ждать.

14. После рождения дочери Анна решила снова тренироваться. Она пробовала затыкать уши, но что-то снова нарушилось. Внутреннему уху недоставало вибрации, без которой трудно обозначить границы своего тела.

Она вспомнила про сад своего отца и укололась морфием. Вибрация появилась сразу же.

Но странно начали вести себя звуки. Они словно утратили зависимость от расстояния. Звуки летали с огромной скоростью цельносмотанными клубками, не рассеиваясь в воздухе. Иногда такой шар сталкивался с другими, меняя направление полета совершенно неожиданно. От некоторых ударов с обоих клубков обивались звуковые крохи и пыль. Они летали независимо. Перемещиваясь, отделяясь, взлетая вверх, опускаясь или забиваясь в землю. Уже на высоте четырех своих ростов Анна оказалась в непрозрачных облаках какофонии. Когда же поднялась выше, то нестерпимо было слышать грохот, с которым малюсенькие песчинки из-под ее пальцев падали на дно пропасти.

15. Больше Анна не лазила. Но морфий употреблять не перестала. Целыми днями сидела на веранде и вслушивалась в жизнь разных насекомых, обитавших около дома. Не слыша даже, как плачет голодная Стефания.

Напрасно Франц пытался что-то изменить. Самое большее, что ему удавалось, это выцедить из груди Анны немного молока и накормить им дочку. Но опий тоже любил молоко. Он успевал выпить его первым, и Франц без толку мял высохшие груди. Франциск пошел к ведьме, которая краля молоко у коров, и попросил, чтобы та забирала молоко у Анны. Дитя начало наедаться. Но вместе с молоком оно получало опиум. Франц думал, что ребенок целыми днями спит от

сытости. В конце концов, так было спокойнее. Но когда у Анны молоко закончилось совсем и даже ведьма не выцедила ни капли, Стефания пережила настоящий морфийный абстинентный синдром. Непростые елe спасли ее, наварив в молоке маку.

То же самое начала делать и Анна. Девочка спала, ей снились чудесные сны (некоторые из них – а ей было едва полгода – она помнила всю жизнь. Хотя, может быть, помнила ощущение, что такие сны были, а прочее взялось позже), и Анна спокойно слушала, как червяки раздвигают землю, как кричат, предаваясь любви в натянутых сетях, пауки, как трещит грудная клетка жука, стиснутого клювом трясогузки.

16. В середине декабря Франц взял Анну на колени и сказал, чтобы она убиралась из Яливца. Анна встала, поцеловала Франца и пошла в комнату собирать ребенка. Тогда он предложил другое – вызвал жену на дуэль. Потому что маленькому ребенку для дальнейшей жизни нужно было, чтобы кто-то из этих родителей был мертв.

Анна согласилась и выбрала оружие – сейчас они пойдут на заснеженные обветренные скалы и полезут двумя немаркированными маршрутами без всякой страховки вверх. Тот, кто вернется, останется с девочкой. Невзирая на все страхи, была уверена, что только таким способом победит Франциска (они совсем не подумали, что могут не вернуться оба, и ничего никому не сказали, оставляя малышку в колыбели).

Едва добрались по снегу до скал. Сняли кожухи, выпили по полбутылки джина, поцеловались и полезли.

17. Франциск впервые должен был стать настоящим альпинистом (впервые ли мне впервые, – подумал он). Поэтому слезал с вершины несколько часов; оказалось, что затвердевший снег даже помог ему – на голом камне он бы не удержался. Ему было до ужаса горько, но похоронить Анну он смог только в июне, когда снег в ущелье растаял.

Вторая старая фотография – Арджэлюджа, 1892

1. Голая женская спина заканчивается широким чересом¹⁴, ниже череса – лишь полоска черной ткани. На сильно склоненной вперед шее тонкая нитка грубых кораллов. Головы уже не видно. Руки опущены вниз, но согнуты в локтях. Торс слегка скручен влево, поэтому видно лишь четыре пальца, которыми правая рука держится за предплечье левой. Спина выглядит почти треугольной – так широки плечи и узка талия. Между верхним краем пояса и белой кожей – немного свободного места. Выразительные лопатки и верхушки ключиц. Ниже шеи выступают четыре горбика позвонков. Там, где они заканчиваются, начинаются две полосы вздутых мускулов вдоль середины спины. Ближе к талии расстояние между ними наименьшее, а глубина впадины – наибольшая. Клавиатура ребер просвечивает лишь слева и то – скорее уже не на самой спине, а на боку. Но там, где грудная клетка заканчивается, начинается вогнутый изгиб талии, линия которой снова выходит до предыдущего уровня в начале таза.

Судя по контрасту белой спины и черного пояса, нетрудно убедиться, что солнечное освещение максимальное. Хотя едва заметная тень возникла лишь между мускулами на спине.

2. Спина снята вблизи. Справа от нее виден в глубине кадра маленький конь, который стоит значительно дальше от камеры. Конек-гуцулик совсем старенький – лучшего тогда не осталось после государственного набора коней в Боснию, – но очень осторожный. Вместо седла – узкое длинное покрывало.

3. Свое первое лето Франц с Анной ходили на Кострыч поглядеть панораму Черногоры. День был солнечный, и они видели весь хребет – Пэтрос, Говэрлу, Брэскул, Пожыжэвскую, Данцыш, Гомул, Туркул, Шпыци, Рэбра, Томнатык, Брэбэнэскул, Мэнчул, Смотрыч, Стайки, немного Свыдовца – Блызныци и Татульскую, дальше – Браткивскую, Довбушанку, Явирнык. Сзади были Ротыла, Белая Кобыла и Лысина Космацкая.

Дорогой назад, за Арджэлюджей, Анна сняла сорочку и постолы¹⁵, осталась в одних мужских гачах¹⁶. Шли вверх против течения Прута. Время от времени спускались к реке попить воды. Река была такой мелкой, что Анна ставила руки прямо на дно и так опускалась к воде, погружая все лицо. Кончики грудей хотя и приближались к беспокойной поверхности, но оставались несмоченными. Только тяжелый инкрустированный латунный крест с примитивным намеком на распятие колотился о камни. В такие моменты Франц сажал Анне на спину божью коровку, жучок оббегал капельки пота, щекотал кожу, а Анна даже двинуть не могла рукой.

После купели они целовались, пока губы совсем не высыхали. Потому что все мокрое высыхает. Кожа пахла холодными водорослями в теплых реках меж теплыми камнями под теплыми ветрами из-под заснеженной Говэрлы. Если бы им удалось запомнить это телесное ощущение так, чтобы когда угодно могли точно его вспомнить, то ощущение счастья было бы постоянным.

¹⁴ Черес – кожаный пояс.

¹⁵ Постолы – мягкая обувь из цельного куска кожи.

¹⁶ Гачи – красные суконные штаны.

Тогда они еще много и охотно говорили. Франц думал – как изменяется все, на что стоит смотреть, когда есть кому показать.

Конек нес только грушевый сундучок с фотоаппаратом и кленовый бочонок, наполненный яливцовкой, и ни разу не зашел в воду напиться.

4. Когда Франциск в декабре 1893 вернулся со скал один, то прежде, чем покормить ребенка, случайно наткнулся, в поисках алкоголя, на тот самый бочонок. Яливцовки осталось где-то поллитра, и он заодно выпил недопитое вдвоем. Тогда вытащил засунутую среди ляруссов эту фотографию, вставил ее меж двумя прямоугольниками стекла, выкинув какой-то рисунок, и навсегда поставил на своем рабочем столе.

Растолок в латунной ступке горстку сушеной черники, залил теплой водой с медом и взялся кормить Стефанию. А утром пошел к священнику и сказал записать дочку в церковных книгах Анной.

Себастьян решил, что будет правильно положить фотографию Францу в гроб (он не мог знать, что на свете уже есть кто-то, кому ее потом всегда будет недоставать). Поэтому она, наверное, не сохранилась.

Искушения святого Антония

1. Маленькой Анне Непростые подарили миниатюрную фигурку святого Антония. Антоний в полный рост, в монашеской сутане, в одной руке держит лилии на длинном стебле, на другой – ребенок. Невзирая на размер, Антоний выглядел как настоящая статуя, когда Анна ложилась головой на пол, а фигурку ставила немного поодаль, или – тоже с пола – стоял на самом краешке стола. Особенно впечатляли его безукоризненно переданные черты лица.

Непростые говорили, что Антоний вылеплен из расплавленного свинца, который перед этим был пулей. Фигурка жила в металлическом цилиндре, в каких солдаты держат цидульки со своим именем и адресом родни. Анна носила этот патрон на очень длинной проволочной цепочке на шее. От постоянного трения меди с кожи никогда не сходили зеленые пятна. Франциск считал, что это не вредит. Когда была особенно хорошая погода, Анна выводила Антония на прогулку. Она вынимала его из капсулы и проветривала где-нибудь в траве. Когда же закрывала обратно, то вкладывала внутрь еще и небольшой цветок – фиалку, маргаритку, лепестки сливы или липовый цвет, чтобы Антонию было чем дышать.

2. Она сама очень хорошо пахла. Больше всего Франц любил, когда Анна засыпала у него на столе. Он еще немного работал, больше поглядывая на спящую свернувшуюся дочку, а потом залезал на стол, клал под голову книжку, обнимал Анну и долго дышал выдохнутым ею воздухом. Он гладил ее голову, и порой поутру Анна просыпалась с густыми тонкими и короткими царапинками на лице – какая-то затвердевшая кожица на Францисковых пальцах царапала ее тело.

3. Франциск был убежден, что не может быть более полезного занятия, чем воспитание дочери. Ежедневно он видел тысячи безукоризненных кадров, но почему-то не решался использовать камеру. Поэтому запоминал их с таким усилием, что иногда ловил себя на мысли – так дальше нельзя. Ибо часто бывало так, что вечером он не мог вспомнить, что было в сегодняшнем дне, кроме этих воображаемых фотографий (но когда Анна подросла, он часами мог ей рассказывать, какой она была в любой день детства).

4. Анне было шесть лет, когда она рассказала отцу про то, что помнит, как спала когда-то в большом сундуке, поставленном на длинном возу с восемью колесами, под деревом, с которого свисало гнездо с отверстием снизу. Отверстие было открыто, и из гнезда смотрело на нее гранатовое око какой-то птицы. А потом отовсюду слетелись тучи маленьких сов и расселись вокруг того дерева концентрическими кругами на земле, копнах сена, кустах шиповника, колодце и обороте¹⁷. А еще – на веревках, натянутых от столба до столба.

5. Франциск решил, что такие видения – следствие морфинизма, и позвал Непростых. Те немного поговорили с Анной, и наконец вещунья сказала, что девочке все приснилось. Она предупредила Франца, что малышка все чаще будет

¹⁷ Оборог – сооружение из четырех столбов с подъемной крышей для сберегания сена.

рассказывать всякие чудные вещи, будет выпытывать, было ли с нею когда-то то или другое. Что о некоторых вещах она до смерти будет сомневаться – что случилось, а что приснилось, потому что для нее не будет реального и нереального – лишь разные виды реальности. Но сны не имеют ничего общего с вещунством. Они рассказывают, как может быть.

6. Франц постановил, что дочка хоть что-то в мире должна знать досконально и не сомневаясь. Они начали ходить за Мэнчил Квасивский до Кэвэлова, который стекал в Черную Тиссу, и Анна изучала все камешки на его берегу – как какой выглядит и около какого лежит.

А тем временем Непростые все вместе притащились через горы в Яливец и пробыли в городе с перерывами аж до 1951 года, когда специальный отряд чекистов, переодетых бойцами УПА, сжег огнеметами психушку, где выслеженных и пойманных Непростых заперли в 1947. Им надо было приблизиться к Анне.

7. За несколько лет перед 1900 годом Франц закончил очень важный анимационный фильм.

Жить – это развязывать и завязывать узлы, руками и всем остальным, – учил его когда-то Непростый-гадер¹⁸ и дал целую вязанку шкурок ужей. Франц должен был отвязать шкурку от шкурки и сплести свое плетение. Логика живет в пальцах, ее категории предвидят лишь то, что удастся пальцам. Как молитвенные четки, вращал он клубок днями и ночами. Наконец, развязал все узлы, но когда довелось связывать по-своему, то оказалось, что его пальцам страшно тяжело не идти вслед за уже существующей формой. Зато Анна наплела таких узлов, что гадер привел Франца на мост, где Непростые поселились.

8. Когда-то этот виадук хотели перебросить от одного до другого выступа хребта, между которыми разместился Яливец. Сначала построить середину, а тогда довести в обе стороны до верхов. Франциск представлял себе, что когда-нибудь такая дорога превратит весь путь от Шэшула до Пэтроста в удобную прогулку. Однако этот проект оказался единственной неосуществимой идеей Яливца. Три соединенные меж собой, но не связанные с твердью арки – гораздо выше дорожных мостов в Ворохте и Делятыне – нависали над городом по диагонали, начинаясь и обрываясь в чистом небе. Вверху остался фрагмент широкой дороги. Там зажили Непростые.

Франц очень долго лез на мост по всяческой лестнице, которая еще больше раскачивалась от того, что гадер лез впереди. Наверху казалось, что мост слишком узкий, что достаточно пошатнуться, и полетишь вниз: на маленькие крыши, короткие улочки, узкие каналы, пену деревьев. Но вокруг лежала такая красота, как в чьей-то другой жизни. Все было выбеленным, других цветов не существовало даже на далеком солнце.

Заснеженные Непростые курили трубки и смотрели на Фархауль в Марамаросских Альпах за долиной Белой Тиссы. Разговор был простым – когда Анна станет женщиной, то должна будет стать Непростой. А пока они всегда будут поблизости.

¹⁸ См. прим. 3.

9. Итак, фильм, который закончил Франц, напоминал ожерелье из узелков. Выглядело это так. По всему полю экрана беспорядочно металось бесчисленное множество отдельных мелких значков. Все это были те элементарные символы, которые Францу удалось понаходить в орнаментах писанок¹⁹ из всех углов Карпат. Из-за разницы размеров, конфигураций, цвета и скорости тьма знаков напоминала неправдоподобную мешанину разных насекомых. Узнавались лесенки, клинышки, полуклинышки, триклинышки, сорок клинышков, желтоклинышки, зубцы, кантовка, краткая, бесконечная, полубесконечная, локон, перерыв, крестик, дряшпанка, кривулька, звездочки, звезды, солнце греет, полусолнца, месяцы, полумесяцы, штерна, месяц светит, лунные улочки, радуга, фасолька, розы, полурозы, желудь, бархатцы, чернобровка, колосовка, смерички, сосновка, огурчики, гвоздики, барвинок, косицы, овсик, кукушкины башмачки, бечковая, сливовая, барабулька, ветки, перекатиполо, коньки, барашки, коровки, собаки, козлики, олени, петушки, утки, кукушки, журавли, белокрыльцы, пструги, вороньи лапки, бараньи рога, заячьи ушки, воловье око, мотыльки, пчелы, слизни, пауки, головкате, мотовило, грабли, щеточки, гребешки, топорики, лопатки, лодочки, баклажки, решетка, сундуки, подпружечки, цепочки, котомки, ключи, бусы, бочонки, кожушки, пороховницы, зонтики, образки, платочки, шнурки, миски, хатка, окошки, столбы, корытце, церковки, монастыри, звонницы, часовенки, крученые рукава, писанные рукава, косая черточка, иголки, клювовидная, крестовая, зубастенькая, плетенка, чиноватая, княгинька, ключковая, кривульки, точки, рваная, крылатая, очкастая, пауковая, чичковая, глуковая, лумеровая, фляжечка, тайна, черешневая, малиновая, вазончик, отросток, стрекозки, ветрячок, салазки, крючки, медовнички.

Понемногу движение знаков набирало некоторую упорядоченность – как один очень сильный ветер пересиливает много слабеньких. Символы крутились как-то так, будто полная ванна воды вытекает через небольшое отверстие. Оттуда уже выходила цепочка значков, завязанная кое-где узлами. Цепочка скручивалась в спираль и вращалась, как центрифуга. Из хаоса к ней слетались свободные символы и выкладывали рядом цепь с такой же последовательностью знаков, с каждым разом все больше прижимающуюся к первой и оборачивающуюся вокруг нее. Теперь обе спирали ввинчивались в пустоту вместе, сближались все сильнее и превращались в мировое древо. Наступал покой. На древе распускались цветы, лепестки увядали, из завязей росли плоды, надувались, лопались, трескались, и тысячи тех же самых знаков свободно и ровно опускались на землю, складываясь в холм, утрачивая свою форму.

10. С премьерой подождали до Пасхи 1900 года. Ею открывали синематограф «Yuniregus», построенный по эскизу Анны, зачитав предварительно архипастырское послание молодого станицславского епископа Андрея Шептицкого к дорогим братьям-гуцулам.

11. С того времени Непростые действительно всегда были рядом. Это только кажется, что Черногора – пустыня. На самом деле в Карпатах места даже

¹⁹ Писанки – расписанные куриные яйца.

мало. Поэтому люди, которые живут далеко друг от друга, постоянно встречаются. Что уж говорить про маленький городок на пересечении хребтов.

За несколько домбушевых золотых Непростые выкупили кусочек Рынка и построили маленький домик. Обложили его странно разрисованным кафелем, и он стал совершенно похожим на печь. На всех окнах понаписывали одно слово – нотар²⁰. Но на подоконниках стояли целые ряды бутылок разной величины и формы, так что можно было предположить, что «НОТАР» – название еще одного бара. Лукач сделал как-то так, что за неделю вся крыша заросла плющом, и над дверью свисала зеленая завеса. Внутри было пусто – напротив маленького столика (с одним ящиком) на очень высоких ногах стояло удобное кресло, обитое парусиной.

В кресле сидел сам нотариус, курил одну за другой большие сигареты, вставленные в серебряное кольцо, припаянное к оловянному стержню, который опускался с потолка. Каждая сигарета была не длиннее половины средней женской ладони. Нотариус занимался тем, что скручивал следующую сигаретку, куря предыдущую.

Еще в юности он решил как-то руководить собственной смертью, а не полагаться полностью на неизвестность. Поэтому захотел установить если не срок, то хотя бы причины смерти. Остановился на раке легких и начал не ограничивать себя в курении, чтобы быть обреченным на такую смерть.

12. Но стоило кому-то прийти, как нотариус вынимал сигарету из кольца, усаживал посетителя в свое кресло, открывал ящик, вынимал два красных или два желтых сладких перца – всегда свежих и сочных, одной рукой раскрывал большой кривой нож, что болтался на ремешке у колена, вычищал перцы, положив на ладонь, осведомлялся, что налить – паленку, ракию, сливовицу, бехеревку, цуйку, зубровку, анисовку, яливцовку, боровичку, наливал полные перцы, подавал один гостю, становился к столику, вынимал из ящика лист бумаги, заостренный карандаш, подымал пугарчик²¹, говорил «дай, Боже», глядя прямо в очи, выпивал, отъедал кусочек перца, сразу же наливал по второй, зажигал сигарету (спички держал в кармашке штанов у самого пояса, а терка была приклеена к одной из ножек стола), брал ее в ту же руку, что и кубок, а в левую – карандаш, крепко затягивался дымом и уже был готов слушать.

13. Нотариуса называли французским инженером.

Непростые нашли его в Рахове и предложили именно эту работу, потому что он выглядел скромно и в то же время героично. Такого хочется удивить, рассказав что-то необычное из собственной жизни. А Непростым нужно было как можно больше таких историй и баек.

В Рахове французский инженер нанимал людей ехать в Бразилию, выписывая настоящие билеты на корабль из Генуи.

Когда-то он действительно был французским инженером. Прожил двадцать лет в Индокитае, занимаясь дренажными системами, изучая курение опиума, тайский бокс, бабочек и орхидеи, дзен. А одновременно пописывал этнологические

²⁰ Нотар – нотариус.

²¹ Пугарчик – рюмочка.

и геополитические фельетоны в крупные европейские газеты. Несколько его писем перевел Осип Шпытко. Их опубликовали в «Деле», намекая на происхождение автора из семьи Орликов.

Непростые пришли в Криворовню и посоветовали Грушевскому препроводить французского инженера во Львов. Через Манчжурию, Туркестан, Персию, Грузию, Одессу, Черновцы, Станислав, Галич, Рогатын и Вынныки он, наконец, доехал и получил работу в этнографической комиссии НТШ²². Получил командировочные, которые предназначались Шухевичу, и выехал в Гуцульщину. Но опыт нескольких малых войн, в которые он попадал в продолжение жизни, не позволял предавать себя как фольклориста. Французский инженер сделал крюк до Будапешта и раздобыл все необходимые бумаги, что давали право вербовать иммигрантов на территории Австро-Венгрии.

14. В Яливце французский инженер одевался одинаково каждый день от 1900 до 1921 года (Даже после 1914 французский инженер сидел в своем кабинете, выслушивая и записывая все, что приходили рассказывать разные люди. Рассказчики получали порядочный гонорар, а записи с историями и мечтаниями, прозрениями и безумными идеями анализировались Непростыми). Широченный белый фланелевый костюм, пошитый без единой пуговицы, полосатые бело-салатные сорочки, распахнутые на груди, пробковые сандалии. Только зимой он заворачивался в покрывало, набрасывая его на голову как капюшон. Это французский инженер научил Себастьяна, что самоосознание находится в подошвах, а восприятие себя можно менять, ставя ноги иначе или на что-то другое.

15. Идею целого направления новых фильмов Франциску подбросил французский инженер.

В Яливце действовала небольшая галерея. Ее хозяин, Лоци из Бэрэгсасу, знался с хорошими художниками – Мункачи, Устыяновичем, Копыстынским. Романчука он привел к Федьковичу, а Водзыцкий (значительно позже, уже когда он вернулся из Парижа от Сулоаги) сделал несколько фотоэскизов для «Девочки за изготовлением писанок». С Иваном Трушем они были близкими друзьями. Лоци много рассказывал ему о том, как растения заново овладевают ландшафтами, изуродованными и покинутыми людьми. Даже водил его на этюды под Попа Ивана, на сруб. Через много лет Труш возвратился к этой теме в чудесной серии «Жизнь пней». Наконец, это Лоци впервые показал кому-то Дземброню, которая со временем стала излюбленным местом многих художников львовской школы. А Дидушыным для музея он регулярно высылал найденные гуцульские раритеты.

16. Сам Лоци всю жизнь рисовал одно и то же – деревянные стойла – для каждой коровы отдельные – на полонине Шэса, дошатые улочки между ними и гигантские заросли щавеля, что постепенно поедают свое пристанище.

А так как был галерейщиком-профессионалом, то никогда не выставлял своих работ. Зато в чужие часто влюблялся. Картины-возлюбленные он на какое-то

²² НТШ - Научное общество им. Т. Шевченко.

время брал домой и жил в их присутствии, переносил с собой из спальни в кухню, из кухни в кабинет, из кабинета в галерею, из галереи в ванную.

И жизнь Лоци в значительной мере зависела от картины, которая тогда обитала у него.

17. В галерее практиковались необычные вещи. Ежедневно Лоци перевешивал картины, полностью изменяя их диалоги. Часто покупатели, выбрав какую-нибудь картину однажды, не могли узнать ее на следующее утро. Крышей галереи служил стеклянный резервуар с дождевой водой. Освещение зала Лоци менял, накрывая ту или иную часть резервуара еловыми ветками. Но самое важное – картины можно было брать на время, как книжки в библиотеке. Заказы самого дорогого отеля Лоци комплектовал сам, в соответствии с запросом.

18. Лоци был единственным в Яливец, у кого вызревал сортовой виноград. Виноградник рос вдоль стежки меж домом и галереей. Проходя по стежке, Лоци обязательно обрывал хоть одну кисть винограда. Так продолжалось от момента, когда появляется завязь, до последнего созревания. В сентябре кистей оставалось всего несколько десятков, зато они становились зрелыми, как в Токае, полностью используя виноградные силы, которых уже не требовали уничтоженные грозди.

Хотя Франциск прятельствовал с галерейщиком, даже он не догадывался, что Лоци работает на Непростых.

19. Однажды французский инженер пересказал Францу, что слышал от Лоци.

Тот рассказал, как в галерею пришел один помещик из Тэрэсвы и попросил нарисовать ему картину, на которой было бы видно – что происходит за рамой сцены битвы под Хотыном, которую он приобрел тут год тому. Помещик подозревал, что оттуда может ударить пушка в упор по арьегарду уланов, и это не давало ему покоя.

Это как раз то, чем анимация лучше живописи, сказал французский инженер.

20. Франциск придумал более точную методику. Он снимал увеличенную репродукцию какой-нибудь известной картины – это становилось второй частью каждого фильма. Для первой и третьей частей дорисовывал кадры на пятнадцать секунд перед изображенным на картине и то же самое – после. Для пробы служил свежий пейзаж Труша «Днепр под Киевом», хотя думал Франц преимущественно про рембрандтов «Ночной дозор». Потом он оживил несколько натюрмортов старых голландцев (хотя тут же уничтожил все, кроме Яна ван де Вельде – тот, что с колодой карт, трубкой на длинном чубуке и лесными орехами) и знаменитую «Драку» Адриана ван Остаде (какая-то корчма, пьяные селяне, бабы держат двух мужиков с безумными взглядами, которые размахивают ножами, все вверх дном, кто-то удирает, а остальные попадали на землю).

Потом он взялся за Мамаев.

Живая живопись имела такой бешеный успех, что на каждую премьеру в Яливец съезжались десятки зрителей со всей Центральной Европы, о них писали

столичные журналы, а Франц уже не мог успевать делать какие-то более серьезные фильмы.

21. Еще перед тем, как Непростые выявили особенные свойства снов Анны, Франциск мечтал о фильме, который происходил бы в ландшафте сна.

Он уяснил, что механизм снов пребывает не в чем ином, как в соединении хорошо известного по принципам неизвестной логики – так, как не могло бы быть в одном ландшафте. Это означает, что ключом к этой логике является соединение ландшафтов. Причем последовательность соединения является определяющей. Если скомбинировать такой ландшафт, то заселится он самопроизвольно. А тогда уже и все персонажи проявят не свойственные им черты. И – что самое главное – персонажи будут занимать пространство очень плотно. Безответственная последовательность плотная.

22. А еще, – рассуждал Франц, – вдали сны похожи на хорошую прозу со сравнениями, почерпнутыми из разных систем координат, утонченными выделениями отдельных деталей в потоке панорамы, прозрачной вседозволенностью, незабываемым ощущением присутствия, одновременностью всех тропизмов, неудержимостью неожиданного и скупой риторикой сдерживания. И на хорошую траву, которая не приносит ничего своего, но обрывает то, что держит, и переводит решетку пропорций времени и расстояния из кристаллического состояния в газообразное.

23. Однако решиться на такой фильм было труднее, чем на «Ночной дозор». Так что со временем он даже перестал беречь сны на потом, лишь наслаждаясь ими полностью ночами.

24. В июле 1904 года Анна рассказала один сон.

Я стою на ровной крыше двухэтажного длинного дома. Дом стоит в воде. Вода аж до верха первого этажа. До конца его высоких арок. В воде плавают три головы и стоит цапля. Одна голова заплывает под арку. Другая хочет уплыть отсюда. По лестнице из окна второго этажа спускается к воде голый пузатый человек. Сухая рука из-за угла пытается его остановить. Я тоже голая. Стою на самом краю. Руки подняты вверх. Сложены вместе. Я собираюсь прыгнуть с высоты в воду. Сразу за мной стоит круглый стол. А за ним – бочка с кувшином. За столом сидят монах и монашка и что-то пьют. Над столом, бочкой и монахами натянут на сухой ветке шатер. Сбоку к дому пристроено полушарие купола с часовой наверху. Из трубы часовой вырывается огонь, а из окна выглядывает бабка. Она смотрит на меня. Далеко за куполом – широкая река, зеленый лес и высокие синие горы, как наши. С другой стороны дома пристроена круглая башня. На ее стенах нарисованы человечки. Человечки пляшут, скачут и кувыркаются. Один берет с неба какую-то книжку. Двое несут на плечах огромную малину на палке. Верх башни разрушенный и щербатый. Между обломками растут маленькие деревца и пасется коза. Вода перед домом заканчивается длинным островом. Остров голый, из красной глины. На конце острова стоит ветряк. За островом снова вода. За той водой город. К самой воде подступают две башни. Между ними

каменный мост. На мосту огромная толпа людей с поднятыми вверх копьями. Некоторые стоят около перил и смотрят через воду и остров в мою сторону. На одной башне горит хворост. Под башнями (у подножия) плавают какие-то звери. Мужчина с мечом и щитом сражается с одним из них. Дальше за башнями пустое песчаное место. Посредине стоит двухколесный воз. Еще дальше сам город. Дома с острыми крышами, высокий собор, стена. А вдали высокие холмы, или низкие зеленые безлесые горы. У самого горизонта тоже большой ветряк. Справа от меня, но за водой и островом, стоят на берегу какие-то фигуры. Ко мне спинами. Некоторые сидят на конях и каких-то непонятных зверях. Один в латах и шлеме, а у другого на голове пустой пень. Между ними растет сухое дерево. Полдерева закрыто красным занавесом. В большой трещине в стволе стоит голая женщина. На верхней ветке сидит дятел, но очень большой. Какой-то человек приставляет к дереву лестницу. Довольно далеко за ними сидит на камне бородастый человек в монашеской рясе с палочкой в руке и рассматривает книгу. Он похож на моего святого Антония.

Через окошко в круглой башне, про которую я уже говорила, я вижу, что за башней происходит что-то важное. Но ничего не могу разобрать, и это очень угнетает. Но все равно очень хорошо, что я среди этого движения. На секунду смотрю через плечо и вижу далекий пожар. От него становится горячо коже спины и ногам сзади. Как-то становится понятно, что от этого надо бежать в воду. Уже собираюсь прыгнуть, но смотрю вниз и вижу натянутую колючую цепь. Не сомневаюсь, что смогу перелететь через нее. Но все еще стою. Руки уже слегка затекли, потому что долго подняты. Вдруг на спину надвигается тень, и становится прохладнее. Смотрю вверх. Как раз надо мною проплывает в воздухе парусник, окованный латами. Я вижу его дно. Это летучий корабль. Он пролетает. Тень уходит. Снова начинает печь. Уже сильнее. Хочу сделать шаг. Но вижу мужчину с фотоаппаратом.

Он все время прятался в глухом углу между моим домом и пристроенной башней с нарисованными человечками и окошками. Я не хочу, чтобы меня фотографировали, и кричу на него. Мужчина отрицательно машет руками и показывает на летучий корабль. Во мне все соглашается, что это действительно интересно. Мужчина прячет фотоаппарат в стену. Идет к башне и исчезает за поворотом. Я встаю на носки. Раскачиваюсь и прыгаю. Вижу перед собой ту цепь. Поднимаюсь всем телом. Пробую ее перелететь. Но тело не двигается с места. Я не лечу и не падаю. Начинаю кашлять. Очень быстро лечу прямо на цепь. Ударяюсь о нее пальцами вытянутых рук. И на этом я пробудилась.

25. Сон Анны показался Франциску настолько живописным, что он сразу же попробовал зарисовать его. Анна по ходу поправляла рисунок. Когда дошло до людей на берегу около дерева и мужчины с книгой за ними, Францу показалось, что он уже где-то это видел нарисованным. Лишь угол зрения был иным. Но стоило Анне раскрасить эскиз цветными карандашами, как Франциск узнал Босха. Без всяких сомнений – «Искушения святого Антония».

В Ляруссе Босх был представлен «Путешественником» из коллекции мадридского Эскориала. Других репродукций Анна не могла видеть, Франц был уверен, он всегда был рядом. Никто никогда не пересказывал «Искушений» за всю

жизнь Анны, про них Франц точно не слышал даже воспоминаний или аллюзий еще со времени учебы. Это означало, что стало так, как сказала вещунья – сны Анны показывают, как могло бы быть.

Но Франц не утихомирился. Он побежал к Лоци и попросил, чтобы тот где угодно срочно заказал альбом Босха. Франц готов был ждать долго, лишь бы знать, что что-то делается.

Лоци пообещал заказать альбом завтра же. И сказал, что у него в библиотеке есть Босх, но только одна репродукция – «Искушения святого Антония».

Анна, не колеблясь, показала свою обнаженную фигурку в правом верхнем углу центральной части картины.

Когда же они одновременно узнали Непростых в двух главных фигурах из четырех, переходивших мост на левом крыле триптиха, то Франциск пообещал себе сделать этот фильм.

26. Работалось как никогда тяжело. Франциска мучили сомнения. Он непрерывно раздумывал, сможет ли он передать настроение, колорит, атмосферу, сумеет ли расшифровать все тайные значения, следует ли показывать кому-то такое, не выглядит ли Босх смешно и безвкусно, не грех ли перерисовывать всякую нечисть и содомию, не обидит ли он Непростых, не накличет ли беды на Анну, не сделал ли он кому-нибудь зла умышленно или неумышленно, есть ли смысл в искусстве, доживет ли он до окончания работы, не случится ли чего-нибудь нехорошего на показе, будет ли его смерть мучительной, встретится ли он после смерти с родителями, ждет ли там его Анна, будет ли когда-нибудь счастливым его народ, есть ли в мире что-нибудь красивее, чем наши любимые горы Карпаты, стоит ли так много думать, нужно ли все запоминать, хорошо ли всем все рассказывать, обязательно ли говорить красиво, думают ли растения, существует ли завтра, не произошел ли конец света уже давно, долго ли еще он выдержит без женщины, не находится ли он под властью дьявола.

27. Точный ответ на последний вопрос был бы ответом на многие другие. Невзирая на то, что Франц был убежденным греко-католиком, в частых дискуссиях на джиновом курорте всегда аргументированно побеждал манихеев, катаров, альбигойцев и ничего в мире не боялся, потому что был уверен в правильности Божьего замысла, дьявол за время работы над этим фильмом являлся ему трижды.

28. В первый раз он не показывался, только очень лаконично проявил одно свое свойство. Он был как магнит.

Францу снилось, что он лежит на полу. Вдруг, не делая ни одного движения, даже не напрягаясь, он двинулся по полу к стене. Потом – в другую сторону. Потом еще и еще, с перерывами, быстрее и медленнее. Так, будто он металлическая пылинка на листе бумаги, а под бумагой двигают магнитом. Один раз его подняло даже вверх по стене – по-прежнему лежа – и деликатно опустило на пол.

После этого дьявол попросил внимательно следить за тем, что будет. Он двинул Франца в угол. Оказалось, что там спит его учитель. Франца подтолкнуло к учителю и сразу же потянуло назад. Учитель, не касаясь тела Франца и не просыпаясь, поехал за ним. Видишь, сказал дьявол.

Голоса Франц не слышал, но то, что говорил дьявол, откуда-то знал.

29. Во втором и третьем снах дьявол использовал разновидности одного и того же приема.

Второй сон был самым коротким. Франц стоял на улице в Яливце (место было настоящим, он его хорошо знал). Он ждал свою Анну, которая уже показалась в конце улицы. Вдруг к нему подъехал броневик Бэды. Бэда выглянул из верхнего люка и сказал, что он привез кого-то, с кем они сейчас выпьют джина. Из боковой двери вышел какой-то панок и подошел к Францу. Анна была все ближе. Панок стоял спиной к Анне и броневнику. Он вынул из внутреннего кармана бутылку, вытащил пробку и протянул бутылку Францу. И тут все произошло. За те несколько секунд, пока и Анна, и Бэда подошли к ним, Франц успел заметить смену нескольких тысяч разных лиц на голове панка, нескольких сотен жилеток под распахнутым пиджаком, нескольких десятков форм бутылки и нескольких десятков оттенков напитка. Когда панок и Франц перестали быть наедине, калейдоскоп остановился. Панок усмехался, усмехались Бэда с Анной. Франц выпил первый. Вкус напоминал ренклоды. Бутылку передал Бэде, а тот – панку (Бэда их так и не познакомил). Когда очередь дошла до Анны, Франц почему-то выкрикнул, что она не пьет. Никто, кроме Анны, не удивился и не упрасивал. А Франц незаметно, но очень сильно сжал ей палец. Он уже знал – кто это.

30. После третьего сна Франциск пошел на высокий мост и рассказал Непростым про Босха. Все ж таки в башне, – сказал верхоблюд²³. Франц спросил, показывать ли кому-нибудь уже законченный фильм. Это зависит только от твоего желания, ответили Непростые. Хотя подумай, может, не стоит показывать наши лица там, где вам почудилось. А теперь иди домой и приглядывай за Анной, мы должны немного побродить по мирам, но скоро она станет женщиной и будет знать, где нас найти, сказал баильник²⁴.

31. Дома Франц сжег рисунок, на котором был набросок сна Анны.

Для того, чтобы быть счастливым, – сказал он Анне, – нужно прожить без тайн, а чужие знать только такие, которые можно рассказывать под пытками.

Он очень боялся, что Непростые рано или поздно могут прийти за фильмом, поэтому заповедал Анне никогда не вспоминать, что он существовал. Но если бы кто-нибудь захотел дознаться о чем-то, применяя пытки, то следует сразу же рассказывать все, что хотят. Не пытайтесь обмануть, а говорить правду. Поэтому ты должна знать, что я все уничтожил.

Франц запаковал фильм в капшук²⁵ и вышел за город, чтобы сжечь его, выкинуть в пропасть или утопить в источнике..

Дорогой он думал: как бы Анну ни мучили, она будет говорить правду – фильма нет. Парадоксально, но это будет единственной правдой, в которую палачи не поверят, и пытки не прекратятся.

²³ Верхоблюд – знахарь-визионер.

²⁴ Баильник – знахарь, лечащий заговорами.

²⁵ Капшук – мешочек для табака, сделанный из козьей шкуры.

В таком случае жаль уничтожать фильм. Может, он как раз когда-нибудь пригодится. Пусть найдется кто-то такой, кто посмотрит, проанализирует, хорошо подумает и поймет – что это за такие Непростые и как они вертят миром. Ведь всегда постепенно выясняется, как все и все в мире соединены со всем – переходами, которых не больше четырех.

32. Франциск вошел в буковый лес, в котором каждое дерево имело дупло под корнями. Он набросил на глаза капюшон длинной суконной мантии, чтобы видеть только, где стать, и начал наощупь бегать по лесу. Несколько раз налетел-таки на деревья, но ничего, глаза были защищены. Бегал вверх и вниз по склону, пока всередине капюшона все звуки мира не сменились хрипом из глубины легких. Лишь тогда он остановился, не открывая глаз, нащупал дерево, нашел между корнями дупло и запихнул капшук с фильмом в дыру, глубже, чем на полтора локтя. И уже медленно пошел из лесу. В таких местах это легко сделать, не глядя. Надо идти вверх, ориентируясь по наклону земли. Вверху Франц скинул обледеневший капюшон и посмотрел на лес. Все деревья были одинаковые и незнакомые, меж ними вились бесконечные переплетения следов, глаза болели от бесстыдного лунного освещения.

33. Конечно, была зима. Конечно – падал снег. Можно было возвращаться, хватая снежинки пересохшим ртом.

34. Дома Франциск не почувал запаха дочки и подумал, что действительно живет после конца света, который недавно произошел. В доме было слышно лишь переливание воды в глубинах канализации, сжатие металла в дверцах остывшей печи, ультразвуковые вибрации стекол, пахло серой и углем – менялось давление.

Франциск решился выглянуть в незапертые двери на балкон. Одеяло, расстеленное в саду, выглядело болезненным пятном. На одеяле спала припорошенная снегом маленькая девочка, которая еще никогда не засыпала без папы. Для того, чтобы устоялся сквозняк, нужно какое-то время. Поэтому Анной запахло почти через минуту. Франциск понял, что не хотел бы, чтобы она становилась женщиной.

35. После той ночи Непростые вправду ушли из Яливца, каким-то образом замотав висячую лестницу на верх виадука. Французский инженер остался, ни на день не прекращая свою работу. Франциск перестал делать анимацию. Теперь он вместе с Анной и сербом Лукачем, который все свои перемещения отмечал посаженными лесами, занялся обустройством города. Немного пил (преимущественно пересекая круглый столик в баре экватором полных стаканчиков. И никуда не выходил, пока не опорожнял весь ряд), но от каких бы то ни было джиновых процедур отказывался.

Построил себе оранжерею, где разводил тропические растения. Наблюдал за изменчивым подобием детей пса Лукача, которого ему предстояло убить в оранжерее. Порой брал в обе руки по бартке²⁶ и так бежал аж на Мэнчил. Оттуда приносил свежую брынзу, перебросив, словно коромысло с ведрами, бартку с

²⁶ Бартка – гуцульский топорик на длинной рукоятке.

привязанными бербеницами²⁷ через плечо. Интервью давал неохотно, но старательно. В основном делал ударение на то, что создавал разные фильмы для того, чтобы так по-разному пожить.

36. В 1910 в Яливец специально приехали послы венского парламента Мыкола Лагодынский и Васыль Стефанык, чтобы уговорить Франциска вернуться к творчеству. Франциск ничему не возражал и ничего не обещал. Депутатов принимал не дома, а в отеле «Ч.П.Т.», что означало Чэрэмош, Прут, Тисса.

Лагодынский позднее вспоминал, как Франциск Пэтросский сказал, что украинская держава будет возможна только тогда, когда карпатский вектор станет основой ее геополитики, карпатская космогония – моделью идеологии, а сами Карпаты – природным резерватом (Франциск не очень верил в то, что говорил, ибо ненавидел гуцульское стремление вырубать в течение жизни как можно больше деревьев и гуцульское непонимание того, что появляется раз от разу больше мусора, который нельзя выбрасывать в воду).

37. Что до Стефаныка, то он рассказывал венским знакомым Франциска больше. Каждый человек, – так сказал Франциск, – может сделать за свою жизнь книжку. Я говорю «книжку», хотя мы начали говорить про фильмы. Каждый, но лишь одну. Те, которые думают, что написали много книжек, ошибаются – это все продолжается одна. За свою книжку не выскочишь, что бы ты ни изменял. Можно подделывать, но не сотворить. Твоя единственная книжка ограничена твоим тембром, интонациями, артикуляцией. Судьба – это способ говорить. Хотя книжек в мире не счесть, действительно хороших – ограниченное число. Должно быть ограниченное, а всех вообще должно быть без числа. Так учат растения. Если бы хороших книжек было без числа, мир бы остановился или спился. Я свою книжку написал. Не знаю – хорошую или нет, но написал. А с этим дело обстоит так, что не имеет значения – дописал или не дописал, переписал или только вознамерился. Не имеет значения, в одну страницу твоя книжка или в шкаф томов. Голос есть – достаточно. Сюжеты нужны для собственного интереса. Сюжеты не придумываются, не исчезают, Они есть и есть. Только могут забываться. Все, чему я научился и что запомнил в жизни – несколько пейзажей, которые означали радость мышления, несколько запахов, которые были чувствами, несколько движений, которые вбирали в себя ощущения, несколько вещей, предметов, которые были воплощениями культуры, истории, страданий, много растений, которые суть доступ к красоте, мудрости и всему тому, по сравнению с чем нас просто нет на свете. И много-много интонаций. Неповторимых похожих интонаций, про которые не знаю – что они означали. Может, по ним мы будем узнаваться там, где ничего, кроме голоса, не остается.

38. Еще Стефанык радовался, что – когда Лагодынский пошел спать – они начали всякое на себя наговаривать – блиндера, халявщик, бельмастый, идолище, гугнивый, лопотливый, гыкливый, косоглазый, сопливый, бездельник, фарион, лихун, данцивник, губошлеп, зайдей, непутевый, торбей, нищеброд, верховец, сушняк, бойк ты, лемк²⁸ ты, гуцул ты – да и заснули.

²⁷ Бербеница – кадушка для брынзы.

²⁸ Бойки, лемки – малые народности Карпат.

39. А двумя годами раньше Франциск впервые повел Анну на место, откуда вернулся один пятнадцать лет тому. Побывать там еще хоть раз Анна не успела. Но так началась единственная в их семье традиция.

Осенью 1913 года Анна еще не была женщиной. А вскоре через Яливец полетели в Африку птицы. Франциск почувствовал: еще немного – и заплачет. Ничто самое главное не происходит по собственной воле, подумал он и попросил Анну сварить много кофе и выжать сок из четырех грейпфрутов, больших, как маленькие тыквочки.

Франциск поймал себя на том, что не может, закрыв глаза, точно припомнить абрисы всех окружающих гор, как раньше начал забывать все те незабываемые женские груди, с которыми знался. Поэтому должен взойти на скалу, посмотреть на то, что так любил. А удостовериться, что сваренный кофе с соком будет ждать его дома, хотел перед тем, как выйти на прогулку.

40. Домой он вернулся, припомнив все вершины, вместе с Себастьяном. Франц предложил ему попробовать пожить в Яливце. Анна постелила еще одну постель в свободной комнате. Второй ключ от комнаты почему-то с утра был у нее.

Франциск чувствовал, что запах Анны перестает быть детским, и Непростые могут прийти очень скоро, ибо кровь гостя, словно ветряная болезнь, начала смешиваться с кровью женщин его рода еще в воздухе.

Себастьян так хотел спать, что с благодарностью принял предложение Франца пожить в Яливце.

А Анна думала, что Себастьяну будет нелегко все время успевать быть другом отца и мужем дочери.

Голые виноградные ветки стучали в окно, под которым стояла кровать. Себастьян заметил, что ритм их ударов может служить ветромером.

Чрезмерные дни

1. Утром Франц проснулся от какого-то совершенно незнакомого запаха. Сначала ему показалось, что произошло чудо и вместо ожидаемой зимы, которая могла принести какой-то смысл, наступила пора июньских дождей и чрезмерности зелени. Но когда Анна вошла под утро в их комнату, Франц завел новый календарь запахов, в котором у сезонов был другой порядок.

Реальность существует для тех, кому недостает Анны.

2. Себастьян первый и последний раз в своей жизни любился с женщиной, которую знал всего несколько часов.

Даже в Африке было не так. Хотя женщин, которые становились его, он определял с первого взгляда, все равно всегда был уверен, что заняться любовью они не успеют. Хоть будут долго заботиться друг о друге, разговаривать о детстве и пересказывать книжки таким образом, что количество прочитанного каждым сразу же удвоится, давать друг другу еду, мыть и греть тело, показывать увиденное с разных сторон дороги. Лишь позднее выяснялось, что в таком сосуществовании заложено одно непреодолимое направление. Поскольку оно означает любовь не к себе, а к другому, то предусматривает и расширение доступа на территорию этого другого. И можно дойти до места, откуда расширяться дальше можно только вовнутрь, только под кожу. Так происходило с Себастьяном.

Что до женщин, то, увидев Себастьяна в первый раз, ни у одной не возникало неудержимого желания заняться с ним любовью. Неотвратимость этого проявлялась постепенно – достаточно было немного пожить непосредственно рядом с ним. Так, собственно, происходило в Африке. В конце концов, Себастьян только это про Африку и знал.

Лишь заночевав в Яливце, Себастьян убедился, что его Европа существует.

3. Ночью выпал снег и началась зима, которая в том году протянулась до середины апреля. Из-за возможности зимы быть разнообразнее, чем все времена года, каждый ее день был совсем другим.

И не было два раза одинаково хорошо.

4. Анна не могла поверить, что такое неправдоподобное подобие бывает – выгнутые линии повторялись, вгибались или выгибались точно вслед за выгибами и вгибами, накладывались так, что две поверхности ощущали не себя, не другую, а появление третьей, такой идеально тонкой, что сгибалась, прогибалась, перегибалась самостоятельно.

И случайно таких единств не бывает. Какая-то законченная утонченность, утонченная законченность, которая так легко передается от одного к другому и на несколько поколений вперед.

Любовь не предусматривает взаимности, – сказала Анна, и Себастьян молчал, потому что понял, что ответа она не требует тоже. Ему казалось, что что-то в мире обрушилось, что мир зашевелился из-за него. И хотя любовь не имеет

будущего, не допускает использования будущего времени, только с Анной он смог представить себя в старости.

Анна открыла окно. Теперь виноград невозможно было слышать, потому что ветки, качаясь, просто залетали в комнату. Но ветер утих не из-за отсутствия ветромера – начал падать такой тяжелый снег, что постепенно прижал его к земле и прикрыл собою. Так же уравновешенно и неспешно снег залетал в комнату, оседал на кровати. Таким образом, там властвовали шесть жидкостей – слюна, кровь, вода из снега, пот, влага Анны и семя Себастьяна.

5. Утром завтракали втроем. Нужно было сесть рядом вдоль узкого длинного стола, приставленного одной стороной к окну. Себастьян почти не пах Африкой. А с пальцев не стирался запах слизистых Анны, поэтому Франциск решал, как им впредь садиться: он – Анна – Себастьян, он – Себастьян – Анна, или Анна – он – Себастьян.

Анне принесли письмо от старого Бэды, на сей раз обертка была от того самого чая, который она заварила мужчинам к завтраку. Она думала, что же написать Бэде, если никаких вопросов у нее больше нет.

6. В ту зиму Франциск спохватился – у него нет ни одной фотографии для статьи о себе в Ляруссе. Можно было пойти в «Хамелеон» и сфотографироваться, но Франц правильно рассудил, что – поскольку вариантов статьи несколько сотен – даже самый лучший портрет будет случайным. Нужно было фотографироваться каждый раз, когда статья писалась заново (Ведь придумал он когда-то такой фильм – фотографировал одну особу каждый день в одной позе и на том же месте на протяжении двух лет, потом на разных скоростях прокручивал этот ряд эволюционных смен. А на фоне эволюции очень выразительными становятся детали).

И потому Франц придумал удивительный способ не просто наверстать упущенное, но и найти что-то совершенно неожиданное.

7. После завтрака (Франц, наконец, постановил – правильное всего, чтобы Себастьян всегда был посередине, – смирившись с тем, что Анна будет сидеть только рядом со своим мужем – сам он должен был быть близко от Себастьяна, чтобы удобно было говорить обо всем) Франциск забрал у Анны второй ключ от комнаты Себастьяна, потому что комната больше запирается не будет, а он туда не будет заходить. Перечитал письмо от Бэды и сказал, что рассказывал это когда-то Анне, потому что рассказал ей все, что знал, а написанное старым Бэдой знает. Видно, она была слишком маленькая, когда рассказывалось именно это воспоминание, и оно забылось. Если захочет, может послушать еще раз, когда он – обязательно – будет рассказывать всю их историю Себастьяну.

А потом Франц вытащил из кровати вложенный туда на лето зимний кожаный и пошел в отель «Унион», где в номере на втором этаже уже несколько лет жил единственный в Яливце наемный убийца.

8. Штефан очень удивился, когда в его номер вошел Франц – в Яливце Франц мог убить кого угодно, не нуждаясь в наемном убийце – все его слишком

уважали. Штефан как раз вернулся с удачного дела в Космаче и должен был немного поработать над винтовкой.

Перед тем, как пришел Франц, он уже успел побывать на службе Божьей и даже причаститься после нее. Но причастие не проглотил. Принес его во рту в отель и заложил в дырку, предварительно сделанную в стене сверлом. Зарядил ружье пулей, отошел к другой стене и выстрелил, целясь в дырку. Хорошо, что попал. Это выстрел Франц слышал между первым и вторым этажами, когда ехал в лифте, который два работника поднимали вверх, поворачивая рукоять лебедки под самой крышей. Штефан отложил оружие и начал собирать кровь стены. Франц открыл дверь. Теперь надо было умастить ружье собранной кровью, но Штефан не хотел это делать при Франциске.

9. Франциск быстро объяснил свой заказ.

Он хочет, чтобы Штефан незаметно – как он это очень хорошо умеет делать – следил за ним. Выслеживал как убийца. Находил хорошие места для стрельбы и удачные моменты для выстрела. Но вместо ружья у Штефана должен быть фотоаппарат. Франц дает Штефану три месяца времени. После этого забирает сто своих фотографий и доплачивает остаток денег. Главное, чтобы ни Франциск, ни кто другой его никогда не заметили. Услыхав про размеры гонорара, Штефан охотно согласился, не беспокоясь о том, что вообще не знал даже, как выглядит фотоаппарат.

Между прочим, благодаря этой Штефановой безответственности много людей были живы. Штефан – как это свойственно украинцам – постоянно брал на себя обязательств больше, чем мог выполнить. Поэтому выполнения некоторых заказов приходилось ждать годами, а иные просто забывались. Но теперь Штефан понимал, что с Францом медлить не следует. Ему говорили, что Франц знает те восемнадцать слов, от которых дрожит ружье, а цель сама приходит, плача, и становится так, чтобы в нее попасть прямо из окна.

Франц показал, как обращаться с фотоаппаратом, и ушел. Штефан быстренько намазал кровью со стены все ружье. Знал, что это страшный грех, и он будет принадлежать Иуде, но делал так всегда, чтобы винтовка никогда не подвела. Особенно после того, как закипит кровью.

10. Каждый день Франц брал Себастьяна на прогулки по Яливцу. Морозы были сильные, и катки не подтаивали даже в солнечные дни. Наконец-то Францу было с кем поговорить – оказалось, что Себастьян как настоящий стрелок умел видеть так же много, как и он. Казалось, могли бы быть какие-то бесконечные важные беседы, ибо проблема Центральной Европы – стилистическая, но нет – несколько слов, указание на увиденное.

Когда они заходили в какие-нибудь бары, то пили джин, разбавленный кипятком, а запивали только свежим соком, сделанным из подмерзлых яблок, оставленных осенью на деревьях и только что сорванных из-под снега.

Порой ходили к месту, где погибла самая первая Анна, и Франц рисовал на снегу схемы каждый раз других версий семейной истории. Есть вещи важнее, чем судьба, – говорил он. Может быть, культура. А культура – это род, сознательное пребывание в нем. Франциск попросил проследить, чтобы дети Себастьяна и Анны

обязательно побывали на этом месте. И еще там, где Франц встретил Себастьяна (он чуть не добавил сюда буковый лес с неунничтоженным фильмом, но своевременно удержался, потому что, в конце концов, не так много знал о Непростых), а другие места будут появляться со временем. Ведь время – это экспансия рода в географию.

11. Были дни, когда Себастьян брал с собой африканскую винтовку. На особенно трудных склонах на нее хорошо опираться. В один из таких дней они говорили про свои мечты. Ничего удивительного, что Францева мечта оказалась более сложной.

Себастьян мечтал быть старым, жить на маленьком островке-скале в теплом море, целый год ходить в одних парусиновых штанах, но ходить немного, преимущественно сидеть на каменной лавочке возле белого пустого домика, целый день пить красное вино и есть сухой козий сыр, и смотреть на несколько кустиков томатов, а не на море, в котором купался бы по ночам, пока пахнут матиолы.

Франциск же мечтал о женщине с несколькими парами грудей.

Вдруг Себастьян согнулся, толкнул Франца головой в живот, Франц покатился с холма, а Себастьян перевернулся на земле через плечо и, лежа на спине, выстрелил из забитой снегом винтовки. На далеком холме что-то дзенькнуло. Немного полежав, они пошли туда и нашли простреленного Штефана с разбитым фотоаппаратом.

Себастьян принял блеск объектива за отсвет оптического прицела. Штефан проворонил главное: чтобы тебя никто не заметил, – сказал Франциск. А за провороненное надо уметь отвечать.

То уже другое дело, что Франциск так и остался без фотографий к энциклопедии. К счастью, редукция все еще интересовала его.

12. После этого случая Анна захотела научиться снайперству.

13. Сначала надо полюбить свое тело, сказал Себастьян.

И местность, где все происходит.

Ибо тело – врата мозга.

Если хочешь думать правильно и быстро, врата должны быть всегда открыты.

Чтобы мысли могли выходить и входить свободно.

Мысли – это лишь то, что профильтровывается из местности сквозь тело и через тело вытекает.

Раскованность донорно-акцепторных связей.

Лежать в воде и не слушать ее запах.

Смотреть под траву и не чувствовать ее вкуса.

Чувствовать взглядом вкус того, что ощущаешь прикосновением.

Врата открываются лишь тогда, когда их любишь.

Откройся, ты же всегда так хорошо открываешься.

Ногтями можно царапать, но можно удерживаться.

Продолжай взгляд, удержи взгляд, выдержи взгляд.

Перенесения желания тела быть там, куда не дотянешься, на винтовку.

Если полюбишь местность, она будет расползанием твоего тела.
Стреляешь не ты, а рельеф.
Думает не голова, а тело.
Долетает не пуля, а мысль.
Каждая мысль – это желание, которое сумело войти и выйти через врата.
Что можешь сделать сама, делай без никого.
Говори то, что подумалось, а думай так, как в этот миг почувствовала.
Плачь от нежности, потому что иначе никогда не будешь такой сильной.
Следи за дыханием, так как только оно может установить диктат ритма.
Постоянно имей в виду деревья, они исчезают и появляются наиболее надежным образом.
Когда очень утомлена, то переставай быть непреклонной и засыпай.
Дотянись губами до своей середины.
Стрелять в окно – как заглядывать в окна.
Попробуй понять, как черные делают джаз.
Открытость. Щедрость. Благодарность.

14. Чтобы выучить все эти и бесчисленное количество других тонкостей снайперского искусства, необходимо безоговорочно придерживаться строгого режима – постоянно заниматься любовью; и только на открытом воздухе. Долго, легко, сильно, быстро, нежно, упрямо, неуклюже, хорошо, мудро, внимательно, очень внимательно, мудро и хорошо. На земле, на листьях, на мху, на деревьях, под деревьями, на холмах, в ямах, на ветру, под снегом, на льду, вдоль дороги, поперек моста, над мостом, в сумерках и в ночи, на рассвете и днем, перед, после и во время еды, молча и с криками. Стоять. Ходить. Сидеть. Лежать. Так, как можно было успеть за самую долгую зиму 1914 года.

Всю эту долгую зиму, которая длилась до апреля 1914 года, Себастьян и Анна почти не заходили в помещения. Анна говорила то, что подумалось, а думала, как чувствовала в тот миг. Она плакала от нежности, потому что никогда в жизни не была такой сильной. Порой, когда Себастьян был в ней, то казалось, что надо еще ближе, а иногда он был страшно близким сквозь несколько сорочек. Когда она сгибалась, то он был уверен, что что-то заставляет сгибаться и его. Словно вокруг кожи возник еще один слой тугой оболочки.

Чрезмерные дни.

Третья старая фотография – разве что в Лярусс

1. Этот снимок Себастьян – если бы его вдруг спросили – ни за что не смог бы описать детально и точно, хотя видел много раз, и ничего сложного на нем не было изображено.

Может быть, именно законы редукции, запоминания и забывания, которыми был так захвачен Франциск, сработали в случае взаимоотношений Себастьяна и этой фотографии вполне.

Лица – наилучшие сюжеты, – говорил Франциск.

Франциск говорил – сюжеты не заканчиваются и не исчезают. Они могут время от времени забываться.

Сюжет лица Франца вспоминался Себастьяном по-разному на протяжении жизни, но никогда не так, как на этой фотографии.

2. Она была сделана на похоронах Франциска в мае 1915 года.

Франциск лежал на застеленной покрывалом скамье возле ямы на кладбище за Яливцом. Снимали так, чтобы можно было разглядеть только Франца, а не похороны. Франц, обряженный в вышитую сорочку, черес и красные гачи, сложил руки на груди, держа крест из двух карандашей, связанных пучком полонинских трав (так придумал Лоци). Перстень с речными камешками, который Франциск сам себе сделал, годами носил, не снимая, а потом снял и не выбросил, но отказался надевать, торчал промеж карандашей. Отверстие для головы и шеи в сорочке закрыто китайкой.

Сама голова лежит (точнее – стоит) отдельно немного дальше на скамье. Черная борода и седые длинные волосы расчесаны так, что, кроме очей и носа, лица почти не видно.

3. Себастьян на похоронах не было, этого он не видел. Маленькую девочку – дочку Анны и его дочку, внучку Франциска, о которой тот не успел узнать, принесли вчера. Францу отрубили голову позавчера. Себастьян был при этом. Потом ждал, пока стечет кровь, мыл и чесал Франциска, обряжал его в сорочку и гачи. Голову положил в корзинку, накрыв папоротником. А на следующий день курьер принес младенца от убитой Анны.

Весь день, когда в Яливце торжественно хоронили Франца, Себастьян не отходил от его внучки, у которой, наверное, болел животик, и она непрерывно плакала.

Себастьян не мог запомнить фотографию, возможно, потому, что не представлял себе, как все было на похоронах, но слишком хорошо знал, что было перед этим.

4. Весной 1914 года Анна могла стрелять лучше, чем Себастьян. Теперь он снова чаще бывал где-нибудь с Франциском, потому что Анна брала оружие и шла на несколько дней в горы. Там она выслеживала зверей, смотрела на них и доучивалась в снайперстве тому, чего не мог знать Себастьян – как выглядит

снайпер с противоположного конца винтовки. Не убивала никого, кроме оводов, пытавшихся сесть на вымя полонинских овец.

Я так тебя очень хочу, – говорила Анна, – что не знаю, могла бы ли вообще заснуть, если бы не так хотела спать рядом с тобой. И засыпала, требуя, чтобы под головой была Себастьянова рука. Я хотела бы быть твоей дочерью – чтобы ты был моим папой. Папа – для того, чтобы мог потом сниться.

5. Весна началась только в апреле. За зиму набралось без меры снега, который начал таять весь сразу, невзирая на южные и северные склоны и высоты над уровнем моря.

Где-то внизу текли грязные и переполненные реки, разливаясь наводнениями в разных городах, но там никто не знал, как сходят в горах снега.

Яливец тоже стекал. Каждый каменный дом в ту весну слегка размылся. Все из-за толщины зимнего обледенения.

На каждой улице города горели костры, в которых жгли листву и ветки, вылезшие из-под снега. Сожжение весны пахло иначе, чем осеннее – в огонь попадали срезанные стебли винограда, уже заполненные соками.

6. Всю весну Себастьян со страхом ждал нападения аллергии – как в прошлые годы. Но аллергии не было. Это место приняло его без сопротивления.

Вместо этого заметил во время ожидания, что деревья распускаются утром, сразу по окончании ночи.

Про Себастьяна уже знали все в Яливец. Не раз он, забредя с Францем в какой-нибудь бар, принужден был рассказывать разным компаниям про Африку. То же самое, но каждый раз подробнее. Его даже приглашали в один пансионат инструктором по выживанию, но Себастьян отказался из-за нехватки времени.

7. Потому что как раз тогда Себастьяну приснился один сон.

Он с Анной шел городской улочкой, которой на самом деле не было в Яливец. Улица образовывалась двумя рядами домов, которые стояли на голом склоне. За домами – только альпийские луга и звериные тропки. Улица вела прямо вверх. На первых этажах домов располагались разнообразные бары. Столики стояли и во внутренних дворах за прикрытыми воротами.

Они заходили в каждый бар по очереди, подходили каждый раз к другим стойкам, одним духом выпивали по стакану белого вина, запоминая вкус разных лет на разных виноградниках, им говорили что-то несущественное, но очень интересное десятки знакомых, сидевшие во всех барах. Наконец, с одними знакомыми, тоже мужем и женой, задержались подольше. Женщины о чем-то разговаривали, а этот мужчина предложил Себастьяну искупаться.

Они вышли из бара и пошли улицей еще дальше вверх. Улица резко закончилась заснеженной вершиной горы. Они перешли через нее на противоположный склон. Там был большой открытый бассейн. Себастьян первым вошел в него. Нырнул и поплыл под водой, ощущая, что в бассейне есть какое-то течение, потому что его сносило немного в сторону. Он вынырнул и, держась на воде, убедился, что так сносит еще сильнее. То же самое происходило и с приятелем.

Их несло к той стороне бассейна, которая заканчивалась не стеной, а шнурком, натянутым на поверхности воды. Чем ближе к краю, тем сильнее затягивал водоворот, будто вся вода собиралась вылиться за этот шнур. Когда их прибило к этой границе, они едва успели схватиться за него. Ноги понесло вперед, и они лежали на спинах, уцепившись за шнурок. За ним исчезали маленькие белые черепахи, которых несло отовсюду. Так Себастьян продержался несколько минут. Руки болели, как никогда в жизни, и он решил разжать пальцы и последовать за черепахами. Но сначала поднял голову и заглянул за шнурок. Там вода обрывалась гигантским водопадом, образуя гладкую и высоченную, неподвижную на вид стену. В самом низу пропасти Себастьян увидел все, что только может быть на свете. Вдруг течение полностью стихло, а потом сразу же понесло его в противоположную сторону, в конце концов болезненно вышвырнув на то место, с которого они сходили в воду. Все тело Себастьяна с удивительным сожалением вспоминало недолгую купель.

Они оделись и быстренько вернулись той же дорогой к бару, заметив, что на домах появились балконы, которых раньше не было. В баре было пусто, лишь две бабки играли в шахматы за столиком, который шатался всякий раз, когда каждая из них переставляла фигуру на шахматной доске. В многочисленных бутылках на полках за стойкой не было ни единой капли напитков. Они уже хотели уходить, когда старушки оставили шахматы и подошли к ним. Вскоре выяснилось, что эти бабки – их жены (Себастьян едва узнал Анну), которые ожидали своих мужей, никуда не выходя, ровно сорок лет.

8. Себастьян был настолько впечатлен, что на следующую ночь попытался снова вернуться в продолжение сна. Но вместо этого ему приснилось только то, что он – чай с молоком, смешанный в пропорциях, которые дают самый лучший оттенок.

9. Анна спокойно выслушала эту историю и сказала, что может быть и так, но по большому счету выглядит совсем иначе, потому что по правде наслаждение гнездится не в вестибулярном аппарате, а где-то в легких, что-то там с дыханием, заполнением, опоружением, давлением воздуха. Франциск когда-то говорил ей именно это.

10. Вечером Анна сняла с Себастьяна сорочку и надела ее на голое тело. Посадила его в бидермайеровское кресло, выбранное из всех кресел в доме, нашла в шкафу начатую пачку капральского жетана и вложила ему в руку. Оторвала от дерюги четыре небольших кусочка, взяла бутылочку чернил «Пеликан» и села к столу. Себастьян закурил Капрала, а Анна обмакивала палец в чернила и чертила на обрывках дерюги примитивные и корявые рисуночки – солнце (кружок с несколькими большими лучами во все стороны), елочку (вертикальная линия посередине, а от нее с двух сторон отходят симметричные, короткие, наклонные вниз палочки), человека (палочка, сверху и снизу – раздвоения, между поднятыми руками – маленький кружочек, между расставленными ногами – штришок в сторону земли), цветок (большой круг, плотно облепленный меньшими полукружьями).

Между страниц Лярусса Анна разыскала сухой цветок сортовой конопли и запаковала его в узкую стеклянную трубочку, тихо читая какие-то перлы из энциклопедического словаря. Закончив, вытащила пояс из штанов Себастьяна и скрутила ему руки за спинкой кресла так сильно, что грудные мышцы стали совершенно плоскими. Своим шейным платком так же крепко завязала ему глаза. Вынула из кармана, сразу же раскрывая одной рукой, бритву и без всяких остановок трижды надрезала Себастьяна: на плече, меж ребрами и поперек живота. Надрезы какой-то миг побыли тонкими черточками, потом их края разошлись, раны открылись, и потекла кровь.

Анна вынула окурок жетана из Себастьяновых губ и раскурила от него цветок в трубке. Сделала несколько медленных затяжек, долго задерживая в себе дым после каждой. Наконец, взяла трубку в рот той стороной, где тлела конопля, и выпустила одним выдохом понемногу дыма на все раны. Снова затянулась остатком, прижалась ртом ко рту Себастьяна и выпустила все, что держала. От неожиданности Себастьян закашлялся и стал облизывать губы – капральский жетан создавал другой вкус на губах.

Лишь тогда Анна залепила порезы разрисованными дерюжными латками. И развязала Себастьяна, который постановил себе ни о чем не спрашивать.

11. Той ночью Себастьяну приснилось, что они с Анной идут улицей, выведившей из Яливца. Только вместо яливцов и жерепа росли две шеренги огромных цветущих лип, про которые было известно, что они сейчас начнут говорить, и тогда нужно либо вообще ничего, кроме приветствия, не произносить, либо отвечать очень точно. Деревья должны были что-то оценивать по известным только им показателям. С боков и сверху, сквозь все трещины крон светило безальтернативное солнце – так морская вода проникает в дырявый корабль, растекается по нему, набирается во все закоулки и опускает его на дно.

Он шел по этому коридору так уверенно, будто что-то нажимало на затылок. Рядом ходили какие-то неизвестные люди, но если бы сделать фотографию улицы со всей толпой, то все равно было бы понятно, что фотография про него.

Себастьян видел немного вперед – под деревьями еще лежали кучи сметенных листьев, а он уже смотрел, как из них идет первый дым.

Он знал, что будет идти по этому туннелю всегда, постепенно тратя себя трением о свет, до тех пор, пока не войдет в вечность, полностью став светом.

12. Анна была благодарной ученицей и научила Себастьяна заказывать и дарить тематические сны, используя самую большую в мире силу – вибрацию. Для достижения такого наслаждения нужна лишь капелька фантазии, чтобы самому научиться угадывать вибрацию в том, про что не умеешь и подумать, что мог бы это знать.

13. Все начало лета Анна и Себастьян развлекались, притворяясь, будто Анна беременна.

Они стали заниматься любовью деликатно. Спали долго. И долго не вставали, ласкаясь еще раз. Неторопливо ходили на полонины за молоком. Назад возвращались просекой, срывая самые близкие ягоды, и еще последний раз

любились там, где заканчивались ежевичники. По дороге вспоминали про свои первые дни вместе, всегда находя какие-то не замеченные раньше тонкости. Обедали всегда дома на веранде, а ужинали где-нибудь в городе, но всегда заказывали самую здоровую еду, а сервируя стол, устраивали изысканные натюрморты. Меряли в лавочках платья, которые бы подходили беременным. Переставляли вещи в комнате и планировали, как разместить ребенка. Покупали в книжном магазине детские книжечки на несколько лет вперед, и Себастьян читал их Анне на ночь. Себастьян купал Анну в ванне, вытирал ее и умащал пахучими маслами. Перед сном гуляли в самых красивых местах Яливца, поливали нагретой дождевой водой тыквы, которые выращивали в дырявом котле на балконе, и пили чай из целебных трав. Уже лежа, Себастьян глядел под мягким одеялом живот Анны так, чтобы усыпить и выйти на балкон ради последней сигареты.

Среди ночи Анна будила его, и они долго не спали.

14. 28 июня Анна захотела побыть весь день одна. Она должна была успеть дописать письмо Непростым и передать его со старым Бэдой, захавшим в Яливец лишь на несколько дней, потому что Непростые вызвали его, задумав какое-то гигантское дело.

Себастьян не отходил от Франца. Они говорили, разгуливая по Яливцу один пешком, а другой – вплавь по каналам. После инструктор по выживанию сфотографировал их и таскался с ними до самого утра сначала у Бэды, а позже – уже Бог знает где, попивая крыжовниковое вино, джин и пророча страшные опасности неосторожному Себастьяну.

15. В конце сентября Анна поехала в Мэзэтэрэбэш и записалась добровольцем в легион Украинских Сечевых Стрелков.

За день до этого в Яливец пришли, наконец, Непростые. Анна встречалась с ними у французского инженера, ночевать легла рядом с Себастьяном на галерее, а утром ее уже не было. Не стало в Яливце и Непростых. Франциск был уверен, что она или пошла с ними, или они ее с собой забрали. Себастьян хотел куда-то идти, что-то расспрашивать, только бы делать что-то, кажущееся необходимым (через полгода он будет благодарен мертвой Анне, передавшей младенца как раз тогда, когда не стало Франциска, и надо было что-то делать, чтобы не сойти с ума от одиночества).

Между прочим, бежать наугад и расспрашивать каждого в поисках потерянного, не так уж и бессмысленно. Потому что в наших горах, где воды собирают все и сами собираются в трех местах, выследить потерю очень легко – если она не лежит под снегом или камнем. Да и так неизвестность продержится не дольше, чем несколько лет.

Но Франциск высмеял Себастьяново нетерпение и приказал сесть камнем и ждать. Ибо ждать – самое радикальное, что порой можно сделать. Действительно, через три недели снова пришли Непростые и начали требовать, чтобы Франциск пустил их к Анне. Себастьяну впервые полегчало.

16. В октябре в Яливец приехал с фронта раненый боснийский капитан. Завалами Бучацкой цитадели ему раздавило ноги. Их ампутировали, но места

фантомных ног так болели, что капитану порекомендовали лечиться в Яливец. Потом надежды докторов оправдаются, капитан перестанет завывать и даже напишет первый том коротеньких мемуаров про начало войны. Все же джин – испытанный анальгетик.

Тем временем в октябре, когда капитана принесли на носилках в Яливец, он всем рассказывал про свою операцию, которую сделали в Горонде. Хирург все свое свободное время проводил в славной горондовской корчме среди старшин УСС. Там он встретил самую красивую из виденных им женщин – Анну Яливецкую с Карпат. Она была самым лучшим снайпером четаря²⁹ Пэлэнского из сотни Дидушка и посоветовала хирургу отправить боснийца в Яливец (очень скоро после этого сотня покинула Горонду, двинувшись к Вэрэчкам Нижним). Это было не только вторым облегчением для Себастьяна, но и последним – для Франциска. Анна свободна. Она не с Непростыми. Есть вещи, что важнее, чем судьба.

Оказывается – война, а значит, и смерть.

17. В третий раз Себастьяну могло полегчать, когда принесли дитя, но он себе такого не позволил и жил с этой тяжестью до конца жизни, разве что делаясь ее крохами, перекладывая их с Анны на Анну.

18. Как Франциск прожил последние месяцы своей жизни, Себастьян толком не знал, потому что видел Франца только издали. В самом простом значении этого слова. И только снизу вверх.

В начале очень теплой зимы Франциск окончательно переселился на балкон, уединившись там и не контактируя ни с кем. Себастьян встречался с ним лишь раз в неделю в баре, куда тот приходил за полным бурдюком джина. Встречи измерялись временем выпивания стакана яливецкой с калиновым сиропом. Франц был трогательно дружелюбен, но про семейные дела даже не вспоминал. Себастьян слушал, а Франц рассказывал самые свежие истории перемещений мировой войны так красочно, словно не он, а Себастьян сидел безвылазно на балконе (или у него был такой бинокль, что видно во все стороны на сотни километров, заглядывая даже за каждое дерево). Себастьян не понимал, как Франц узнает военные тайны обоих военных блоков, потому что не мог знать, как Франц живет на балконе – мешали ветки винограда, плющ и кроны молодых кедров.

19. Еще в Африке Себастьян заметил одну интересную вещь – люди очень охотно рассматривают то, к чему надо опускать взгляд, и страшно невнимательны ко всему, когда – поднимать вверх.

Летом они с Анной особенно много времени провели на том балконе, где поселился теперь Франциск – выращивали тыквы, курили, целый день пили холодный матэ, залитый с ночи горячим в серебряный кувшин. Они видели все, что делалось на улице. Даже могли угадать разговоры по жестике и движению губ. Но никто никогда – Себастьян уверен в этом, потому что не пропускал незамеченным ни один взгляд на себя – не видел, что они делают на балконе, что они – на балконе. Ведь надо взгляд поднимать (тут, видно, что-то связанное с анатомией, – думал Себастьян).

²⁹ Четарь – командир четы (отделения), прапорщик.

Теперь, глядя на балкон Франца, Себастьян мучил себя, что не научил Анну основному правилу снайперства в городе: прежде всего – балконы.

(Гораздо позже генерал Тарнавский пересказал Себастьяну чьи-то воспоминания о проигранной уличной войне во Львове в ноябре 1918, и Себастьян снова подумал про снайперов и балконы, на которых те снайперы, может быть, перед войной жили).

20. Листья на виноградных лозах полностью опали как-то ночью, и Себастьян смог что-то разглядеть сквозь плющ и кедр. Он увидел тонкую веревку, привязанную к балкону, которая тянулась прямо в облака. И больше ничего особенного. Но при следующей встрече предупредил Франца, что веревку можно заметить, ее видно.

Франц ничего не рассказал, и Себастьяну осталось верить в свою версию, кажется, наиболее логичную. Бечева от балкона ведет к высоко поднятому воздушному змею – к змею приделана птицеловья сетка – в сетку попадают птицы – птицы удирают со своих мест от фронта – за Черногорою живет орнитолог – орнитолог окольцовывает птиц – птицы окольцованы – они летят через Черногору – попадают в сеть – Франц осматривает кольца – Франц знает орнитолога – Франц понимает его коды окольцовывания – на кольцах показаны места гнездований – птицы покидают свои места – значит, туда дошел фронт. Франц отпускает птиц и снова поднимает змея.

21. В апреле 1915 года началось наступление под Горлицами (точное место офензивы³⁰ Франц назвал заранее).

В мае вокруг Яливица начали ходить бродяги: мазепинцы возвращались в Галичину, галичан отпускали из Талергофа и Гминда, москвофилы догоняли россиян, выселенные убегали из России, российские шпионы пробирались в Мадьяры, мадьяры выискивали шпионов и вешали гуцулов, гуцулы брели к румынам за кулешей³¹, румынские опрышки³² преследовали гуцульских девчат, дезертиры и мародеры избегали друг друга.

Большинство пришельцев Яливец обходили, но среди тех, которые все же появлялись в городе, многие были вооружены. В Яливце же была лишь африканская винтовка Себастьяна.

22. С Франциском все произошло очень быстро.

Так быстро, что всем показалось, будто голова просто упала посреди слова, как трубка может выпасть изо рта – достаточно ее поскорее поднять и втягивать дым дальше. Хотелось так сделать с головой, пока не рухнуло тело. Чтобы конец слова не исчез в минутной паузе.

Они допивали джин с сиропом, когда в бар вошли опрышки с Марамороша. За джин заплатили сапогами с надгрызенными волками голенищами. Сели за спиной Себастьяна, Франц время от времени посматривал на них, потому что был

³⁰ Офензива – наступление.

³¹ Кулеша – кукурузная каша.

³² Опрышки – разбойники.

внимательным. Положил на стол мачете, с которым ходил к сербу Лукачу, прорубаясь сквозь жереп, который неуклонно подрастал вокруг лесничества.

Фронт отступал, но птицы еще не возвращались. Францу не о чем было говорить, и он рассказывал Себастьяну про Непростых – когда где-то кто-то рождается, то садятся как раз под теми окнами и придумывают его байку, как земные боги. А поскольку неспособны надумать каждую иной, то сообразили себе устроить войну. Он собирался, наконец, сказать, что баильник придумал Анне (очень важно, что тогда она была не Анной) и где спрятан фильм с чем-то, что ищут Непростые.

Вдруг один опрышек подошел к их столу и сказал, что купит мачете. Не купишь, – сказал Франц. Тогда заберу. Не заберешь. Почему? Потому что оно мне нужно. А если не будет нужно? Тогда придешь сюда. Я уже тут, – сказал опрышек, – и хочу взять. Если сможешь удержать; и посмотрел не на руку румына, а в глаза. Опрышек отвел глаза, протянул руку, вернул глаза, убрал руку. Могу отрубить твою голову, – заговорил по-украински. Если сможешь, отру... Так закончился разговор, потому что опрышек схватил мачете и без замаха, одним весом секача, снес Франциску голову. Себастьян услышал, как заскрипели разодранные сухожилия. Тело Франца сидело. Голова упала на пол и не покатилась. Как глиняная трубка изо рта. Хотелось быстренько положить ее на место и услышать – ...бай. Второй опрышек поставил перед Себастьяном бомбу, и оба – уже с мачете – вышли из бара. Себастьян не знал, за что хвататься сперва – за бомбу или за голову. Взял-таки гранату и бросил в открытую печь. Хотя взрыв пошел в трубу – даже среди бела дня взлетели лилики³³, тело упало на пол, откатив голову под стол.

23. На следующий день курьер принес девочку – младенца от Анны. Себастьян понял, почему погиб Франц – он считал, что невыразимо сильнее всех, потому что не осталось ни одной женщины в мире, которую мог бы любить. Не подозревая, что у него есть внучка. Дочь Анны находилась в тот момент на расстоянии однодневного перехода от Яливца.

³³ Лилики – летучие мыши.

Воображаемые войны – кратко.

1. Почему всегда война? Так спросила маленькая Анна, дочь Себастьяна, когда начала понимать сложные сюжеты. И Себастьян ужаснулся – он действительно рассказывал малышке только про войну, все про войну, хотя был уже 1921 год; он действительно уже два года обучал ее только тому, что могло пригодиться на войне, и воспитывал как солдата.

Почему всегда есть война. Она повернула к нему голову и успела вымолвить вопрос во время полета коня через куст шиповника. Конь ставит передние ноги на землю. Себастьян сильно отклоняется назад, чтобы с размаху не ударить ребенка подбородком в лицо. Анна поворачивает голову и снова смотрит вперед. Они мчат по холмам. Не ждет ответа слишком быстро – становится похожей на Анну, свою маму.

В дороге Анна должна запомнить все, что видела. Потом как можно точнее пересказать. А вдобавок – назвать позиции, которые выберет для стрельбы, и пункты, в которых могут спрятаться враги. Такая детская игра, такая начальная школа.

2. Вечером утомленный Себастьян взял бумагу и сел при свече, чтобы подсчитать материальные следы войны (так Себастьян иллюстрировал Анне разные поучительные рассказы – в виде геометрических задач и теорем).

Война забрала: Франциска, мачете, Анну.

Война дала: химерные облепиховые леса вокруг Яливца, Анну, несколько русских патронов, похоронный снимок Франциска и один рисунок Перфецкого.

Что он делал такого, что можно делать лишь на войне: один раз ходил в дозор, один день копал окопы, один раз подрывал мост.

Совсем немного следов. Война, собственно, прошла мимо. Так почему всегда война?

3. Еще осенью 1914 года яливцовцы порешили, что эта война не для них. Они – Центральная Европа и не могут иметь еще больших интересов. Но когда воюет Юг с Севером, а Восток с Западом, то делают это преимущественно в Центральной Европе, где Карпаты и их реки. И наихудшее, что может быть в такое время – исполнять роль мирного населения Карпат или стратегически важного пункта на полукилометровой топографической карте.

Так что Лукач постановил – Яливец должен исчезнуть. И обсадил его кустами облепихи, которые за несколько недель выросли так (для этого пришлось всем копать настоящую систему обороны с несколькими рядами разных окопов и переходов между ними, весь город словно играл в старую бойковскую детскую забаву – в «кротов», но только так, – заверил Лукач, – облепиха вырастет быстро, высоко и густо, сомкнувшись иголками на тайных стежках), что города не было видно ни с одной горы. Торчал только виадук, на котором обитали когда-то Непростые. Посносили все сделанные из оленьего рога пороховницы, какие где

были. Поскладывали на мосту. Пооткрывали окна во всех домах, и Себастьян выстрелил в порох зажигательной пулей.

Мост подскочил, взлетел, глыбы перемешались в воздухе и покрошились, на город упал лишь песок – весь сразу.

(Несколько русских патронов – острые пули, на гильзе кириллическая литера – Себастьяну оставили лемки-дезертиры, выменяв на них немного эфира).

4. Все в мире связано не более, чем через четыре хода. Так говорил Франциск.

Все в мире знают друг друга через посредство не больше четырех человек. Себастьян знал Анну, Себастьян знал Лоци. Лоци знал Анну, Лоци знал Себастьяна. Лоци знал Перфецкого. Художник Леонид Перфецкий знал Анну. Перфецкий рисовал Анну в легионе УСС. Лоци встречался с Перфецким в январе 1919 во временной столице ЗУНР³⁴ Станиславе. Перфецкий показывал рисунки – Лоци узнал Анну. Он рассказывал Перфецкому о той, кто была на рисунке, а Перфецкий – как когда-то в фильмах Франциска – о том, что было перед рисунком.

5. Анна была прирожденной разведчицей. Умела везде пройти, все увидеть, все запомнить и, что самое редкое, детально описать. Часто переодевалась в разные одежды и переходила линию фронта. Так было и под Болэховым. Однажды она пошла через линию фронта, когда началось русское контрнаступление. Австрийские части отступили, открывая наших стрельцов. На нас пошли три финляндских полка с трех сторон. Начался бой штыками и прикладами. Много наших погибло, в плен взяли сотника Букшованого, хорунжую Степановну, хорунжего Свидэрского, четаря Кравса, десятника Фрэя. Остальные держались и отбили москалей. И вдруг с той стороны показалась в лесу Анна. Была переодета старым мужчиной, оборванная, опиралась на длинный острый посох. Шла прямо на них. Это не было неосторожностью. Что-то вело ее такое, о чем никто не узнал. За ней побежали трое. Анна взяла костур³⁵ в обе руки. Он был заточенный и острый, как штык. И стала против троих. Орудовала, как настоящим карабином без патронов – словно штыком и прикладом. Одному проколола горло, другому разбила голову над ухом, от третьего получила штыком в грудь. Солдат никак не мог вытащить штык из ребер, и Анна словно помогала ему, обхватив пальцами лезвие. Москаль испугался, выпустил карабин, тот свесился и уперся прикладом прямо в землю. Анна начала валиться вперед, но ее подпирал карабин. Штык уже весь вышел сзади. В одной руке Анна еще держала свой костур. Едва подняла его и ударила по винтовке, которая не давала ей лечь. Приклад подвинулся вперед, и Анна так и упала – вперед, со штыком в груди, который поворачивался всередине. Подбежали еще солдаты и докололи ее на земле так, как учат.

6. Перфецкий отдал рисунок Лоци. Лоци принес его Себастьяну, попросив – распечатай конверт, когда я уйду.

На рисунке Анна не выглядела мертвой.

³⁴ ЗУНР – Западная Украинская Народная Республика.

³⁵ Костур – посох, костыль.

Голова лежит на каком-то холмике, лицо погожее, губы не сжаты, ноги слегка подогнуты в коленях вверх, одна рука – плавно вдоль тела, другая – закинута локтем к голове. Не было присущим мертвым черт – ни твердости, ни вялости, ни впалости, ни набряклости, ни даже острых зафиксированных углов. Если бы снять одежду, выглядело бы, словно классическая натура в художественной академии.

7. Он не мог воспринять эту Анну как свою. Себастьян вообще не верил в то существование Анны, которого сам не видел – так же было и при ее жизни.

Но, глядя на рисунок, почувствовал себя так же, как на Юра³⁶ 1914-го.

На Рынке до самой ночи играли двенадцать цыганских трубочей из Суботыцы. Джин хлестал из пожарных гидрантов. Пьяный Лукач втыкал в землю какие-то побеги, которые росли на глазах. В каналах плавали и танцевали. Летали на всех качелях и трапециях. Когда же все заснуло где упали, Лукач повел цыган, Себастьяна и Анну к себе. Цыгане еле успевали пить. Себастьян не успевал обнимать Анну, и она тянулась к музыкантам. Потом замолкли трубы и начались песни. Все пели, словно перед виселицей. Даже разом протрезвели и вспомнили все, что знали, и опьянели снова – теперь надолго. Они с Анной хотели заняться любовью где-нибудь в углу, но не удавалось, потому что она каждый раз возвращалась к столу, как только начиналась новая песня.

На рассвете возвращались домой и не знали, о чем говорить – не было слов. За спиной еще голосили соловьи, а впереди пробуждались жаворонки. Они думали, что пролежат до дня с открытыми глазами, но заснули, едва прижавшись друг к другу. Последнее, что показалось Себастьяну – с завтрашнего дня начнется иная жизнь.

Он проснулся через два часа и хотел воды. Побежал к дому Лукача. Цыгане уже повставали и варили кашу на огне. Были разве что приветливы. Себастьян не мог понять, к чему так близок был ночью. И целый день ждал ночи.

8. Рассмотрев рисунок, Себастьян начал думать о том, как штык входит в тело.

С этого времени он непрерывно проживал что-то такое. Его колют. Он колет. Сабля рассекает кожу. Заживает рана. Идет по полю среди еще живых, но уже убитых. Медленно умирает от пули в живот. Болото под сапогами. Переходы в колонне. Переправы в холодной воде. Гнойные раны прочищаются грязными пальцами. Оборванные солдаты. Дождевая вода и грязь в окопах. Колеса телег нужно подтолкнуть. Рубятся деревья на дорогу. Взрывы подряд. Надо лежать. Деревья трескаются. Колонны беженцев. Повешенные в садах. Ползти в снегах. Возвращаются белыми холмами черные фигуры. Выжженные поля. Воспаленные глаза. От спанья в холоде болят мускулы. Обожженные руки. Боль, недосып, холод. Постоянные усилия и сосредоточенность, без которых даже добывание еды становится неинтересным. Все это чувствовала и Анна. Первый раз в мире – совершенно одинаково чувствуют двое.

³⁶ Юра – День св.Георгия (6 мая).

9. В 1921 году Себастьян перестал говорить про войну, хотя его воображение было там всегда. Думая о чем-то, он всегда думал о чем-нибудь еще. Но дочери начал рассказывать про зверей. Больше всего ему стало нехватать Франциска.

10. В том же году умер французский инженер. Как и рассчитывал – от курения.

Было уже холодновато, поэтому все окна были закрыты. Трубы тоже держались закрытыми заслонками. Французский инженер докурил последнюю сигарету уже в постели, но не загасил окурочек в пепельнице, а встал, не надевая кальсон, перешел комнату и кинул сигарету в печь. Еще попил воды прямо из ведра. И тогда спокойненько улегся спать. А в печи было полно бумажного хлама – преимущественно старые черновики и записки совершенно банальных историй (странно, но после войны число таких увеличилось, и их приходилось отбрасывать – и это при том, что люди стали значительно меньше приходить в нотариальную контору французского инженера: одни истории были не для пересказа, а другие хотелось пересказывать друг другу и целым компаниям). Бумага занялась от окурка, выгорела при закрытой трубе, французский инженер сладко умер от угарного газа.

Непростые

1. Говорили, что на похороны придут Непростые. Почему они не появлялись все эти годы, когда были по-настоящему нужны, никто не знал. Видно, это не было нужно им. Значит, смерть французского инженера их интересует больше, чем Яливец во время войны. А может, настоящая война за пределами Яливца была им интереснее. Тут, в конце концов, не происходило ничего такого, за чем не уследил бы французский инженер. Если они еще вправду привязаны к Яливцу, то придут затем, чтобы сделать две вещи: во-первых, забрать что-то, что осталось от французского инженера, во-вторых, оставить кого-то на его месте. Франциск говорил, что они заинтересованы в некоторых людях. Себастьяну ослепительно вспомнилось, как Франциск оберегал от них Анну, как говорил о преследовании Непростыми их семьи. Страх, что кто-то может забрать у него дочь (еще и дочь его Анны), появлялся – хотя бы на несколько секунд – каждый час. Теперь он расширился и отжимал Себастьяна к границам. Надо куда-то удирать.

Анна спала, а Себастьян тер картошку и жарил пляцки³⁷, чтобы взять в побег что-то подходящее.

Тер, жарил и думал о чем-то совсем другом.

2. непростые – земные боги, которые с помощью врожденных или приобретенных знаний могут приносить пользу или вредить кому-то. важно, что есть этот пункт – врожденные и приобретенные. они что-то знают. притом это можно узнать. приобрести. в таком случае непростым можно стать, узнав что-то. а врожденное. их интересовали сны Анны. это врожденное или приобретенное. случилось от морфия – приобретенное. но случилось только у Анны. морфий что-то открыл. значит, врожденное. Анна что-то мне пояснила, я чему-то научился – приобретенное. Анна сказала, что не каждый освоил бы ее науку. должны быть какие-то черты. черты – это главные сюжеты. это интонации. интонации создают голос. что-то присущее и неизменное – поддается разве что имитации. чтобы имитировать, надо знать. имитация – это знание, потому что знание – это имитация. их интересовало, что знает Анна о чем-то, чего они не узнали. значит, их знания не безграничны. их нужно им приобретать. нанизывать на черты. непростые разные. приобрести все знания кому-то одному невозможно. но каждый почему-то выбирает какие-то определенные ветви знаний. зависит от черт. они всякие – коровьи, конские, кошачьи, песьи, куриные, гусиные, жабы, рыбы, мышьиные. для всякой живности, что из каждой живинки выуживает вкус. еще есть гадер, волкун, градовник, тучник, верхолюбод. еще есть вижлун и вижлунка. но самый главный – баильник, присловник. сильнее всего действует присловье, говорение, бай. бай – это не слово. бай – много упорядоченных слов. бай – уже история. на разные

³⁷ Пляцки – картофельные оладьи.

причины есть разный бай. бай – это сюжеты. баян – рассказ, рассказывание истории, сюжета. причины тоже должны быть сюжетами. а чтобы найти на них бай, надо их рассказать. в таком случае рассказ влияет на выбор рассказа, и тогда выбранный рассказ рассказывается. рассказывается бай, который влияет, действует на предварительный рассказ-причину и добавляет то, куда он двинется после рассказа-бая до рассказа-следствия. выходит, что одни рассказы. рассказ является всеми действиями, а все действия – рассказами. среди непростых баильник на первом месте. его врожденные знания-черты – как рассказывать (слух, артикуляция, голос, интонация, ритм и темп) нанизывают на себя приобретенные – что рассказывать. непростые должны знать, что рассказывать. им нужны чьи-то рассказы – Анны, французского инженера, Бэды, посла Стефанька, генерала Тарнавского. то, что знают, они рассказывают кому-то другому. но кому. Франциску, Анне, Лоци. после этого Франциск делает такие-то фильмы, Анна строит такие-то дома, которые бают что-то еще кому-то. и эти кто-то имеют что перебаивать дальше. имеют. непростые делают то, что хотят. хотение тоже надо откуда-то знать. знать – услышать рассказ. хотение – рассказ, бай. хотение имеется. непростые хотят иметь. самый лучший способ иметь – уметь рассказать, рассказывать. кто рассказывает, тот имеет все. рассказ, значит, не только наибольшее дело, но и наибольшая вещь, наибольшее число, наибольшая черта и знак. непростые имеют больше всех, делают больше всех, означают больше всех, потому что рассказывают. детектив оказался очень простым. зная преступников – А, придумывается им преступление Б. непростые правят миром. непростые приходят, когда кто-то рождается, или что-то рождается, и придумывают ему жизнь. рассказывают сюжет. рассказ становится причиной, жизнь – следствием рассказа. и причиной нового рассказа, который можно послушать и пересказать. жизни нет без рассказа. ибо рассказ – это жизнь. сюжеты не заканчиваются, говорил Франциск. сюжеты прячутся и возникают. истории, как зараза, дают горячку, переносятся, передаются, прячутся, вылезают и дают горячку. сходятся, расходятся, перемешиваются, срastaются, ломаются в других местах, переворачиваются, крошатся, перерождаются. коллекционировать сюжеты. комбинировать сюжеты (анализ, синтез, дедукция, индукция, мифологизация, демифологизация, аналогия, гиперболизация, прибавление, вычитание, умножение, деление, выражение, тембр, артикуляция, перенесение, сцепление, укоренение, искоренение, тональность, темп, ритм, хронотоп, персонификация, аллегория, синонимы, антонимы, омонимы, конструкция и деконструкция, сравнительная лингвистика). отдавать сюжеты, следя за временем и местом. таков метод непростых. и этот метод – результат. ибо есть так, как сказано, наказано, рассказано, отказано, пересказано, заказано, указано, приказано, подсказано. а зачем есть. чтобы говорить.

бай – невидимое лекарство.

суть всякой формы.

форма самой сути.

то, что можно забрать на тот свет. то, что на том свете нужно, ибо там одни голоса, вечность и захват. свою вечность своим голосом свой бай про свой захват.

ни работы, ни сокровищ, ни силы, ни тела, ни ощущений, ни далеко, ни близко, ни много, ни мало, ни когда-то, ни теперь, ни когда-то. свою вечность своим голосом свой захват – свой бай.

3. Все плячки Себастьян отдал Анне на завтрак, потому что некуда было идти, потому что некуда убежать. Главное – ничего не бойся.

Себастьян пошел к покойнику, помолился (Боже, не дай мне Тебя обидеть!) за рассказы души французского инженера и дождался Непростых. Те просили не мешать и подождать два дня, хотя впервые эта семья искала их, а не они ее. Себастьян пообещал, что займет немного времени, и не уступал. Сказал баильнику, что хочет быть баильником. И попросился работать барменом в баре, что принадлежал Непростым.

В то время бар «Что да, то да» в Яливеце становился самым модным послевоенным заведением модного предвоенного центральноевропейского курорта. После войны адрес несколько изменился, хоть и не обошлось без существенных ошибок. Все-таки Яливец по-прежнему находился в Украинских Карпатах, а не просто в Чехословацкой республике. Но Станислав, Львов и Арджэлюджа оказались за запрещенной линией на Черногоре. На джип в Яливец теперь приезжали прежде всего из Праги, Брно, Братиславы, Кошице, Карловых Вар и Ужгорода. А еще – из Подэбрадов и Нусли, из Немецкого Яблонного, Либэрца и Йозефова. С чужестранцами было легче общаться по-украински, чем по-немецки.

Непростые без колебаний согласились, но у них было одно условие. В конце концов, у Себастьяна тоже было только одно условие. Оказалось, что оба условия совпадают – Анна должна быть в том же баре, при Себастьяне.

Говорить или перестать

1. Надо было что-то изменить в баре. Себастьян рассказал Анне о нескольких интерьерях, про которые думал, что мечтал о них всю жизнь.

Анна согласилась, что легче всего красоту запоминать через вещи. Вещи надежны, они переходят из истории в историю. Но действительно изначальная красота – это цветы, растения и то, из чего они начинаются и во что вырастают: вода, просторный воздух, свет и немного тепла и прохлады.

Они сделали так, как хотел ребенок.

2. После прекращения шестилетней солдатской науки Себастьян всегда делал так, как хотела Анна. Он не считал это распушенностью. Просто не знал толком, что нужно маленьким девочкам (с мальчиком было бы иначе – Себастьян очень хорошо помнил, как чувствовал себя в разные периоды детства, – но, может, и хуже, потому что неизвестно, происходило ли бы у сына все так же), и считал, что маленьким людям хорошо известно, когда хорошо, а когда плохо. Главный итог детства – соотношение между смехом и плачем. Яливцовских женщин, которые пытались присоединиться к воспитанию Анны, Себастьян просто не допускал к ребенку, а их советы игнорировал. Хотя из-за перестройки корчмы свободного времени оставалось очень мало, Себастьян ежедневно рассказывал дочке все, что выучил о жизни животных.

3. Корчму переделали в открытый в нескольких местах бар, больше похожий на огород. Из вещей в баре (кроме столов и лавок) было только то, что сделано из прозрачного стекла.

Преимущественно оно было занято срезанными цветами.

4. Тем временем Анна все больше времени проводила с животными. Особенно она любила слизней. Себастьяну слизни нравились, потому что казались воспитанными. Их сдержанность и безэмоциональность заставляет внимательнее думать про слизнячи потребности, симпатии, желания и намерения. Совершенно иные манеры поведения, самовыражения и общения дают большой простор для взаимного познания. Анна чувствовала себя счастливой, когда помещала слизня на себя в том месте, откуда ему не хотелось сразу сползать. Он благодарил Анну нежным медленным продвижением по избранным участкам кожи.

Возможно, именно из-за такого начала всю жизнь Анна больше всего умела уподобляться слизням. Когда же они начали любиться, то становилась слизнем чаще и охотнее всего. Себастьян подозревал, что таким способом она пыталась указать – как ему надо поступать с нею. Все же не отваживалась сказать это папе

словами. Себастьян удивлялся – как можно вот так знать и понимать тайны зверят. У меня просто нечего было читать, смеялась дочка.

5. И действительно, эта Анна не читала даже Лярусса, потому что: Себастьян не знал французского языка (он воевал не во Французской Африке, а Центральная Европа означает возможность взаимопонимания со всеми соседями с помощью родного языка), первые годы Анна непрерывно становилась солдатом, потом они почти не выходили из бара, бывая дома только чтобы искупаться зимой; кроме того, Анна слышала в баре столько историй, что вечный и вневременной Лярусс показался бы ей позавчерашней газеткой, и в конце концов – они слились так, что любая энциклопедия не вместила бы дополнительных статей.

Следующими после слизняков были рыси и трясогузки. Из насекомых – сверчки.

6. В то время Анне десять-двенадцать. Как-то они купались в нескольких потоках за один короткий сентябрьский солнечный день, Кэвэлэвом сошли до самой Тиссы. Решили не возвращаться в горы, пока не стемнеет. Знали, что реки больше не будет в этом году, а идти в сплошной темноте было даже легче – подошвы сами считывали дорогу.

Себастьян смотрел на Анну, которая прыгала в реку и вылезала на камни. Таких женщин он еще не видел. И не знал, увидит ли – Анна быстро подрастала, в ней уже угадывался намек на его первую Анну. Он думал, что виноват, потому что не запоминает этой красоты. Не может припомнить прошлогоднюю Анну, трехлетнюю. В сознании всегда двигалась сегодняшняя.

Я не должен этого помнить, сказал себе Себастьян. Запоминание детства – это дело ребенка. А я хочу лишь одного – дожить так, чтобы не было даже потребности вспоминать ее вчерашнюю, чтобы она была ежедневно сегодняшней. Я хочу жить только с нею. Я отец и взрослый человек, я знаю, что говорю про свою девочку. Не должен запоминать – в конце концов, и ей надо будет что-то рассказывать, когда станет женщиной.

(Анна лежала в водоворотах меж камнями).

Все же попробовал что-то запомнить. Она – как тонкое разветвление ветки, выбеленной, выгнутой и высушенной речной водою. Высушенная рекой.

Ему пришлось погрузить лицо в Черную Тиссу.

7. Ночью, когда проходили Джорджеву полонину и не различали черт друг друга, Анна остановила его за руку и сказала, что ей придумался стишок. Он, наверное, очень неуклюжий, но:

как банно³⁸ анна
ой как банно
ибо анно домини сто сотый
не хочу лишь твоего роста
точно будто глиняная миска
боится разрастанья
гибчайшей сосны

³⁸ Банно – грустно.

что разнесет ее усилья
в этих местах кажется
выпускает ветер слишком много
меленького песка
из таких сложных холмов вблизи
что пекуче заплаканы очи
когда прикоснешься щекою
к ладони
которую прижимаю
поднятый пух твоей кожи
не знаю бая
на тот песок
так банно
девочка
в черном берете
в тяжелых ботинках
с травинкой
в широком рту

Она подарила стишок папе Себастьяну.

8. Все эти годы они проработали в баре, который вправду очень скоро стал самым модным в Центральной Европе.

Себастьян, как в свое время Франциск Себастьяну, предложил попробовать пожить в Яливце колумнистам нескольких больших газет (все равно, – писал он в почтовых открытках, – в газетах никогда не появляется чего-нибудь действительно важного, только то, что причиняет большинство теперешних бед – избыток информации, которую невозможно пересказать... понятно, что существует определенная конвенция, которая запрещает философам разглядывать и описывать определенные вещи...), чтобы вместе попить джина и поговорить так, как следует говорить в Центральной Европе – проясняя общие места и общих людей, выявляя таким образом несколько параллельных паутин, в которых все себя находят.

Яливец стал раем для писателей, журналистов, эссеистов, публицистов и репортеров.

Приезжали на джин, приезжали на Себастьяна. Одних он выслушивал, другим рассказывал. Старался, чтобы не было историй, отстоявших друг от друга дальше, чем на четыре хода.

9. И каждый день они с маленькой Анной работали день и ночь, преимущественно вместе, иногда – по очереди отсыпаясь. Дитя выросло в баре, ополаскивая стаканы, протирая столы и пол. Нарезая цветы во все вазы. Порой говорили, но как-то по-другому. Теперь речь шла лишь о том, что подумалось про только что увиденное.

10. Анне нравилось фотографироваться, фотографировать ее нравилось даже тем, кто никогда не фотографировал. Не любил этого только Себастьян. Поэтому сохранилось только три снимка, сделанные и подаренные, очевидно,

посетителями. На одном из них Анне около десяти лет. Этот снимок самый интересный.

Себастьянова фигура как-то размыта. Не удивительно, потому что он в это время крутился вокруг своей оси. В обеих руках – ножи. Видно, что один он уже начал бросать – как раз выпускает из руки. Анна держится ногами за его талию, спина касается Себастьяновых колен, а волосы – пола. В поднятых руках бутылка джина и рюмка. Улыбка искривлена приливом крови к лицу и центробежной (центростремительной) силой (В таких случаях открытый рот закрыть очень трудно).

У них был такой трюк для клиентов. Выходили на середину бара и без музыки танцевали сложное танго. В конце Анна запрыгивала на Себастьяна, они кружились, Себастьян бросал ножи в цель (метание ножей в цель было излюбленным развлечением в баре), а Анна хватала со стола бутылку и рюмку, наливала джин и ставила рюмку на стол так, что она подъезжала прямо к кому-нибудь. Не проливалось ни единой капли.

11. После смерти Анны Себастьян пытался собрать хоть часть ее фотографий. Он вспоминал посетителей, которые могли фотографировать Анну, добывал их адреса, посылал письма с единственной просьбой. Но из этого почему-то ничего не вышло. Отдавать такие фотографии не хотели даже те, кто мог понять муки Себастьяна.

Тридцать лет семьи С.

1. В 1921 году, когда Себастьян сам пришел к Непростым, он выбрал удивительную форму свободы – постоянно рассказывать Непростым о жизни своей семьи. Регулярными отчетами сделать слежку невозможной. Таким способом превращая себя и свою семью в такую себе опытную плантацию Непростых.

Жить так, – говорил Франц, – чтобы не иметь тайн.

Непростых это вполне устраивало, и они перестали вмешиваться в их жизнь – убедились, что Себастьян экспериментирует с собственной жизнью гораздо изобретательнее и безжалостнее, чем придумал бы любой из них.

2. Свои наблюдения Себастьян отсылал Непростым на обычных почтовых открытках.

Их тайнопись можно было назвать непрозой.

Послания не укладывались в нормальные фразы, а содержали укороченную запись определенного определения, которым он давал название чему-то пережитому – делам, впечатлениям, дням, людям, историям, чувствам, идеям, целым микропериодам. Непростые расшифровывали непрозу, умея представлять себе даже больше (правда, иногда совсем иное), нежели знал Себастьян.

Открытки он складывал под камнем возле выезда из Яливца. Старый Бэда, время от времени приезжая на своем броневике, забирал их и уже сам адресовал Непростым – он всегда знал, где они бродят, и почта ждала их в местах ночлега.

3. Так продолжалось почти тридцать лет. За все это время Непростые лишь несколько раз приходили в Яливец. Тогда они дольше говорили с Себастьяном и сами забирали неотправленные открытки.

Хронология их не интересовала, а для Себастьяна ее вообще никогда не существовало.

4. Он ничего не писал только один период – в 1934 году, когда родилась третья Анна – его дочь и внучка – и умерла Анна, дочь и жена.

5. В 1938 году, когда восстала Карпатская Украина, Непростые сделали так, как придумал Себастьян – купили большой автобус, переоборудовали его в бар, и Себастьян с маленькой Анной поехал на нем в сторону столицы – в Хуст. За это время он составил для правительства Августина Волошина несколько десятков страниц описаний горных территорий, а во время часовой встречи с начальником штаба Карпатской Сечи полковником Колодзинским предложил сложную схему защиты края двумя сотнями правильно размещенных снайперов, лично выбрав каждую обозначенную позицию.

С этим баром Себастьян продолжал ездить, словно бродячий цирк, и после оккупации Карпатской Украины – аж до самого 1944 года, когда вместо мадьяр пришли русские. С этими уже не поваленсаешься.

Себастьяну едва удалось приписаться в Дойче Мокрой, за Кёнингсфельдом, поселившись в доме вывезенного мадьярами тирольца (автобус-бар он оставил при дороге в Краснишоре и слышал, что целое отделение советских разведчиков пило в нем несколько дней, а потом все потонули в Тэрэсве, как только завели автобус и сдвинулись с места).

6. Себастьян с Анной жили в Мокрой наипримитивнейшей жизнью. Ели кулешу три раза в день, Анну звали прививать яблони (такая у нее была хорошая рука), Себастьян заговаривал людям страхи. А по ночам вел сложную радиоигру, имитируя в эфире деятельность нескольких радиостанций несуществующей партизанской группы «Земледухи».

7. В 1949 году Анна отравилась ржаными рожками и начала видеть Средневековье.

Непростые сказали, что должна быть с ними, как только станет женщиной. Собственно, поэтому Себастьян не отвел Анну к родовым местам, когда ей исполнилось пятнадцать лет.

В Яливец они отправились лишь поздней осенью 1951 года.

Непростых энкаведисты сожгли весной.

А женщиной Анна стала в июне.

Они пролюбились с Себастьяном все лето и осень беспробудно.

Непроза

1. не говорить ж. одинаково.

(ж. – женщинам – Анна еще маленькая, и он придумывает ей нежные названия – замечает, что девочка становится неприязненной, когда он обращается к ней теми словами, какими называл когда-то ее маму – даже очень удачно – в рассказах, которые рассказывал когда-то своей Анне, должен менять хотя бы несколько слов, чтобы они понравились дочке – даже если речь идет о простых историях из Брэма – а самое главное, что нельзя говорить то же самое о любви – не только одинаковых слов и фраз, а и повторяться в описании ощущений – Себастьян вырабатывает целый эротический лексикон, занимаясь любовью с тремя поколениями своих женщин)

2. тату на ладони

(Себастьян забавляет маленькую Анну, рисуя на ладонях котиков, рыбок, елочки, зайчиков и птичек – Анна часами разглядывает, как меняется рисуночек, по-разному двигая ладошкой – как-то в баре выступает дрессировщик лягушек – его лягушки малюсенькие, как ежевики, и разноцветные – больше всего, однако, белых – дрессировщик татуирован – огромный разноцветный ирис между лопатками, длинный стебель обвивает все тело – Анна хочет татуировку и себе – они долго выбирают, разглядывая определитель растений Карпат – Анна вспоминает рисуночки из детства – но просит выколоть хотя бы такую лягушку, как у циркача – ладонь – достаточно болезненное место, но Анна терпеливая – татуируя Анну, Себастьян думает о линиях судьбы – но есть вещи, более важные, чем она – тату на ладони мало кто может увидеть – теперь Анна здорова, поднимая руку – они любят, Анна смотрит на ладонь и складывается, как лягушка – после этого выпускает из себя воздух, который в этом случае входит вместе с Себастьяном – через несколько часов после смерти Анны лягушка утрачивает цвет и становится белой)

3. страх – наибольшее искушение

(Себастьян Анне – есть ты, мир есть с тобой вместе – и только страх отрывает от тебя части и делает иной мир возле тебя без тебя – бояться хочется)

4. выжимать апельсин в рот

лимон высыхает белым

(один из придуманных ими барных приемов – апельсин режется напополам, и наливается рюмка джина – клиент выпивает джин и сразу запрокидывает голову назад, открыв рот – бармен выжимает сок апельсина не в стакан, а непосредственно в рот)

(Анна очень устала – Себастьян выжимает лимонный сок ей на кожу под локтями, над ключицами, на животе, меж сухожилий на кисти, под гортанью – сок впитывается и тонизирует – ручейки вытекают из лимонных озерц и высыхают, оставляя густой белый след – так же точно белеют пальцы, если чистить много лимонов)

5. б.б.; совсем иная своя

(б.б. – без биографии – в Яливце все знают друг друга – все биографии известны – в свободные дни Себастьян с Анной ездят на курорты в долине Прута – где много чужих, где их никто не знает – в Татарив, Дору, Дэлятын и Луги, Мыкулычин, Ямну – останавливаются в случайных пансионатах на несколько часов – только чтобы заняться любовью – рассказывают в поездах и отелях о себе выдуманные истории – ведут себя каждый раз по-другому – соответственно выбранной роли – Себастьяну тогда порой кажется, что с этой женщиной он только что познакомился – то же самое и с жилищами – часто после ночной работы идут на целый день в пустые жилища приятелей – пробуют себя среди чужих вещей, в чужих привычках, разглядывают альбомы с чужими снимками – или с языками – приходят в пастушьи стоянки на полонинах – говорят не по-гуцульски – просят молока, жентицы³⁹, гуслянки⁴⁰, вурды⁴¹, будза⁴² – слушают, как гуцулы пытаются их понять, что говорят меж собой о них)

6. семнадцать камней вперед

(еще давно – когда Себастьян вышколивал дочь по-военному – такое упражнение – перейти речку по камням, не останавливаясь ни на миг, становясь и прыгая с камня на камень – посмотрев с берега на путь лишь три секунды, попробовали снова, когда вторая Анна была беременна – она увидела и рассчитала семнадцать шагов наперед)

7. понимание – дело того, кто должен понимать

(это фрагмент многолетней дискуссии между Себастьяном и Непростыми – они считают, что проблему понимания должен решать тот, кто дает понимать – Себастьян – наоборот – ибо речь идет про априорную невозможность идентичного понимания – своей точки зрения он придерживается и на практике – всегда рассказывает так, как хочет, хотя, правда, исчерпывающе отвечая на возникающие вопросы – говорит, что предпочитает риторику сберегательную, а не надмирную – значений больше, чем слов, а не наоборот)

8. эпос семейных мест

(Себастьян вслед за Франциском считает, что основой каждого частного эпоса является перечень представлений о местах, в которых совершалась семейная история – такая себе семейная география растений – в случае последней Анны

³⁹ Жентица – сыворотка из овечьего молока.

⁴⁰ Гусянка – простокваша из пареного молока.

⁴¹ Вурда – вареный невыдержанный сыр.

⁴² Будз – свежий овечий сыр.

главными узлами эпоса должны быть Мокрая, Яливец, Черногора, Станислав, Прага, Африка, Львов, Триест, Боржава, Шариш, Болэхов, Пэтрос, Черная Тисса)

9. ребенок-убийца

(весна 1944 – последняя весна автобуса-бара – колонны грузовиков на горных дорогах – некоторые машины стоят неделями – беспомощность командования – единственный мотив – на Запад – солдаты живут в кузовах, днем ждут возможного отъезда, ночью бродят околицами – несколько венгерских капралов пьют целую ночь в баре – Себастьян узнает среди них двух румынских опрышков, которые тридцать лет назад отрезали голову Францу – он показывает их украдкой Анне как фрагмент приватного эпоса – неизвестно, могли ли опрышки-капралы припомнить Себастьяна, но никто никому не говорит ни единого слова – утром мадьяры идут спать в грузовик, а Себастьян с Анной переезжают немного вперед – Анна просит, чтобы он очень детально рассказал, как все произошло с дедушкой Францем – днем бар закрыт, Себастьян укладывает дитя спать и засыпает сам – просыпается от ощущения, что кто-то двигает его пистолет за поясом – трогает, пистолет на месте, а Анна сидит рядом и смотрит на тучи – такие прозрачные, даже видно, что внутри: мельчайшие шарики влаги, словно икринки на водорослях, колышутся на узких полосках густых потоков пара, все такого цвета, как подсвеченный кремень – через несколько дней кто-то рассказывает, что два мадьяра, сами-то, правда, румыны, застрелились среди бела дня прямо в машине, где спали капралы – Себастьян замечает, что в пистолете недостает двух патронов, Анна моет стаканы – чтобы убить убийц, думает Себастьян, ей нужно было одной возвращаться десять километров)

10. диффузия, впитывать друг друга, впитываться друг другом.

(Себастьяну открывается теория возвратного всасывания – он экспериментирует с корнями – переносит выводы на людей – доказывает, что мужчина в женщине не только испускает жидкость, которая всасывается женщиной, но и сам впитывает немного женской влаги – по законам пустых капилляров и соединенных сосудов – Себастьян верит, что таким образом происходит всемирное перемешивание субстанций, которое кажется ему ужасно важным – в каждом случае сам он стремится принять максимум такого экстракта)

11. коньяк с луковым супом; сок из лозы винограда; портер с диким медом; джин с красными мурашками;

(один араб еще в Африке говорит Себастьяну – прежде всего научи своих сыновей готовить еду, они будут мудрыми и радостными – у Себастьяна нет сыновей, но есть дочка Анна – он учит ее творить разные блюда: рассказывает, что их нужно не бояться придумывать, как самые лучшие приключения для себя – готовить поесть для кого-то всегда осмысленно, как воспитывать ребенка или заботиться о растении – занятие, которое возвращает к непосредственности зверей и птиц, когда вопрос, что и для чего делать, еще не возникает – интерес, который можно дарить – противостояние разных стихий и сущностей, которые можно научить жить вместе – начало всех вкусов в растениях – потому что им нет конца, нет конца творению еды – Анна начала с бара – варила портер вместе с сотами

диких пчел – подавала горячий луковый суп сразу после коньяка, и снова запивать коньяком по ошпаренному небу – кидала в стакан джина несколько десятков крылатых красных муравьев (веря, что убивать в еде не грех), которые добавляли спирту жгучести своей кислотой – голодной весной обрезала виноград на заросших балконах и собирала сок лозы, потом разбавляя им яливицовку в пропорции один к половине – и так во всем)

12. дождевой пансионат

(во время одного из выездов в долину Прута Себастьян с Анной останавливаются в маленькой вилле в закопанском стиле – пока они любят, начинается дождь – когда такие дожди начинаются, то длятся в Карпатах целыми летними неделями – почему я тебя сегодня так много хочу – спрашивает Анна – когда она что-то спрашивает Себастьяна, то всегда делает это по привычке по-детски – как дочь, а не жена – Себастьян тоже забывает, что Анна не дитя – отвечает просто, правдиво, старательно, образно и мудро – чтобы это было понятно всю жизнь – человеку крайне необходимо трение и давление человеческих плоскостей – количество этого является наперед заданным, как количество ударов сердца – а мы так долго не – Анна подставляет разные участки тела – тело – врата души – врата открыты – душа обмирает от прикосновений – следить за сменой силы тумана за открытым окном – иначе можно не вернуться из полета – они выходят из пансионата – выходят из леса – неожиданно заканчивается дождь – идут полониной – Анна хочет еще – они любят в перегретой траве под разреженным воздухом, который плохо удерживает солнечный свет – Анне так хорошо, что меняются плоскости, так, что хочется про это завтра говорить – если есть завтра, если есть говорить, если есть плоскости – потому что она несколько раз отсутствует даже тут и теперь – Себастьян она забирает с собою – он так далеко в ней, что они думают, что его вообще не видно – птицы садятся на землю и смотрят вблизи – они смотрят без стыда на птиц и видят открытость огромной Анны, которая едва вмещается в очи – они больше не могут отдаваться солнцу, но хотят еще глубже – собираются (теперь Анна становится голой маленькой девочкой с широким ртом) туда, где может быть мокро – они бегут в лесную виллу – может, надо как-то двигаться, но дай полежать неподвижно, потому что закатываюсь вслед за очами – за окном падает дождь – я могу давать много влаги – лежат неподвижно и прижимаются – Себастьян представляет, как Анна первый раз кормит такую же девочку – Анна мечтает, как первый раз смотрит на такого же мальчика – хорошо не тебе, не мне, не нам, а миру – ты сделал меня такую)

13. история взгляда вдоль щеки

повесть губ

целое эссе в спичечном коробке

(последней Анне несколько лет – это самые тяжелые дни 1938 года – все, что Себастьян рассказывает малышке на ночь, или плохо заканчивается, или утрачивает смысл, потому что он выкидывает из рассказов недетские места – детям надо читать вслух, уверен Себастьян – дети должны рассматривать книжку, папу с книжкой, буквы, бумагу с буквами – дети должны хотеть дожидаться самим понимать книжки – ибо сказано: ибо так написано – увидеть много давнишних

голосов, чтобы лучше отличить собственный – наши Ляруссы уже давно закончились – Себастьян делает смешные книжки – разрезает почтовые открытки и обжигает фрагменты, маленькие кусочки бумаги складывает пронумерованными кучками в спичечные коробки, описывает стены, стол, кровать, двери – он сам пишет написанное – пишет разными голосами – вечерами ложится рядом с Анной и читает вслух историю взгляда вдоль щеки, повесть губ, эссе в спичечном коробке, хронику отсутствия хрониста, эпос дорожных станций, сказки птичьих кушаний, философский трактат плюща – Анна слушает разные голоса и пытается услышать свой – и вправду, что-то сдвинулось)

14. целовать часто

поцелуй сквозь свитер

(на протяжении дня Себастьян десятки раз плотно прижимается открытыми губами к одетой Анне и, сильно и долго, выдыхает весь воздух из легких – сквозь свитер идет тепло, и уже где-то на середине выдоха коже в месте такого поцелуя становится горячо – если это делать часто, то собственным теплом можно ощутимо поддерживать целованного даже в сильные холода – ощущения усиливаются магическим значением отдачи изнутри себя в тело другого чего-то, что является самой жизнью)

15. эта недоступная структура – как мозг, как орех, как сжатая ладонь, как семя

(одно время Себастьян чувствует, что у него развивается настоящий психоз – между Аннами у него нет, и он не хочет, действительно не хочет, никаких других женщин – но в какой-то из таких периодов понимает, что смысл эротики – не объект, а путь – срастание телесных ландшафтов – вхождение, прохождение, пребывание, возвращение – чудо каждого прохода – путь, который сам ведет – всеохватность однообразия – место, в котором можно встретиться со Вселенной – его психоз состоит в преувеличении через недоступность ностальгии – даже нейтральные ситуации он оценивает как такие, которые в или вне – иногда ему даже кажется, что осуществляет путешествия этим путем в полный рост – просовываясь, протискиваясь, пребывая, замирая, проваливаясь, соскальзывая, впадая – лишь потому, что путешествия воображаемые, он думает, что живет неправильно, безбожно тратя подаренную жизнь)

16. видеть Средневековье

(1949 год – в горах страшный голод – Анна ест сырые зерна ржи, зараженные рожками – видит Средневековье, в котором происходят теперешние вещи – отрубленные головы, пытки, обозы беженцев, приходы чужих, изуродованные лица, широкие пояса, уроки грамматики, бестиарии, музыканты на пирах, недостаток еды, порубленные леса, загрязненные реки, смешение языков, сухие фрукты, язвенные болезни, безумные спектакли, утраченные хроники, рукописные апокрифы, смердящая одежда, грязная посуда, поломанные руки, раздавленные ноги, растянутые сухожилия)

17. шесть

(последней Анне шесть лет – Себастьян купает ее – замечает, что четыре более темных, чем кожа, пятнышка под ребрами и на животе на самом деле – недоразвитые соски – вспоминает самую большую мечту Франциска – отважился ли тот хотя бы допустить – три пары грудей у его правнучки)

18. (Одну пачку открыток старый Бэда почему-то не забрал из-под камня. Ее нашли аж в конце пятидесятых, когда демонтировали австрийские военные дороги в карпатской субальпийской зоне. Все до одной открытки были фотографиями из знаменитой в тридцатых годах черногорской серии. У Советов еще не было никаких карпатских видов собственной печати, и эти, снятые объективом «рыбий глаз», забрали в краеведческий музей в Ворохте. Надписи карандашом на обороте трудно было понять).

ощущение дискомфорта – это следы предыдущего вкуса на слизистой, которые толкают к поиску следующего

в каждом периоде – новый слэнг; как новое бытие; языки проходят свободнее, чем периоды. Они накапливаются, занимают все больше территории, вытесняя язык каноничный – нам они больше означают. Скоро мы с А. доживем до того, что сможем разговаривать только своими фразами

лето белого вина; привыкнуть к австрийскому зеленому вину
встречался с Полковником и Ярым
все периоды проходят (вижу это уже на втором ребенке и третьей жене)
хорошо знать, что ты есть, всегда где-то есть
вера в то, что было в детстве
думать о том, как нога попадает между ног и становится потертой
она заснула возле печи с атласами растений на коленях
когда писаешь на мох, прибиваешь мотыльков, которые там сидят и притворяются развернутыми листками

теперь я уже никому не завидую, потому что видел слезы доброты ей можно было больше, чем (почему некоторым женщинам все можно, может, потому, что могут все)

землекопы едят руками
анимация на солнце, на тучах, на месяце
деформация скручивания
такая полнота бытия, что можно раствориться внутри
(Если бы можно было знать, что эти нерасшифрованные послания означали – что они означают (мои Анны не были, не будут, а есть, всегда есть, так хорошо знать, что они всегда где-то только есть). Если бы мы знали больше людских судеб, – говорил Себастьян. Часто в том главная терапия бая).

Теперь подборка открыток с Черногорою хранится в музее Карпатского национального природного парка в Ярэмчем.

Имей красивый бай (например)

1. Себастьян рассказывал только то, что могло быть, и поэтому было так, как рассказывал Себастьян.

Все годы перед тем, как начать говорить, Себастьян по-настоящему только то и делал, что смотрел и думал, как рассказывать истории.

2. Себастьян рассказывал, что можно рассказывать людям про их жизнь так, что они захотят жить вечно, ничего не изменяя. И люди действительно хотели жить вечно и ничего не меняли.

Себастьян рассказывал, что даже на допросе не расскажет всего про свою любовь, свои любви с Аннами. И действительно – на допросе Себастьян рассказал не все, потому что переборол себя и говорил совсем не так, как хотел бы, как не позволял себе рассказывать ни разу в жизни.

3. Потом он рассказывал, что ничего более странного никогда не слышал. Его забрали прямо с улицы в Кёнингсфельде.

Они уже жили в Мокрой. Себастьян шел домой, возвращался от лесорубов из-под Тэмпы. Там одного лесоруба придавила срубленная ель. Не убило сразу, но он перестал жить – лежал себе ни в тех, ни в этих. Лесоруб был нездешний – пришел откуда-то из Березова, поэтому его некуда было забрать. Закопать такого было бы грех, и ночью за Себастьяном приехали на конях без седел и уздечек. Он осмотрел придавленного и увидел, что тот забыл, как дышать. Посидел около него и рассказал нужную байку. Березун все вспомнил, встал и пригласил прийти когда-нибудь в Березов. Должен был как-то отблагодарить, но теперь рубил лес, так что решил отдать только то, что у него было – грудку овечьего сыра.

4. Себастьян задержался на делянке лесорубов немного дольше, потому что должен был что-то послушать про Березов – он там никогда не бывал, хотя знал многих березунов.

Себастьян говорил, что интереснее всего ему слушать, как кто-то рассказывает о местах, каких он не знал. Тогда просил рассказывать так, словно идешь, смотришь и говоришь о том, что видишь. Потом – так, словно едешь на ровере⁴³ или на коне (немного выше, тогда увиденное меняется неожиданно сильно), дальше – словно залез на верхушку дерева. И обязательно вынимал карту той местности и просил зарисовать словами все обозначенное.

⁴³ Ровер – велосипед.

Даже войну, лагеря и всяческие катаклизмы Себастьян воспринимал прежде всего с этой точки зрения – как много встречается людей, которые происходят и приходят из разных мест, выросли и бывают в разных местах. Гигантские сдвиги перемешивают людей, и основой речи и способа мышления становится сравнительная география.

5. Себастьян нес ком сыра Анне на ужин и завтрак. В Кёнингсфельде около дверей портного стоял, как всегда, вынесенный стол, и несколько человек играли в карты. Остальные смотрели. Себастьян еще из Африки приучился видеть дороги, которыми каждый день ходил, в сравнении со вчерашним. Вчера (и позавчера, и позапозавчера) троих из сегодняшних наблюдателей не было. Когда же он увидел, как они на него смотрят, то понял, что это – за ним.

6. Себастьян еще мог убежать – свернуть меж цветных деревянных домиков, садами выбежать на берег и поплыть среди колод Брустурианкой до Тэрэсвы, Тэрэсва вынесла бы в Тиссу, а уж Тиссой через несколько дней можно быть в Дунае и завернуть или в Вену, или в дельту – и там, и там есть без числа схронов на всю жизнь.

В конце концов, он знал, что реки лучше всего связывают целый континент, потому что все места континента соединены не более, чем через четыре реки.

7. Еще в Африке Себастьяну не раз случалось преодолевать реками огромные расстояния, днями не вылезая из воды. Он только перекаладывал из карманов в алюминиевую флягу с выцарапанным на ней своим именем и номером полка все, что могло размокнуть, и плыл в одежде по течению, толкая перед собой несколько связанных легких жердочек, на которых лежала винтовка.

Околицы, увиденные с уровня поверхности воды – когда взгляд скользит по касательной – не менее интересны, чем с птичьего полета. А рельефы дна порой даже богаче. Не говоря уже о том, что все самое интересное в жизни людей происходит на берегах, над водою рек.

Последний раз он заплывал в причудливые сети каналов с почти горячей водой и не по-земному богатой растительностью на дне, дальше – в остатки полузатоленного форта.

Почему-то именно это снилось ему чаще всего на протяжении всей жизни. Такою была его ностальгическая Африка. И еще – прозрачные бухты, и плывет много черепах.

Но теперь нельзя было никуда уплыть – Анна ждала папу.

8. В Кёнингсфельде Себастьян мог разве что стрелять – если сделать это первым, то попал бы сразу в троих, одного за другим, так что они упали бы вместе. Так он когда-то застрелил слепого убийцу и его ребенка.

9. То было время, когда вокруг Яливца болталось много вооруженных людей, переместив в горы свою охоту друг на друга. Часто случалось так, что сперва стреляли, а после переворачивали тело посмотреть – кто это. Себастьян

вынужден был держать пистолет наготове под рукою – под стойкой, там, где грейпфруты, матовая банка с циннамоном и большая бутылка с ореховкой для себя.

10. Когда в бар вошел слепой с малолетним ребенком на шее, никто даже не подумал, что они могут быть небезопасными. Себастьян варил кофе с гашишем для четырех растаманов, которые играли с Анной в слова – она называла одно и то же по-украински, по-гуцульски, по-польски, по-немецки, по-словацки, по-чешски, по-румынски, по-мадьярски, а они угадывали – что что означает.

11. Такие лингвистические игры Себастьян начал придумывать Анне, когда заметил, как легко ей даются не только образы и манеры животных, но и языки. Ее фантастический слух улавливал в языке зверей больше оттенков, чем существует слов, которыми ежедневно пользуются люди. Было время, когда Анна почти полностью перешла на нелюдскую речь, а Себастьян отвечал ей точно так же. В конце концов он спохватился – еще немного, и они разучатся между собой говорить. И понапридумывал столько забав, что теперь они говорили про лингвистику – иногда очень сложные соображения – как про какие-то бытовые вещи.

Игра в слова заканчивалась тем, что с каждым словом Анна должна была придумать красивые изречения на разных языках, а эти изречения уложить в содержательный абзац. Сюжет абзаца преимущественно формировался настроениями и механикой, способом мышления употребленных языков или был скорее артикуляционным – так, чтобы было приятно, или тяжело, или смешно, или страшно, или еще как-то выговаривать.

12. Растаманы были наемными убийцами. Но их никто не боялся, потому что это было известно. Первые в Яливце наемные убийцы после Штефана. Растаманы приехали из Будапешта и, выполняя заказ сегедской⁴⁴ Нанашки⁴⁵, разыскивали и уничтожали в горах всех коммерсантов – евреев, чехов, украинцев из «Маслосоюза», которые пробовали организовать закупку и экспорт сырных коньков.

Забредя в Яливец, растаманы зашли в «Что да, то да» и засели тут на несколько месяцев, частично латиноамериканизируя карпатский городок – они занесли в Яливец матэ, цветные мужские рубашки навывпуск, пение самбы, большие вязаные береты, привычку спать в гамаках, выставлять летом комнатные вазоны на лестницы, ужинать на балконах.

Они прикинули, что можно и не бегать по горам за коммерсантами, а сидеть на одном месте и ждать, пока все поприходят сами.

13. Себастьяну больше всего нравилось, как они умели целые дни проживать на берегу реки – лежали, купались, смотрели на воду и облака, курили, спали, ничего не говорили, ели по ниточке коньков из сыра, рисовали себе что-то камешком на камешке, вставляли на руки. Или просто пили джин. Как настоящие хищники, набирались солнца и бережно двигались. Порой брали с собой Анну.

⁴⁴ Сегед – город в Венгрии.

⁴⁵ Нанашка – крестная мать; здесь – атаманша сегедской мафии.

Девочке с ними не было скучно.

14. Себастьян почему-то совсем не волновался, когда Анна шла с растаманами. Хотя обычно он старался уберечь дочь от всех клиентов бара, которые обращали на нее внимание. Особенно позднее, когда вторая стала подростком, и он лично знал нескольких почтенных людей, приехавших в Яливец, чтобы посидеть в баре и посмотреть на руки или губы Анны.

15. Один из них был анонимным скульптором.

Восхищенный пластикой средневековых скульптурных групп, примитивных народных фигурок и древних африканских статуэток, он вырезал копии деревянных скульптур и продавал подделки коллекционерам, искренне веря, что выполняет определенную миссию, что соответствующее количество таких фигур сможет изменить мир к лучшему. В гуцульских селах его не любили, потому что он за большие деньги пытался выкупить все фигуры из церквей и с кладбищ. Отказывая ему, община боялась, что он когда-нибудь вернется и либо что-нибудь украдет, либо подожжет все в гневе.

Отчасти были правы. В Праге скульптор недавно попал под суд и был приговорен к немалому штрафу за умышленный поджог нескольких лавочек с бумажными цветами. Так он отстаивал настоящую красоту.

Себастьян его вполне понимал.

Скульптор приезжал уже несколько раз, с тех пор как впервые увидел Анну. Он сидел в баре, пил вино с водой и зарисовывал каждое движение Анны. Хотел издать свой собственный справочник по анатомии для художников, не похожий на все современные представления о строении тела.

Говорил, что Анна – безукоризненная модель для средневековых Савских, сельских надгробных пьет (Мария, Мария Магдалина, Мария – мать Иакова и Осии, и Саломея) и нагих негритянских королевен (но из Центральной Африки – тонких, высоких, с удлинёнными головами и самых гибких) одновременно. На вид, на изгиб, на твердость.

16. В то время у Анны было какое-то удивительное чувство верности и преданности и редкостное умение устанавливать свою собственную дистанцию, которую только она имела право регулировать. С ней было легко подружиться, но соблазнить – невозможно.

Так что в действительности Себастьян даже не намекал ей остерегаться ни скульптора, ни растаманов.

17. Между прочим, только после того, как Себастьян сам несколько раз ходил после ночной работы на реку с растаманами, он до конца осознал, как содержательно и сладостно можно бездельничать.

18. Еще одно развлечение растаманов, которое тоже страшно понравилось Себастьяну, очень скоро захватило весь город.

Проходя по яливецкому Рынку, растаманы набирали полные карманы каштанов, которых падали с деревьев целые кучи. А на протяжении дня они делали

с ними разные приятные и сложные вещи – забрасывали на крыши (и каштаны катились по крыше вниз, падая на брусчатку, как с трамплина), попадали каштанами в водосточные трубы, жонглировали ими, перекачивали по столу, стараясь пускать каштан между бутылками друг другу, подбрасывали их аж до птиц и перебрасывались ими, держали по несколько в руке и пускали плыть по каналам, клали их на дно стаканов перед тем, как наливать джин, дарили знакомым и незнакомым, оставляли после себя на берегу реки, в баре, на городских скамейках и качелях, на бильярдном столе.

19. Свою первую неделю в Яливце растаманы на столе и обитали. Как-то так случилось, что во всем городе им не нашлось ни одной свободной комнаты. Ютиться где-то по углам они не хотели.

Растаманы заплатили Себастьяну за час бильярда, даже не брали киев и шаров, а снимали ботинки и легли на стол отдохнуть. Один спросил – можно ли так делать. Себастьян решил, что можно, потому что выполняются оба требования по поводу бильярда в баре – за него заплачено и никто ничего не ломает. После первого часа растаманы заплатили еще за два, потом за сутки и наконец – за неделю вперед.

20. Был как раз сезон травы, когда они появились, и травы было море. Растаманы косяк за косяком курили сами и раздавали всем гостям. Некоторые курортники уже стали растафарианцами, а журналисты часами слушали рассказы про Ямайку. В баре было так задымлено, что каждый, кто не курил, хочешь не хочешь вынужден был дышать сожженной коноплей, подсаживаясь на минутную другую.

21. Когда Себастьян стирал их с Анной рабочую одежду, то вода становилась не грязной, а желтой – от вымытых из ниток осадков каннабинола.

22. Маленькая Анна тоже была постоянно обкуренной.
(Себастьян вспомнил это в 1947 году, когда с отрядом Чугайстра остановился на ночь в хате возле Гуты. После ужина тридцать партизан закурили донник, а среди ночи оказалось, что от дыма умер младенец, спавший в той хате за занавесом.)

Сначала она слегка испугалась – ей было так хорошо, даже казалось, что так останется навсегда.

23. Со временем Анна курила часто, но только в присутствии отца – тот не хотел, чтобы их конопляный опыт слишком различался.

Однажды, покурив гашиша, она почувствовала, как Бог показал меж туч палец, подняла свой к небу, и так они несколько минут помолчали в бесконечности, касаясь подушечками пальцев.

Однако через какое-то время времена переменились, и время гашиша отошло.

Интересно, но гораздо позже, когда она выросла и Себастьян рассказывал, что он чувствует, занимаясь с нею любовью, Анне всегда вспоминались ее конопляные восприятия всего мира.

24. Тогда, когда в бар вошел слепой с ребенком, она не курила, лишь играла с растаманами в слова и наигрывала на дрымбе рэггей.

Слепой был одет в обычный европейский костюм – лишь Себастьян автоматически отметил несколько причудливых цветных заплаток в разных местах пиджака – а на шее сидело дитя нескольких лет от роду в запятанном свитере. У слепого не было глаз, а про ребенка невозможно было сказать – мальчик это или девочка. Они двигались к барной стойке, дитя руками как-то управляло мужчиной. Трижды оно вынуждено было сильно наклониться к голове слепого, пока дошли до стойки. Нагибалось, уклоняясь от спинок кресел, прикрученных ножками к потолку – Себастьян сделал так, что вся меблировка бара, как в зеркале, повторялась на потолке.

25. Еще не так давно было иначе – весь потолок был нашпигован разными ножами – лезвиями вниз, которые давали дивные отблески, тени, лезвийный лес творил неповторимую акустику и добавлял приятное беспокойство. Ножи Себастьян снял после того, как несколько бойков, которые крали коней на закарпатских полонинах и отводили на Галичину, напились, поссорились, ухватили одного своего коллегу за руки и ноги, размахнулись и подкинули к потолку.

26. Слепой оперся руками о стойку и заказал крепкий чай с ванилью, спиртом и несколькими любыми красными ягодами. Дитя оглядывало зал. Себастьян отмерял спирт, когда забеспокоился. Глядя на руки мужчины и какое-то неуловимое движение малютки, он почему-то припомнил одну их с Анной забаву.

27. В нее они начали играть после того, как придумали себе новую стратегию – больше театральности в поведении (тогда они позволяли себе такую мимику, которая порой превосходила мимику паяцев).

Он становился к стойке; руки закладывал за спину и так сильно сводил вместе лопатки, что спереди было видно только плечи; Анна становилась сзади, ее совсем не было видно, и выставляла свои руки вперед из-за Себастьяна; выглядело, словно у большого мужчины – маленькие детские руки, так удачно они синхронизировали манипуляции и жесты Анны с мимикой и интонациями Себастьяна. Игра называлась «Два бармена – две руки». Именно эта аллюзия – двое, но две руки, так насторожила Себастьяна. Руки мужчины по-прежнему лежали на стойке.

28. Себастьян отвернулся и сделал пару шагов к буфету, чтобы взять из полумиски вишни. Попутно даже успел пригубить чай (он всегда пробовал готовые сложные напитки перед тем, как подать стакан клиенту), и ему понравилось. Вдруг его обожгло то же ощущение, что возникало всегда, когда кто-то неожиданно быстро и тихо подбежал сзади. Он страшно этого не любил и был в такие моменты особенно небезопасным.

Себастьян выпустил из рук чай, развернулся, схватил пистолет (рука ребенка была под свитером) и дважды выстрелил. Так быстро, что ребенок не сбросило с шеи, а они упали вместе – как стояли, лишь перевернули несколько корзинок с яблоками-паперивками⁴⁶ и разными сухими фруктами, украшавшими бар. Себастьян перепрыгнул через стойку и наклонился к ребенку, вытаскивая его руку из-под свитера – только теперь он рассмотрел, что пятна были сделаны качественными красками и складывались в интересную абстрактную композицию). Маленькая рука сжимала рукоять большого пистолета.

29. С того времени все, что делали растаманы, посвящалось Себастьяну. Они пили только за его здоровье, играли с Анной, научили ее долго лежать на дне реки, глядя вверх сквозь воду (кто-то даже сделал такой снимок; когда Анна умерла и Себастьян искал ее фотографии, то пожалел, что растаманы не фотографировали Анну – они бы обязательно прислали все, что имели), от каждого косяка оставляли несколько затяжек.

30. Благодарная сегедская Нанашка передала Себастьяну целый зверинец, сделанный из сыра. Коня, барана, оленя, козла, вола, тура и единорога в натуральную величину привезли розовощекие и блестящие, но несколько мешковатые ширококостные крепыши, которые служили у Нанашки гайдуками, сердюками, бандитами, катами и должны были ежедневно пробовать все сыры и брынзы на городских базарах.

Специально для Анны Нанашка добавила кораллы из задубелого сыра и несколько эскизов Франциска, на которых было видно, как он пытался постигнуть символику сырных коньков.

31. Когда же начали пропадать лыжники, и присланная полицейская комиссия заинтересовалась Себастьяном (слишком часто исчезнувших лыжников в последний видели как раз в «Что да, то да»), то растаманы сами выследили банду разбойников, которые сбрасывали лыжников в пропасть, а их дорогие лыжи, ботинки, часы и фотоаппараты перепродавали в туристических поездах на станциях с польской стороны.

32. В тот день растаманы устроили в баре забаву только для Себастьяна, Анны и нескольких их друзей, наняв весь бар на целый вечер.

Один из них выполнял обязанности бармена, другой готовил пышный ужин, добавив в каждое блюдо другого гашиша (засахаренные цветы конопли и соленые семена были на десерт (так Себастьян научился кормиться семенами, неважно – конопляными или нет, он просто собирал семена разных растений, носил их в карманах пояса и подкармливался ими в голодные дни)). Двое других руководили нанятой гуцульской капеллой, которая должна была играть рэггей (когда-нибудь я тебя под эту музыку возьму, – подумала Анна про отца).

В конце растаманы захотели поменяться с Себастьяном серьгами. Поскольку у Себастьяна не было серег, то – хотя бы с Анной. Для этого пришлось проколоть Анне еще две дырочки стрелой от арбалета (растаманы в своей работе

⁴⁶ Паперивка – сорт ранних яблок.

не признавали огнестрельного оружия), а каждую сережку Анны поделить между двумя растаманами.

33. Почему-то все забыли, что стрела смазана веществом, которое не дает сворачиваться крови. Мочки кровоточили и кровоточили. Не помогали ни зелья, ни баи. Анна даже потеряла сознание от потери крови (было так, рассказывала она потом, что вдруг начали мерцать и меняться цвета, только цвета всех предметов – не выходя за свои пределы на самих предметах, а слабость была приятнее любой силы), пока действие вещества не прошло. Себастьян заинтересовался этим препаратом, и растаманы подарили ему целую бутылку такой жидкости.

34. Себастьян передал жидкость Непростым для анализа. Они же использовали его, возможно, иначе.

В Ворохте бывал один варшавский этнограф, который уже почти разгадал тайну Непростых и планировал написать статью о том, как неграмотные гуцульские псевдочародеи-хитрецы манипулируют Европой и миром с помощью сюжетов. Как раз тогда он и умер в самом роскошном гостиничном ресторане Ворохты, куда когда-то еще молодой Франциск ходил после ночей рисования пить утренний кофе с яичным ликером (тот ликер в действительности был спиртовым гоголь-моголем, но яйца для него можно было выбирать самому: они лежали в большой кассете – разных размеров и расцветок, крапчатые, однотонные, почти прозрачные – собранные в куцах жерепа яйца всех видов горных птиц), который иногда заканчивался поздним ужином из грибного супа, печеной кукурузы с пастой из пстругов⁴⁷, бобами в терновом соусе, замороженным филе медянки с тертой брусникой и калгановки, двух-трех кварт калгановки.

35. Этнограф обедал в обществе начальника вокзала, латинского священника, директора тартака⁴⁸ и санаторного врача. Вдруг начал потеть. Очень скоро вместо пота на коже выступили капли крови. Кровью заслезились глаза. Он вытирался рукой и только размазывал аккуратные красные пятнышки. Кровь сочилась неостановимо. На безукоризненно белой одежде появились красные пятна, которые быстро увеличивались, стремились друг к другу и сливались в сплошное мокрое красное. Никто не знал, чем помочь. На теле не было ни одной раны, а кровь текла изо всех пор.

36. Когда забава с растаманами почти заканчивалась, Себастьян подумал про бесчисленное количество чудесных мелочей, вещей, музыки, способов, специй, вин и фильмов, которые – понимаешь это очень четко – никогда не будут в твоей жизни, которая вмещается в границы между холодом и жарой, чем-то нормальным.

37. Растаманы подарили им очень красивый экземпляр индийской конопля в каменном горшочке и еще долго рассказывали, какой радостной была бы жизнь Анны, если бы от этого растения начать маленькую плантацию на безлюдных и

⁴⁷ Пструг – форель.

⁴⁸ Тартак – лесопилка.

максимально освещенных склонах и полонинах. Ибо всякое растение сажают прежде всего затем, чтобы получить радость от посадки растения.

На следующее утро Себастьян вспомнил, что надо не забыть спросить растаманов, как же все-таки ухаживать за этой коноплей, но выяснилось, что они, наконец, ушли из Яливца.

38. Слепой убийца еще раз пригодился в 1938 году.

Себастьян не знал, как пронести на карпатскую Украину два пистолета. Долго думал, пока не вспомнил про ребенка слепого. Взял четырехлетнюю Анну (уже не ту, кто была в баре) на шею, пистолеты запрятал на ней и пошел через посты. Боялся только, чтобы малышка – в приступе детского желания перестрелять всех – не вытащила оружие из тайника.

39. Себастьян почему-то очень верил в победу Карпатской Украины, ибо сюжет казался очень удачным.

Ему надо было, чтобы украинское дело начиналось именно в Центральной Европе. Хотя известно, как представитель полевой разведки штаба Карпатской Сечи, ездивший тогда в автобусе-баре по Транскарпатии, чистый националист, докладывал командующему Климбушу, что убежден: Себастьян руководствуется скорее идеей ландшафтов, чем идеей нации.

Возможно, и так, потому что Себастьян слегка остыл, когда познакомился с планами правительства по лесной политике и увидел, как граждане используют автономию прежде всего для уничтожения леса, воды и камня.

В конце концов, вопрос леса и древесины всегда был в этих краях определяющим.

40. Невзирая на несомненное разочарование (все же его основным свойством была созерцательность – видеть все и знать, что видишь, – которая приводит не к безразличию, но к согласию со всем, что происходит), Себастьян спешил закончить обозначение всех снайперских позиций для превращения гор в огромную крепость.

41. На одной из таких позиций – неправдоподобной металлической конструкции, чем-то похожей на Эйфелеву башню, с деревянными дырявыми кладками на высоте, поломанными лестницами и узкими люками между разными уровнями – Себастьян нашел бутылку сливовицы, которую тут же и выпил. И лишь выпив, понял по едва заметным следам, что перед ним тут останавливалась венгерско-польская диверсионная группа, каких тогда было много по всей Карпатской Украине. Паленка оказалась отравленной (сознание Себастьяна еще не было готово к такому коварству).

Становилось все хуже. То есть Себастьяну было хорошо, он любил горячку, но силы его соков куда-то исчезли, легкие едва успевали набирать и выпускать воздух, который ничего не давал. Почему-то руки стали, словно обожженные, и страшно болели бы, если бы не горячка. Нужно было немедленно менять всю воду в теле.

42. Он побрел выше в горы – не хотел прийти умирать перед дочерью. И не хотел в больницу.

Еще давным-давно постановил себе – если с ним что случится, то не будет звать лекарей и лежать беспомощно дома, а, как зверь, что прячет свою смерть, подастся в горы. Они же либо выходят его, либо тихо поглотят.

43. В больнице он уже однажды был. Еще давно, зимой, только начали любиться со второй Анной, еще в Яливце.

Он подцепил странную заразу, доев абрикос после одного гостя, кавалерийского офицера из Иностранного легиона – невероятно глупая случайность.

Его тогда арестовали, чтобы не распространять болезнь, и завезли в закрытый горный госпиталь в соляных пещерах. Огромные подземные белые залы без дверей переходили один в другой короткими и немного более низкими, но такими же широкими коридорами. В каждом зале прямо на кучах соли лежали больные, обмотанные неведомой листвой. Лечение состояло в периодических натираниях очень густым рассолом. Стоны боли умножались (казалось, что отдельных голосов больше, чем в действительности) и бродили по подземельям, которые не имели конца.

Этот госпиталь был одной из новаций чехословацкого министерства здоровья в искоренении карпатского сифилиса и уничтожении других болезней. Больных держали в тюремной изоляции столько, сколько они могли жить.

44. Себастьян уже не мог себе представить, как выглядит зима на земле, а соляной сталактит около него почти дотянулся до сталагмита, когда однажды в зале появилась Анна.

Это могло означать только одно – ее тоже арестовали, но означало другое. Верная Анна, не сумев прорваться к папе (преимущественно любые запреты не касались ее, и охрана сама поясняла, как идти дальше запрещенными путями), додумалась наняться в госпиталь санитаркой – охотников работать тут всегда нехватало.

Ежедневно она приходила натирать его рассолом (ты мой самый лучший крем, говорил Себастьян; это ты – мой, и знаешь почему), а еженощно – любиться. (Я хочу иметь тех же микробов, что и ты – возражала Анна. В конце концов, это даже хорошо, потому что вторично уже не заболеем). Слава Богу, она вообще не заболела. Вскоре выпустили Себастьяна, и они вернулись домой вместе.

Зима еще не кончилась.

Себастьян так и не решился сказать Анне, что иммунитета от этой болезни не бывает. Но, кажется, она страшна только тем, кто когда-то был в Африке.

45. В Африке молодой Себастьян едва не умер от той же самой болезни.

Но тогда было еще хуже – из-за африканского климата на язвах вырастали экзотические грибы. Никто не знал – появляются ли они из занесенных спор, или это творения пораженного тела, но грибы так сильно болели, что Себастьян предпочитал срезать их вместе с участками кожи.

Тогда он тоже был на позиции. Был большой африканский город из глины. Он должен был сделать единственный выстрел и дожидался его на горячем чердаке, где можно было только лежать, и срезал ножом все больше поврежденной кожи.

Себастьян непрерывно смотрел в оптический прицел. Он видел в точности то же самое, что было изображено на самой дорогой почтовой марке этой страны – бесчисленно количество белых кубиков домов, несколько веретеноподобных шпилей, огороды и кустистые сады на городских взгорьях, красную глину улочки, кофейников на пороге синего ресторана. Его взгляд отличался от филателистического разве что присутствием мух в глазах и на обоих стеклах прицела.

С ним лежала его возлюбленная-африканка. Время от времени Себастьян обтирал ее вспотевшее тело мокрой шматой, а она ему шесть раз в день закапывала каждую рану соком алоэ.

С тех пор единственной эротической фантазией Себастьяна были любовные занятия, смоченные соком алоэ. Но в Яливце не было ни одного саженца алоэ.

46. А Анны совсем не болели.

Однажды, уже в Мокрой, последняя Анна заболела ветряной болезнью, хотя неизвестно, можно ли считать ветряную болезнью.

Анна вышла на гору в неподходящем месте и не успела уклониться от неожиданного скверного ветра. Ветер влетел ей в голову и выдул все запахи.

Себастьян знал только одно лекарство от такой болезни. Он повел Анну узкой дорогой меж двумя горами, ожидая, пока сквозняк выдует ветер. Так и случилось, но сквозняк сам задержался в Анне и размягчал голову – руками можно было менять форму черепа. Сделай мне такую, как у тебя – говорила Анна – я так люблю твою красивую голову.

Себастьян решил, что выгонять ветер ветром больше не стоит – так можно бесконечно менять ветры (конечно, можно и остановиться на том, который больше всего подходит). Но ветер можно еще выморозить.

На Йордан⁴⁹ они вместе купались в Мокрянке, держа головы как можно дольше под водой. Советский милиционер задержал Себастьяна, а голая Анна побежала через все село к дому. Милиционер хотел продержать Себастьяна хотя бы несколько суток – за изуверское отмечание религиозных праздников, но потом дал ему бутылочку арники в спирту и выгнал растирать дочку. У меня тоже есть дети, сказал милиционер.

47. Отравившись паленкой диверсантов, Себастьян не пошел к Анне, а пополз выше в горы.

Он знал источник, где мог обновить всю свою воду. Часто останавливался, чтобы подтянуть содранные ползанием повязки на обожженных руках. Еще чаще терял сознание на несколько минут. Тогда ему чудилось самое худшее, что могло быть – будто он застрял в тесной щели и не может дотянуться до Анны, балансирующей на перекинутой через пропасть лестнице.

⁴⁹ Йордан – Крещение.

До источника он дополз уже ночью. Напился, смочил руки и задремал. Через какое-то время проснулся и снова засунул руки в родник, но воды не чувствовал. Вместо того кто-то смертно закричал. Оказалось, что Себастьян мыл не себя, а обожженные руки какой-то женщины, которая тоже приползла к источнику и спала рядом во тьме (что-то подобное, но не совсем, с ним уже случалось. Они с Анной, ночуя при людях, пользовались незаметным способом – под покрывалом он проникал в Анну пальцем. Однажды спали в такой тесноте, что, проснувшись среди ночи, Себастьян вынул палец не из Анны, а из гуцулки, которая лежала слева. А Анна крепко спала, повернувшись к нему спиной, справа, – Себастьян не заметил, как они уснули, Анна отвернулась, а высвобожденный палец он невольно пристроил куда попало).

48. К марту 1939 руки зажили не до конца, но Себастьян через день посылал телеграммы в штаб Климбуша, убеждая разместить войско в приготовленной снайперской твердыне.

Его никто не послушал, и все было потеряно (почти как во Львове из-за балконов).

Карпатская Сечь вышла на открытый бой.

Это был незамеченный первый акт Второй мировой войны.

Но четыре тысячи – против сорока. Кровь залила Тиссу.

(Горстка уцелевших сечевиков отступила в Румынию, но вскоре румыны выдали всех венграм, а венгры полякам – галичан).

Себастьян понял, что на сей раз кто-то придумал более удачный сюжет, чем он.

49. Но Себастьян очень верил в силу собственного присутствия. Знал, что не может быть ничего плохого там, где он, потому что ему везде было хорошо.

Нужно по-настоящему любить места, чтобы они любили тебя.

Поэтому после разгрома на Красном Поле он взял винтовку и сам залег в выгодном месте под Трэбушей. Один хороший стрелок может изменить несколько сюжетов, особенно если этот стрелок – последний.

50. Он стоял на коленях в маленьком окопе под Трэбушей и ожидал вражье войско (хорошо сказал Франциск: самое радикальное – ждать).

Так бывает, думал Себастьян. Я хотел быть самым крутым. Франц тоже пытался быть самым крутым, и что из этого вышло – перестал делать фильмы (потому что все собирался нарисовать фильм фильмов), дал отрубить себе голову. Франц действительно мог быть крутым. Но если ты крут во всем, а в чем-то одном не крут – то уже не самый крутой. И вообще, на каждого самого крутого находится кто-то еще покруче. Так случилось с Франциском, так случилось с сегедской Нанашкой, так случилось с Климбушем. Так может случиться и с ним.

51. Когда рухнула почти столетняя власть Нанашки, в бар часто вламывались обвешанные ружьями и пороховницами бандиты нового хозяина, которые носились по горам, навоя свои порядки.

То были времена, когда Себастьяна каждую ночь удивляло какое-нибудь неслыханное безумство, хотя в прошлую ночь он был уверен, что теперь его уже ничем не удивишь.

Иногда бандиты устраивали ему неприятности, но что он мог поделаться, раз уж назвался шинкарем.

Тогда он перебирал в памяти свои мальчишеские геройства.

52. Он не сомневался, что в мальчишечьем возрасте люди творят свои самые лучшие поступки. Жалко, что о них потом никто не знает, жалко, что мальчишеские подвиги не засчитываются,

Себастьян, например, лучше всех прыгал с крыш в кроны деревьев – летел, не глядя, прямо в зеленое. Разрывал собою пленку листьев и уже всередине круглых зарослей хватался за какую-нибудь встречную ветку и сразу же переносился на другую.

53. Ну, правда, бывали в детстве приключения, похожие на выходки бандитов.

После таких случаев он сотни раз повторял себе придуманный удачный ход действий, пока и сам не начинал верить, что только так и могло быть в действительности.

Такие истории запоминались дословно раз и навсегда. Видно, какая-то замена бая.

54. Застыв в окопе, Себастьян представлял себе, как чудесно могло бы выйти с той маленькой Карпатией, которую он, воспользовавшись вселенским хаосом, может защитить один.

Придумывал прекрасную страну вокруг Яливца, в которой бы не было мусора, все бы знали языки друг друга, а самой высокой инстанцией было бы бюро сценариев, куда бы каждый мог подавать что-то действительно интересное, и правительство руководствовалось бы этими сюжетами.

Все портит «бы».

55. В марте быстро темнеет.

Задумавшийся Себастьян едва заметил отряд всадников в странных мундирах, вооруженных длинными карабинами. Они двигались к Трэбуше.

Он снял рукавицы, выложил возле руки рядок патронов и прижался к прицелу. Всадники переговаривались (судя по губам – по-венгерски), поглядывая на карту (готический шрифт выглядел так, словно Первой мировой никогда не было). На мундирах выделялись значки лесной охраны.

Себастьян взял винтовку между ног, завернул ее в дерюгу, собрал патроны в карман, рукавицы – в другой и на коленях пополз окопом к большой груде камней. А тогда побежал лесом к дороге и бежал четыре часа без перерыва, пока не добежал до замаскированного в яре броневика старого Бэды.

56. Броневи́к почти свисал над пропастью, привязанный тросом к огромному буку. Верхний люк был открыт, и теплый воздух, выходя из середины, вибрировал над отверстием.

В возе было действительно тепло. Старый Бэда варил вино и рассказывал маленькой Анне про Франциска Ассизского и Франциска Пэтресского. Анна украшала свое пребывание в броневи́ке большими рисунками на белых стенах (что-то похожее Себастьян когда-то рисовал ее маме на ладони) и неудержимым злоупотреблением глаголом «есть».

На тратя времени, Себастьян и Бэда выпили вино и поехали прямо в Квасы, где стоял автобус-бар.

Свою воображаемую войну Себастьян объявил проигранной.

57. Автобус-бар они сперва слышали. А уже тогда увидели достаточно высоко в небе условный знак – шесть береговых ласточек, четыре иволги и одного зимородка. Все птички летали взад-вперед одна за другой, не вылетая, однако, за границы определенной полусферы, словно световые пятна многих сторожевых прожекторов на облачном небе над ночным городом. Их сдерживали тонкие крепкие нитки, которые пучком сходились где-то за высоким оборогом, в котором из-за зимы почти не осталось сена.

Шесть четыре один, – сказал Себастьян.

Бэда заглянул в большую тетрадь и зачитал вслух – шесть четыре один, в мире все таково, как оно есть, и все происходит так, как происходит; в нем нет никакого значения – а если бы было, то не имело бы значения; если есть какое-то значение, то оно должно пребывать за всем, что происходит и так-существует; ибо все, что происходит и так-существует, – случайное.

Это означало, что все хорошо и можно безопасно идти в автобус, который стоял в тайнике за почти пустым оборогом, именно там, где сходились нитки, которыми были привязаны птички. И привязаны они были к ручке передних автобусных дверей.

58. Сигнал безопасности подавал орнитолог, который когда-то кольцевал птиц на Черногоре, Грыняве и на гуцульском крае света – в горах Цибо и был знаком еще с Франциском.

Орнитология постепенно перешла в орнитофилию – он научился заниматься любовью со всеми птицами, которые откладывали хотя бы относительно крупные яйца. Они любились на самых верхах, где вокруг оборачивается только небо, а вся земля уменьшается до неподвижной опоры для ног. Птицы отдавались ему молча, лишь закидывая головы и широко разевая клювы, еле сдерживаясь, чтобы не услышали их самцы. А те ненавидели орнитолога, который любил птиц – орнитолог всегда ходил в окружении нервной стайки птичьих самцов, которые вскрикивали нечеловечьими голосами. Любовники моих любовниц – иронически называл их орнитофил.

Со временем орнитофилия отошла, а пришла философия. Точнее – один трактат Витгенштейна. Бывший орнитолог знал его наизусть, постоянно раздумывая над тем, какую цифру уместно процитировать в данной ситуации.

59. Поэтому, когда орнитолог вызвался стеречь бар, пока Себастьян будет воевать с оккупантами, он предупредил, что сигналы, на которые нужно обращать внимание при возвращении, будут подаваться птицами и Витгенштейном. Чтоб их удалось расшифровать, подарил старому Бэде тетрадь с переписанным от руки логико-философским трактатом. Например, изречение «что-то может быть или не быть событием, а все остальное оставаться таким, как есть» передавалось бы птичкой одного вида, двумя – другого и одной еще одного (один два один). О чем это изречение должно было сигнализировать – следовало решить самому Себастьяну. По крайней мере то, что Себастьян оценил «шесть четыре один» как «все хорошо», оказалось правильным.

60. Орнитофил был, наверное, самым частым посетителем Себастьянова бара. Хотя за пять военных лет в автобусе побывали тысячи самых разнообразных клиентов. Среди них несколько сотен – постоянных.

Бар функционировал очень просто. Себастьян ехал, пока автобус кто-нибудь не останавливал. Желающий заходил в бар, и они ехали дальше. Если же тот не хотел никуда ехать, Себастьян съезжал с дороги, и бар какое-то время работал на одном месте.

Иные клиенты могли неделями ездить в баре без всякой цели.

Некоторые заезжали слишком далеко, и Себастьян вынужден был возвращаться.

Порой бар надолго задерживали в каком-нибудь селе.

Бывало, что неожиданно приходилось собираться и куда-то мчаться.

Можно было договориться о приезде бара на определенное время.

И так далее, и так далее.

61. Себастьян успевал водить автобус, обслуживать клиентов и воспитывать Анну. Перед каждым городком он останавливался и шел в него сам, чтобы – по старой снайперской привычке – сначала обследовать город. Кроме того, он должен был выслушивать разные истории, чтобы пересказать что-то от кого-то где-то кому-то. Эта устная почта настолько утомляла Себастьяна, что он уже не мог вспомнить что, где, когда и с кем происходило. Он ездил по эпосу, не прикасаясь к нему.

62. Единственное, о чем он говорил с клиентами вполне осознанно, были своеобразные взаимные исповеди, лишённые изысканной стилистики, но чрезвычайно богатые сюжетами – кто что любит и не любит, кому что нравится и не нравится, вкусно или нет.

Себастьян считал такие разговоры изначальным катехизисом, обязательным первым уровнем каждого сосуществования.

Так что, встречая любого гостя уже во второй раз, он хорошо знал – к чему тот привык, а что можно предложить попробовать.

63. Больше всего любили бар в отдаленных селах, где жило мало людей и мало что происходило.

В распоряжении каждого обитателя такого села было всего-навсего несколько собственных историй. Каждую из них он бесконечное количество раз рассказывал всем, кого знал, так же точно, как они рассказывали несколько своих. Таким образом циркулировала пара неизменных сюжетов, которые трудно было разделить на пережитые и услышанные.

Приезд автобуса с незнакомыми пассажирами давал возможность приобщиться к чему-то иному. И по-новому изложить свое, которое, вырываясь из зачарованного круга слушателей, снова набирало вес.

64. Интересные вещи случались иногда, когда сходились знакомые и их знакомые, говорили о знакомых и рассказывали истории про знакомых знакомых, услышанные от знакомых.

Не раз бывало такое, что кто-то мог выслушать от незнакомого человека удивительную историю, которая оказывалась про самого слушателя.

Или: часто за одним столом говорили о ком-то, не подозревая, что этот кто-то сидит за соседним.

65. Одно время так постоянно было с Северином. Все говорили про то, как он завел иностранных туристов в горы к каким-то чудным грибам, от которых туристы спятили, а Северин ослеп, но все-таки вывел туристов к людям. Эта история по-разному рассказывалась много раз.

Никто не знал, что Северин жил тогда у Себастьяна и все время был в автобусе. Хорошо, что не слышал всех этих небывиц, потому что закладывал в уши и в нос вату, смоченную джином – чтобы окончательно рассосалась опухоль в мозгу, которую он не захотел дать удалить младшему Млынарскому.

Много всяких легенд о себе приходилось выслушивать орнитологу, которого в баре считали бродячим философом – со временем он, пересказывая и пересказывая трактат, перестал упоминать Витгенштейна.

66. Невероятнее орнитофила была, может быть, только дочка папы римского. Никто не мог знать – правда это или нет, но то, что она так говорила, – правда. В конце концов, с ней никто не собирался спорить – все были рады видеть невозможное.

Дочка папы римского писала пьяные пьесы. По крайней мере, так она назвала свой писательский метод.

Ей как-то надоело мириться с тем, что большая часть интересного происходит тогда, когда она пьяна – самые важные разговоры, самые смешные шутки, самые афористичные мысли, самые оригинальные идеи, самые парадоксальные решения самых болезненных проблем. И беда в том, – ощутила она, – что все это за минуту невозможно припомнить. Поэтому дочка папы римского начала напиваться с карандашом в руке, записывая каждое сказанное и услышанное слово. Динамика ее пьес сильно зависела от выпитого. Иногда ближе к концу персонажи говорили совершенно непонятные вещи. Да более того, дочка папы римского внедрила еще один эксперимент – ремарки точно указывали количество и качество напитков, и авторесса требовала, чтобы актеры пили все это

на сцене по ходу спектакля. Ничего удивительного, что случались интересные импровизации, которые заводили действие в непредвиденные дали.

Автобус Себастьяна на несколько лет стал ее творческой лабораторией, кабинетом, мастерской и жильем.

67. В 1942 году дочка папы римского собралась писать пьесу про цыганских детей, которые убежали из лагеря, и венгерских жандармов, которые их разыскивают. Жандармы приходят к заключению, что детей может вычислить ребенок, представляющий себе, как дети думают и ведут себя, и зовут на подмогу девочку-детектива. Девочка находит цыганчат, хотя и не очень легко – речь идет о различии культур и цивилизаций (на самом деле детям встретился старый Бэда, он провозил их в своем броневике до конца войны).

Восьмилетняя Анна была нужна для изучения детского языка. Дочка папы римского напоила ее коварным сладким молодым вином.

Когда Анна отоспалась и протрезвела, то так рассказала отцу про прививку яблонь, груш, персиков и черешень, что Себастьян поверил – она была внутри деревьев и плавала в соке по сосудам.

68. С тех пор Непростые время от времени передавали Себастьяну сигареты, которые нельзя было выкуривать.

На внутренней стороне сигаретной бумажки Непростые рисовали схему, по которой Анна могла найти то или иное дерево и привить его определенным черенком.

Они ездили в указанные места баром.

69. Вообще-то, ездить автобусом было очень приятно. В нем хорошо пилося и красно говорилось, из него далеко виделось, им как-то обминались все опасности – удавалось приехать немного раньше или счастливо запаздывалось.

Не беда, что часто нехватало еды, что зимой приходилось торчать в заносах и горели руки от мытья посуды в холодной воде, а писать – просто в снег за дверьми, что летом бывало так жарко, аж приходилось постоянно смачивать одежду в лоханке с дождевой водой, а ночами, когда становилось прохладнее, казалось, что снаружи непрерывно идет дождь – в окна набивались рои насекомых, что требовалось бесплатно поить полицию и офицеров.

70. Осенью 1944 года автобус пришлось бросить в Красношоре. В тот же день Себастьян и Анна стопом доехали до Кёнингсфельда – их взяли на рамы селяне, что ходили к Тэрэсве подбирать брошенные немцами велосипеды.

71. Себастьян мог легко побить тех троих у портняжной мастерской в Кёнингсфельде без всякого оружия. Даже без дубинки (дубинку было бы несложно раздобыть, потому что деревья, насыщенные водой, стали мягкими – пора, когда всюду победили вода и зелень). Себастьян еще из армии знал, как можно покалечить голыми руками. А в Африке он еще и принимал участие в довольно театральных состязаниях – боях с вооруженными ножом, шилом, бритвой или

кастетом солдатами (хорошо, что у меня есть Африка, – подумал Себастьян, – всегда можно себе пояснить происхождение многих собственных странностей).

72. Он приближался к троим и четко видел сломанные коротким прямым ударом выпрямленных пальцев хрящи гортани первого, треснувшие от бокового левого удара открытой ладонью сосуда на виске второго, выбитые правой пяткой колено, а правым локтем челюсть третьего.

Но драться он не имел права.

73. Драться означало поубивать, поубивать – значит, бежать и всю жизнь перепрыгиваться. А дома ждет Анна.

Себастьян подошел первым, помня, что прежде всего должен постоянно помнить беречь жизнь, и успел поздороваться перед тем, как трое накинудись на него (еще больше подставляя гортани, скулы, колени, челюсти и солнечные сплетения), связали, закинули в кузов студебеккера и поехали в ту сторону, откуда Себастьян только что шел.

74. Что из него могут выбить на допросе?

На допросе выпытывают тайны, а не вину.

Вина (муж сечевой стрелы, сержант Иностранного легиона, участие в колониальных войнах, зять известного декадента, греко-католик, украинец, контакты с националистами, сионистами, антисемитами, белыми и черными расистами, анархистами, троцкистами, монархистами, иностранными журналистами, пластунами, монахами, офицерами, членами правительства, парламентариями, дипломатами, орнитофилами, наркоманами, родственниками ватиканской верхушки, наемными убийцами, убийство трех наемных убийц (одного несовершеннолетнего), снайпер, незарегистрированное оружие, запрещенные книжки, гашиш, вторая жена – дочка, педофилия, мелкое предпринимательство, частная собственность, нелегальный переход границ, знахарство, местный обитатель, пребывание на оккупированной территории, участие в событиях на Закарпатье 1938-1939 годов, шпионаж, саботаж, нарушение паспортного режима, содействие националистическому подполью, проживание в приграничной зоне, нелегальная психотерапевтическая практика, фрейдизм, морганизм-вейсманизм, нищезанство, витгенштейнизация, отступление от принципов соцреализма в художественном рассказе, критиканство, преклонение перед Западом, пацифизм, полулемк, сопротивление представителям власти, неучастие в выборах в Верховный Совет, уклонение от всесоюзной переписи населения, нетрудоустроенность, бытовое пьянство, нетрудовые доходы, укрывание преступников, нехорошо смотрит, внимательно слушает, много помнит, слишком много говорит) их не интересует, потому что это не тайна.

Жить без тайн, – говорил Франциск.

Тайн он не знает.

Что он знает?

Он знает тысячи мест и слов.

Что он помнит?

Он помнит тысячи мест и слов.

Что он забывает?
Он забывает тысячи мест и слов.
Что он вспоминает?
Он вспоминает тысячи мест и слов.
Что он выдумывает?
Он выдумывает тысячи мест и слов.
Что он рассказывает?
Он рассказывает тысячи мест и слов.
Что он изучает?
Он изучает тысячи мест и слов.
Что он любит?
Он любит тысячи мест и слов.
Что он выбирает?
Он выбирает тысячи мест и слов.
Что он не выбирает?
Он не выбирает тысячи мест и слов.
Что он умеет?
Он умеет видеть, знать, любить, помнить, забывать, вспоминать,
выдумывать, рассказывать, выбирать, не выбирать тысячи мест и слов.
Что он делает?
Любит, видит, изучает, знает, помнит, рассказывает, забывает, вспоминает,
выбирает, выдумывает, не выбирает тысячи мест и слов.
Чего он хочет?
Видеть, изучать, знать, любить, помнить, забывать, рассказывать,
вспоминать, делать, выдумывать, выбирать, не выбирать тысячи мест и слов.
Что он может?
Видеть, изучать, любить, знать, выдумывать, не выбирать, забывать,
вспоминать, выбирать, помнить, рассказывать, делать, хотеть тысячи мест и слов.
Что тогда тайна?
Как и для чего он видит, любит, помнит, рассказывает, знает, хочет, может,
умеет, делает, забывает, не выбирает, вспоминает, выдумывает, выбирает тысячи
мест и слов.
Как и для чего есть тысячи мест и слов, то есть все, что видится, изучается,
знается, помнится, забывается, вспоминается, выбирается, любит, хочется,
может, умее, выдумывается, не выбирается.
А это уже не его тайна.
Он может спокойно идти на допрос. Хотя боли не избежать, если не знаешь
хоть какой-нибудь тайны, но нет необходимости ее выносить – сама как-нибудь
пройдет.

75. Дорогой Себастьян пережал себе сонные артерии, чтобы немного
поспать перед допросом. Спать – удлинять время на полжизни.
Его еле дозвались на допрос.

76. Прежде всего предложили закурить. Он взял три или четыре сигареты
из целой пачки ленд-лизовского Кэмела.

Про сигареты на потом надо думать даже тогда, когда они каким-то чудом появляются теперь, сигареты – лучшее доказательство того, что все заканчивается (Себастьян знал одного убежденного фашиста, который сдался американцам в плен потому, что там ежедневно давали сигареты).

77. Тогда уж поздоровались, назвали фольклористами, велели приготовиться к продолжительной беседе и призвали быть искренним.

Себастьян решил вовсе даже не упоминать, что спешит к Анне. Это может вызвать охоту продержат его как можно дольше.

А что касается искренности, то он знал один неплохой способ. В бае, как и в ласках, все зависит от ритма. Если взять фальшивый ритм, то какая может быть искренность. Правильные высказывания ни к чему не приведут. Он решил попробовать такой стандарт – шесть коротких, одно долгое, одно очень короткое снизу вверх, одно очень долгое с оборотом по спирали и два коротких неполных вправо.

Себастьян так настроился, аж услышал свой голос, не начав еще говорить. И тот голос ему понравился.

В конце концов, еще не было случая, когда бы он не смог пережать кого-то беседой.

78. Себастьян почему-то напомнил себе рассказ одного из растаманов про то, что у сегедской Нанашки есть в Сегеде маленькая частная тюрьма, в которой держат случайных людей, арестованных для того, чтобы рассказывать Нанашке всякие байки.

79. Когда Себастьяна через пару часов выпустили, и он снова шел к Мокрой через Кёнингсфельд и спешил к Анне, то никак не мог понять – почему все так легко и безболезненно случилось. То ли потому, что сразу сказал фольклористам, где искать сокровища Довбуша (о разных ценностях стоит признаться быстрее, чем начнутся пытки, – учил он Анну), то ли он был прав, и попытка понимания посредством разных языков действительно – пик бытия. Хотя могло быть даже проще: или эти люди действительно были фольклористами, или помог фальшивый ритм. Может быть, и то, и другое.

80. Он пришел домой только следующим утром.

Анна очень долго спала, потому что заснула перед самым его приходом. Себастьян не снимал с нее даже обуви, чтобы не разбудить, сидел рядом и ждал, пока она так хорошо спала.

Сыр таки завонялся, он прожаривал его с тмином, а она грела на огне из мягких, потому что мокрых, веток вчерашний суп – хлеб, лук, заячью капусту и сушеные на дереве вишни намочить в сливовице, варить в воде со сметаной, добавить масла, соли, паприки, налить в миски, в каждую порцию плеснуть большую ложку горилки и есть, пока очень горячее (кроме обязательных ингредиентов, Анна утопила в супе весь жареный сыр).

Потом Себастьян рассказывал, что ничего более удивительного никогда не слышал.

Если по карте (легенда)

Написанное в Париже в 1976 году блестящее историческое эссе Анны Себастиани о психологии христианского мученичества «Безответственная последовательность плотная» имеет такой лирический эпиграф – «О том, что это приходили святые, узнаешь через столетия. Тодиаска, 1951».

Правдоподобно, что эта фраза автобиографична и касается встречи Анны с будущими мучениками катакомбной украинской греко-католической церкви на горе Тодиаска. Судя по месту и времени, речь идет о путешествии Анны и Себастьяна из Мокрой в Яливец.

Если это действительно так, то самый вероятный маршрут путешествия выглядел так:

Дойче Мокрая – Руська Мокрая – Кенингсфельд – Свидова – Берлиаска – Пидпула – Тодиаска – Блызныца (пять последних – горы на Свидовке) – Квасы – Мэнчил – Шэшул – Яливец.

Семь

1. Было так холодно, что невозможно было снять с себя хотя бы козухи.
2. Сидя на каменном полу пустой комнаты, они любились так просто, что Анне показалось, будто она распалась на много частей, каждая из которых любитя с Себастьяном.
3. А он чувствовал, что научился летать, хотя понимал, что это оттого, что – в Яливце.
4. Холод не мог протиснуться в раскрытые щели одежды, потому что навстречу ему вырывался жар с особенным привкусом обонятельной галлюцинации.
5. Главное – не спешить выходить, когда ничто не держит и можно поговорить.
6. Если так – ты такая большая, а в действительности – маленькая.
7. Тебя так много и так мало.
8. Так хорошо миру, и мир тоже хорош.
9. Хотя в тебе мир лучше, чем вне тебя.
10. Больше всего хочу касаться своего беременного живота вместе с тобою.
11. Если у тебя будет когда-нибудь другой муж, то он погибнет оттого, что у него будет слишком хорошая жена.
12. Не говори со мной такими интонациями – так говорят, когда закрыто, когда не можешь пробиться.

13. Я хороша тогда, когда ты об этом мне рассказываешь.
14. Анна задремала, сидя на Себастьяне, упершись лбом в плечо, и он должен был так сидеть, хотя очень хотелось разогнуться и лечь.
15. Как и с предыдущими Аннами, с этой всегда было так, как в первый раз в мире.
16. Потом за Анной пришел старый Бэда. С Непростыми ничего не случилось. Сюжеты не могут заканчиваться. Они решили ехать куда-то за край света и ждут ее в броневике. Анна стала страшно грустной. Себастьян сказал, что никому ее не отдаст. Она выпила много джина и заплакала. Бэда пришел еще раз. Себастьян выгнал его и бросил в окно гранату. Анна напилась и начала размышлять вслух про их семью. Себастьян впервые понял, что она воспринимает все совершенно иначе, чем он. Она плакала и пыталась поцеловать его в руки. Он не давал, она перестала плакать и спокойно попросила позволения поцеловать каждую руку по разу. Себастьян позволил, и она сделала то, что хотела. Вторую целовала очень долго. Он вынужден был отнять руку, чтобы кинуть еще одну гранату. Анна сказала, что он делает для нее слишком много. И пошла к дверям. Себастьян не мог этого понять. Помнишь, мы говорили? Она обернулась, но не останавливалась – вышла, пятась. Себастьян сделал какой-то такой жест, что Анна, когда была уже возле броневика, не удержалась и попробовала его повторить сама себе, словно стала Себастьяновым биографом. Интересно, что делает в эту секунду папа. Поиск интересного – самый человеческий признак, папа такое говорил. Так говорил Себастьян, так говорил Франц.
17. Себастьян не мог ни сидеть, ни идти, ни стоять, ни лежать.
18. В глубине легких было пусто.
19. Три тысячи раз он подумал слово «Анна».
20. Только под вечер смог что-то делать, К тому же сразу четыре дела одновременно.
21. Писал на снег.
22. Присматривался к дереву, на котором какие-то птицы выглядели, словно перезрелые плоды.
23. Ощупывал кончиком языка непривычный от охлаждения рельеф поднебья.
24. И молился за души умерших, за которые больше никто не мог помолиться – за Франца, Лукача, старого Бэду, французского инженера, Лоци,

растаманов, слепого убийцу, его ребенка, орнитолога, Штефана, Нанашку, посла Стефанька, посла Лагодынского, художника Труша, художника Перфецкого, инструктора по выживанию, боснийца-капитана, четаря Пэлэнского, сотника Дидушка, сотника Букшованого, полковника Колодзинского, генерала Тарнавского, своих негротянок, Северина, младшего Млынарского, дочку папы римского, Брэма, Витгенштейна, цыган-трубачей, Анну, Анну и Анну.

25. На яблонях в бывшем городском саду висело очень много яблок. Никто их не срывал и не сорвет. Вынул из кармана яблоко, подобранное вчера. Укусил, и в рот попал длинный Аннин волосок.

26. Люблю ее, а не себя, а она есть, всегда где-то есть, такая же прекрасная. Хорошо хоть где-то кого-то иметь. Хотя бы для того, чтобы было кому рассказать историю дня, который стоит ради этого прожить.

27. На том свете привычнее всего себя чувствуют не воины и не лекари, не строители и не садовники, а рассказчики историй, баильники.

28. С самого высокого дерева среди тех, что Себастьян посадил в 1914 году, взлетели сороки и полетели в тень Пэтрона.

29. Себастьян сосчитал – семь.

30. В тетради орнитолога семь – о том, про что нельзя сказать, надо молчать.

31. Среди всех доказательств существования Бога это может считаться самым лучшим.

Содержание

Шестьдесят восемь случайных первых фраз	3
Хронологически	6
Письма к Бэде и от него	7
Генетически	10
Первая старая фотография – единственная недатированная	13
Физиологически	16
Ходить, стоять, сидеть, лежать	20
Ситуации в колорите	24
Вторая старая фотография – Арджэлюджа, 1892	29
Искушения святого Антония	31
Чрезмерные дни	44
Третья старая фотография – разве что в Лярусс	49
Воображаемые войны – коротко	57
Непростые	61
Говорить или перестать	64
Тридцать лет семьи С.	68
Непроза	70

Имей красивый бай (например)	76
Если по карте (легенда)	96
Семь	97